

**Могилы превысокие:
языческие курганы племенной аристократии
Северо-Западной Руси VIII–XI вв.**

Н.И.ПЕТРОВ

© Н.И.ПЕТРОВ

Published in March 1999 by:

OPEN SOCIETY INSTITUTE
CENTER FOR PUBLISHING
DEVELOPMENT
**ELECTRONIC PUBLISHING
PROGRAM**

Open Society Institute
Center for Publishing Development
Electronic Publishing Program
Október 6. u. 12
H-1051 Budapest
Hungary
www.osi.hu/ep

This work was prepared under financial support from the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation.

Research Support Scheme
Bartolomějská 11
110 00 Praha 1
Czech Republic
www.rss.cz

The digitization of this report was supported by the Electronic Publishing Development Program and the Higher Education Support Program of the Open Society Institute Budapest.

Digitization & conversion to PDF by:

The logo for Virtus features the word "VIRTUS" in a blue, serif font with a registered trademark symbol (®) to its upper right. A horizontal blue gradient bar is positioned below the text, extending from the left edge of the word.

Virtus
Libínská 1
150 00 Praha 5
Czech Republic
www.virtus.cz

The information published in this work is the sole responsibility of the author and should not be construed as representing the views of the Open Society Institute. The Open Society Institute takes no responsibility for the accuracy and correctness of the content of this work. Any comments related to the contents of this work should be directed to the author.

All rights reserved. No part of this work may be reproduced, in any form or by any means without permission in writing from the author.

Contents

Введение: «проблема сопок» в археологическом изучении Северо-Западной Руси.....	1
I. Общие вопросы исследования сопок	4
I.1. Интерпретация сопок: археологические источники.....	4
I.2. Интерпретация сопок: летописные источники.....	14
I.3. Интерпретация сопок: фольклорные источники	17
I.4. Сопки: позиция в культуре	19
I.5. Сопки: словене (ильменские) и «культура сопок»	33
II. Формирование традиции сооружения сопок: VIII-IX вв.	44
II.1. Погребальные древности северного Поволжья VIII-IX вв.: вопросы хронологии.....	44
II.2. Об истоках сопочной традиции.....	50
III. Распространение сопок на северо-западе: IX-X вв.	55
III.1. Традиция возведения сопок и формирование поселенческих структур	55
III.2. О тенденциях развития сопочной традиции	57
IV. Сопки в культуре древнерусского населения: XI-XII вв.....	62
IV.1. О христианизации Северо-Западной Руси.....	62
IV.2. О распространении погребального обряда труположения на Северо-Западе	66
IV.3. Исчезновение традиции возведения сопок.....	75
Заключение	83
Библиография.....	87
Источники.....	87
Исследования и публикации	88
Архивные материалы	106
Список сокращений	109
Summary	111
Иллюстрации	117
List of illustrations	129
Illustrations.....	132

Введение: «проблема сопок» в археологическом изучении Северо-Западной Руси

Древности Северо-Западной Руси эпохи раннего средневековья еще в период становления славяно-русской археологии стали привлекать внимание исследователей. Полевое изучение археологических памятников Северо-Запада второй половины I-начала II тыс. н. э., обобщение и систематизация полученных материалов, дискуссии, связанные с проблемами их интерпретации, - все эти направления раннесредневековой археологии Приильменя и сопредельных регионов продолжают развиваться и в настоящее время.

Культурно-историческая специфика Северо-Западной Руси рассматриваемого периода в первую очередь, пожалуй, определяется широким распространением здесь монументальных курганных сооружений с погребениями по обряду трупосожжения-сопок. Первые их археологические исследования, считающиеся первыми археологическими раскопками в России вообще [Лебедев 1992:53; см. Также-Лебедев 1995a:56], были предприняты в начале XVIII в. В 1700-х гг. петербургский пастор Вильгельм Толле произвел раскопки «старинных языческих могил или курганов» («eine alte Heydnische Gräber Tumuli, oder Berg-Hugel») в окрестностях Старой Ладogi [H.G. 1713:54–55, 62–63, 65–66, № 29, 36–41, 5; перевод приводится по - В.Т. 1868:102–103; см. также - Бранденбург 1895:1].

Следующие по времени полевые археологические изыскания на Северо-Западе России также были связаны с раскопками сопок. В августе 1733 г. следовавшие в Сибирь члены второй Камчатской экспедиции Академии наук (1733–1743 гг.) - Иоганн Георг Гмелин, Делиль де ла Кроер и Герард Фридрих Миллер - прибыли в село Бронницы, расположенное в низовьях р. Мста, в окрестностях Новгорода. Обнаружив поблизости от Бронницкого городища «2 небольшие пригорка, которые по всему виду не что иное, как тутошних древних языческих жителей кладбища мертвых суть...», путешественники провели инструментальные обмеры данного комплекса памятников и предприняли раскопки «пригорков» [Gmelin, Croire, Müller 1886:387-389; см. также - Миллер А-1733:16–17об; Protocollum... А-1733:2–2об]. И.И.Еремеев [1995:66–69, 71, рис. 1], обративший недавно внимание исследователей на указанные полевые изыскания, аргументированно отнес несохранившиеся до наших дней «пригорки» близ Бронницкого городища к сопкам (рис. 1).

Однако, выделение сопок в качестве особой группы древностей Северо-Запада России было предпринято лишь в следующем столетии З.Д.-Ходаковским, который ввел в научную литературу и сам термин *сопка*, использовавшийся (и использующийся до сих пор [см. - Строгова 1991:117–122]) сельским населением данного региона для обозначения погребальных (и не только) археологических памятников [Ходаковский 1844a]. Многие визуально фиксируемые отличительные черты сопок (в современном научном смысле этого слова) были отмечены впервые именно З.Д.-Ходаковским - исследователь очертил ареал распространения подобных памятников, отметил их приуроченность к возвышенным берегам рек и озер, монументальный внешний облик¹, особенности расположения «величественных могил» в группах² [Ходаковский

¹ «Кажется, что помышляли об укреплении сих памятников на многие веки...» И далее: «Везде имеют они коническую форму; высота некоторых доходит от 4 до 5 сажен...» [Ходаковский 1844a:369].

² «Оные (сопки — Н.П.) неотступно придерживаются воды по берегам и всем изгибам рек и речек; в полях не видно их вовсе, и даже мне не случилось заметить, чтоб одна сопка стояла позади другой в поле» [Ходаковский 1839:146].

1839:145-146; 1844a:369–370; ср. например - Конецкий 1989б:5; см. - Формозов 1986:51].

* * *

Своеобразие сопок и их связь исключительно с указанным регионом впоследствии³ неоднократно отмечались исследователями [см. например - Ляпушкин 1968:96; Седов 1970:5; Носов 1982:64; Конецкий 1992a:125]. При этом следует подчеркнуть, что целый ряд вопросов, связанных с данной группой курганных древностей и не нашедших своего окончательного решения до сих пор (этносоциальная интерпретация, хронология, типологический анализ и т. д.), в целом образует своего рода «проблему сопок», актуальность которой представляется очевидной.

«...Вопрос о сопках, - отметил в 1967 г. М.И.Артамонов [1967:66], - принадлежит к числу наиболее темных в русской археологии». Сегодня подобную оценку рассматриваемой проблемы вне всяких сомнений можно было бы признать очевидным преувеличением. Исследования 1970-х – 1990-х гг. позволили подойти к «проблеме сопок» на качественно ином уровне - как источниковедческом, так и концептуальном. Однако, вывод, к которому приводит изучение имеющихся в наличии материалов, оказывается несколько неожиданным: при безусловном единстве сопочной традиции почти каждая исследованная раскопками сопка представляет собой (за редкими исключениями) уникальное сооружение, более или менее полное аналогии которому (в рамках данной группы курганных древностей) обнаружить практически невозможно. «Наблюдаемое "отсутствие единства" в детальных признаках сопок само по себе есть общая черта этого типа насыпей» [Носов 1994:3]. Наиболее правомерное (впрочем, отнюдь не исчерпывающее) объяснение типологического разнообразия сопок было предложено Е.Н.Носовым [1994:3], по мнению которого, данные сооружения «запечатлели в своем устройстве ситуацию появления новой, еще не устоявшейся традиции».

Представляется, что общим результатом изысканий последнего десятилетия явились не столько те или иные решения существующих вопросов, сколько постановка новых [ср. - Носов 1982:55]. Думается, подобная ситуация, с одной стороны, отражает современное состояние разработанности «проблемы сопок», с другой, - требует проведения обобщающего исследования последней. Попыткой подобного исследования и является настоящая монография.

В основе данной работы лежит предпринимаемая на основе синтеза различных видов источников реконструкция позиции сопок в культуре населения Северо-Западной Руси конца I – начала II тыс. н. э. Необходимо особо подчеркнуть, что автор обращается к проблеме высоких курганов Северо-Запада, в первую очередь, в связи с исследованием **погребальных традиций**; именно этому аспекту изучения данной группы древностей уделяется основное внимание. (Еще в 1968 г. И.И.Ляпушкин [1968:118] отмечал: «Сказать о ней (о "духовной жизни" славян VIII–IX вв. - Н.П.) что-либо, кроме того, что славяне... хоронили покойников по обряду трупосожжения и были язычниками, ничего нельзя».) Вопросы же соотношения рассматриваемых памятников с определенными этническими коллективами (в том виде, в каком они звучат в настоящее время в литературе) вызывают возражения автора в самой своей постановке [см. - Петров 1996в:10–20; Петров 1997a:9–10, 21].

³ История изучения рассматриваемых сооружений не раз получала подробное освещение в литературе [см. например — Жервэ 1995; Лебедев 1982a:15-26; Лебедев 1995a; Носов 1982:43–78; Петренко 1994:5–43; Седов 1970:5–8; Седов 1974:5–10; Седов 1982:59–61].

* * *

Охарактеризованная выше некая «неопределенность» сопок, как типа погребального памятника, (являющаяся, надо полагать, не столько результатом неразработанности типологического аспекта рассматриваемой проблемы, сколько отражением культурно-исторических реалий) в значительной степени определяет основные принципы подхода к их изучению. Коль скоро речь идет о «неустоявшейся традиции», процессы ее формирования, развития и распространения, исчезновения должны быть рассмотрены в контексте иных типов погребальных памятников, существовавших на территории Северо-Запада в «эпоху сопок». Только в этом случае, на мой взгляд, появится возможность аргументированной интерпретации данной группы погребальных древностей.

Особое же внимание необходимо уделить анализу результатов исследований «комплектов памятников»⁴, содержащих **различные** типы погребальных сооружений, **в том числе** - сопки и так называемые «сопкообразные» курганы. Указанный «приоритет» в области источниковой базы определяется рассмотренной выше общей постановкой проблемы. Попутно, хотелось бы подчеркнуть необходимость изучения тех или иных вариантов развития сопочной традиции на микрорегиональном «уровне». Только после завершения данного этапа исследования можно ставить вопрос о существовании (или же - об отсутствии) неких общих тенденций в судьбах подобных курганных сооружений - тенденций, характерных для всего ареала (рис. 2) их распространения. Впрочем, в связи с чрезвычайно неравномерной изученностью сопок в различных регионах Северо-Запада такого рода обобщения представляются преждевременными.

* * *

Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность всем исследователям, принявшим участие в обсуждении данной работы, а также любезно разрешившим автору ознакомиться с неопубликованными материалами и использовать их в настоящем издании, - С.В.Белецкому, Вас.А.Булкину, И.В.Ислановой, О.В.Клубовой, В.Я.Конецкому, С.Л.Кузьмину, Г.С.Лебедеву, Ю.М.Лесману, А.С.Матвееву, Д.А.Мачинскому, Е.Р.Михайловой, Е.Н.Носову, А.А.Панченко, Н.И.Платоновой, А.А.Селину.

⁴ Значение термина — по Г.С.Лебедеву [1973а:58; 1975:57–58].

I. Общие вопросы исследования сопок

Последовательное рассмотрение этапов существования традиции возведения сопок - ее формирования, распространения и исчезновения - не представляется возможным без общего анализа имеющейся на сегодняшний день источниковой базы. Подобному анализу, позволяющему, на мой взгляд, в качестве своего рода промежуточного итога исследования определить общую позицию, занимаемую сопками в культуре возводившего их населения, и посвящена данная глава.

I.1. Интерпретация сопок: археологические источники

Критерии комплектации источниковой базы рассматриваемой здесь группы погребальных древностей постоянно находились (и находятся до сих пор) в центре внимания исследователей. Впервые термин *сопка* получил достаточно жесткую «привязку» к определенной группе курганных сооружений в работах А.А.Спицына. «Название *сопок*, - отметил исследователь [Спицын 1899б:142], - можно усвоить высоким курганным насыпям Новгородской области и таким же собственно-русским насыпям других древне-русских земель. Целые, нераспаханные насыпи ниже 4 арш. (2.88 м - Н.П.) удобнее (! - Н.П.) называть просто курганами».

В 1941 г. высота курганных сооружений была положена в основу отбора памятников для свода сопок Н.Н.Чернягиным. Впрочем исследователь справедливо заметил, что «размер от 2 м отвесной высоты и более является условным» и что «признака величины еще недостаточно для того, чтобы характеризовать те памятники, которые являются собственно сопками». «Существеннейшими их признаками, - полагал Н.Н.Чернягин, - являются неизменная связь с водой и расположение - или одиночное или цепью нескольких насыпей...» [Чернягин 1941:95–96].

В.В.Седов также уделил особое внимание выделению признаков, отличающих сопки от прочих курганов, в своде данных памятников 1970 г. Отметив некорректность «метрового» принципа выделения сопок среди других курганных сооружений, В.В.Седов (как и В.С.Пономарев [А-1938:3–4]) указал на два основных отличительных, по его мнению, признака подобных памятников - наличие кольцевой валунной обкладки основания насыпи и «уплощенной или горизонтальной» вершины, придающей сопке усеченно-коническую форму. Впрочем, высота насыпей, судя по всему, также учитывалась при составлении свода - в качестве необходимого минимума высоты для сопок в своде указывается 2.0–2.5 м [Седов 1970:5, 7–10].

Впоследствии Е.Н.Носов [1974:212–214] аргументированно показал, что основные внешние признаки сопок выделенные В.В.Седовым не могут рассматриваться в качестве таковых и - более того - в конечном счете не являлись (в отличие от высоты насыпи) определяющими при составлении свода 1970 г. Касаясь так называемого «метрового» принципа выделения сопок, Е.Н.Носов [1974:230–231] сделал чрезвычайно любопытное, на мой взгляд, замечание: «Надо полагать, - отметил исследователь, - что население, оставившее сопки, насыпало не только огромные, но и сравнительно небольшие насыпи. ... Внешний критерий (значительная высота курганного сооружения - Н.П.) характеризует лишь крайность обряда, наиболее полное его проявление...» Впрочем, конкретизация этого предположения до сих пор представляется чрезвычайно затруднительной.

Следует признать, что так называемый «метровый» подход, неоднократно признававшийся неправомерным [см. например - Тараканова 1951:152; Ляпушкин 1968:96], тем не менее остается, пожалуй, единственным возможным путем **предварительного** формирования **исходного** (для исследователя) круга памятников.

Дело в том, что, признавая существование на Северо-Западе в эпоху раннего средневековья **неких высоких** погребальных насыпей, мы неизбежно вводим высотную характеристику (в качестве основной) в процесс предварительного сбора материалов по интересующей нас проблеме. Первоначально высота курганного сооружения (выбранная в качестве своеобразного «репера») бесспорно окажется условным показателем - очевидно, что включая в число интересующих нас памятников курганы выше, например, 2.5 м мы рискуем «вынести за скобки» исследования насыпи, относящиеся к изучаемой традиции, высота которых однако (по тем или иным причинам) составляла на момент археологической фиксации **несколько** менее 2.5 м. С другой же стороны, археологизированное погребальное сооружение высотой **немногим** более 2.5 м вполне может и не иметь никакого отношения к рассматриваемой группе древностей.

Следует ли в таком случае отказываться от «метрового» подхода? Видимо, нет. Важно, однако, анализируя условно выделенную в рамках определенного историко-культурного региона группу высоких курганов, относящихся к соответствующей эпохе, учитывать весь «спектр» синхронных курганных сооружений. В этой ситуации не столь важно какой именно высотный показатель будет взят за основу⁵. Вопрос будет заключаться в другом - каким образом в условной группе погребальных древностей следует выделять культурные типы⁶?

* * *

Первая попытка разработки классификации сопочных сооружений была предпринята В.С.Пономаревым [А-1938:8, 19]. (Характеристики **внутренней** структуры сопок в работах и Н.Е.Бранденбурга [1890:11–13], и А.А.Спицына [1899а:308–309; 1899б:142–149] в значительной степени представляют собой **описания** результатов раскопок **высоких** погребальных насыпей Северо-Запада, содержащих трупосожжения, а не перечень **признаков**, присущих данной группе древностей в целом.) На «ограниченное количество признаков, использованных для классификации» В.С.Пономаревым в литературе уже указывалось [см. например - Петренко 1994:35]. Здесь лишь хотелось бы отметить, что рассматриваемая классификация в целом соответствует поставленной задаче - дать «общую систематическую сводку» исследованных раскопками сопок Северо-Запада [Пономарев А-1938:7]. Однако, вряд ли допустимо полагать, что выделенные типы мы вправе расценивать в качестве культурных.

Типологический анализ исследованных раскопками сопочных сооружений позволил Г.С.Лебедеву [Лебедев 1977б:91–93, карта 1; см. также - Лебедев, Рябинин 1978:156–157] выделить четыре «группы» подобных памятников, распределяющихся по трем «типо-хронологическим пластам», последовательно сменяющим друг друга в направлении с юга на север (северо-восток). Данная классификация вызвала справедливые критические замечания многих исследователей. «Г.С.Лебедев, - отметил Е.Н.Носов [1981а:55], - ввел для сравнения отрывочные неоднозначно описанные и вырванные из "контекста" памятников признаки, которые далеко не исчерпывают всех конструктивных особенностей... сопки, раскопанных траншеями и шурфами».

⁵ Думается все же, что (как показывает опыт составления сводов курганных древностей Северо-Запада) наиболее предпочтительной здесь является высота в 2 м. [см. например — Плоткин 1989:168].

⁶ Значение термина *культурный тип* — по Л.С.Клейну [1991:380].

В 1980-е гг. к типологическому анализу сопочных древностей северного Поволжья обратился В.П.Петренко. «На основе реконструированных источников,-отмечал исследователь [Петренко 1994:9] в вводной части своей итоговой монографии, - в описании памятников выделяется серия сопоставимых признаков, ограничивающих топографию, комплектность, внешний вид, структуру насыпей, характеристики объектов в насыпях, захоронения, а также инвентарь. На этой основе вычленяются типы памятников, **отражающие погребальные обряды** (выделено мною - Н.П.), восходящие к определенным представлениям людей, возводивших такие сооружения. Типы сопок рассматриваются как развивающиеся во времени и пространстве виды погребальных обрядов...» (Указанная монография издана в 1994 г. (после смерти исследователя), но отражает «историографическую ситуацию середины 1980-х гг.» [Носов 1994:4].)

Столь объемная цитата, характеризующая исходные методические установки исследователя приведена здесь не случайно. Дело в том, что, как видно из изложенного выше, В.П.Петренко изначально стремился к разработке некоей «исчерпывающей» типологии (классификации) сопок северного Поволжья, отражающей соответствующие культурные реалии. Однако, выделению типов погребальных археологических памятников, отражающих те или иные погребальные обряды, «восходящие к определенным представлениям людей, возводивших такие сооружения», должна, на мой взгляд предшествовать, реконструкция по крайней мере основы подобных представлений. (В противном случае «исходные» серии признаков неизбежно будут расцениваться как «равноправные». Между тем, «принцип равноценности всех признаков, - как справедливо отметил Л.С.Клейн [1979:57-58], - чужд задачам исследования культуры.») В.П.Петренко подобная реконструкция не предпринималась⁷.

«Закономерности распределения... признаков, их взаимовстречаемость, повторяемость серии элементов в разных насыпях, ...наличие эндемичных признаков, выявляемых при сравнении нескольких групп памятников» позволили В.П.Петренко [1994:53–68] выделить несколько типов волховских сопок (I-IV (V?)). «...Выявленная неоднотипность сопок, не составляющих последовательные звенья одной типологической линии развития обряда, - заключил исследователь [Петренко 1994:114], - заставляет отказаться от моноцентричной схемы происхождения крупноформатных погребальных сооружений Поволжья, а тем более Новгородчины в целом».

Типология, разработанная, В.П.Петренко получила определенное признание среди археологов [см. например - Харлашов 1994:245]. Впрочем, нередко типы сопок, выделенные исследователем, расцениваются как «некоторые тенденции погребальной обрядности, обусловленные этносоциальной неоднородностью населения, а не четко разграниченные "типы" в строгом смысле» [Мачинский, Мачинская 1988:46; см. также - Конецкий 1993:7].

В.Я.Конечкий [1993:7-9], затронув вопрос о признаках сопок уделил особое внимание «структурно и семантически значимым элементам и особенностям конструкции». Исследователь отметил характерную для подобных памятников «регулярность расположения различных объектов» в теле насыпи относительно

⁷ Здесь уместно процитировать следующее замечание А.Н.Гудим-Левковича [1994:77]: «Применительно к историко-археологической типологии нужно отметить, что в отличие от научной проблемы археологические данные прямо не участвуют в создании гипотезы. Единственный здесь выход — это выйти за рамки собственно археологического материала и искать возможные решения в других отраслях знания...»

вертикальной оси всего сооружения в целом, сделав при этом чрезвычайно важную, на мой взгляд, оговорку: «Предпринимавшиеся попытки детального описания всех признаков сопок и разделения их на этой основе... пока не дали ощутимых результатов. ...На нынешнем уровне изучения этих памятников более целесообразным будет общий, суммарный подход к сопкам на всей территории данной культуры».

Обращение к **структуре** исследованных раскопками погребальных насыпей, то есть - к организации их внутреннего пространства [Кузьмин 1990а:53], представляется наиболее верным путем в решении поставленного вопроса. И здесь уместно отметить следующее обстоятельство: «Сравнительный анализ показывает, что обрядовые **действия** (здесь и далее выделено мною - Н.П.) по отношению к действующим лицам и используемым в обрядах предметам являются элементом устойчивым, тогда как участники и **предметы** в обряде - это элементы переменные» [Калинина 1995:11]. Стоит указать и на утверждение К.Леви-Строса [1994:154]: «Постоянны не элементы, а только отношения между ними». Таким образом, учет постоянства (равно как и противоположной ситуации) в той или иной структуре погребального сооружения (то есть - во взаимоотношениях элементов последнего) представляется необходимым этапом в разработке типологии высоких курганов Северо-Запада.

Можно полностью согласиться с С.Л.Кузьминым [1990а:53–56], выделившим среди высоких курганов Северо-Запада Новгородской земли с погребениями-трупосожжениями две самостоятельные традиции. Одна из них характеризуется прежде всего чрезвычайно аморфной («без видимого порядка») структурой размещения погребений в теле насыпи и включением в общий объем сооружения материкового останца, составляющего от 1/3 до 2/3 общего визуально воспринимаемого объема памятника и окруженного рвом-подрезкой (рис. 3). Подобные погребальные памятники выявлены раскопками как правило в составе курганных могильников так называемой «культуры псковских длинных курганов»; наиболее ранние из их числа относятся к VI-VIII вв. и, таким образом, сопоставимы с **начальным** периодом массового распространения традиции возведения курганной насыпи как таковой на территории Северо-Запада России. (В указанной работе исследователя они обозначены как «высокие насыпи культуры (псковских - Н.П.) длинных курганов».) В курганах же, **в первую очередь** относимых большинством исследователей к так называемым «классическим» сопкам, отчетливо прослеживается приуроченность различных объектов в теле насыпи (прежде всего - погребений) к центральной вертикальной оси всего сооружения в целом (воображаемой или реально существовавшей⁸). Рвы-подрезки вдоль оснований насыпей (сопоставимые по своим размерам с упомянутыми выше) в этих случаях отсутствуют (рис. 4). Именно эти погребальные памятники С.Л.Кузьмин (вслед за В.Я.Конечким) предлагает именовать

⁸ Последними на сегодняшний день подобными находками являются остатки деревянного столба, прослеженного на высоту 2 м («толщиной 0.4 м») в сопке 17-III около б. д. Новые Дубовики на р. Волхов (раскопки С.Л.Кузьмина [1992в:54; 1994б:61–64] 1990 г.; здесь и далее нумерация сопок северного Поволжья дается по В.П.Петренко [1994:119–120]), а также — яма, содержащая в заполнении небольшие валуны и обнаруженная в центре материкового останца, на котором в дальнейшем была сооружена насыпь, входившая в состав группы сопок у дд. Брод—Лучки (Брод-VI) в междуречье рр. Пола и Мста (раскопки В.В.Милькова [Фролов 1994:36-40, рис. 2 (а–б)] 1991 г.). Как убедительно показал А.А.Фролов [1994:38-40, рис. 2 (а–б)], данная яма являлась основанием столба, установленного в центре насыпи в процессе возведения последней.

сопками⁹. Высокие же погребальные насыпи, сочетающие в себе признаки указанных двух групп монументальных курганов Северо-Запада, были расценены исследователем как результат процесса интеграции самостоятельных (по своему происхождению) традиций¹⁰.

* * *

Существуют ли у рассмотренных групп памятников некие внешние признаки, позволяющие определять принадлежность тех или иных курганов к соответствующей традиции **до проведения раскопок?**

По мнению С.Л.Кузьмина, возможность выделения подобных признаков существует: «высокие насыпи культуры длинных курганов» (в отличие от «классических» сопок) входят в состав групп, содержащих длинные курганы (впрочем, встречаются и одиночные памятники); окружены по основанию весьма значительными по своим размерам рвами-подрезками; расположены в сосновых борах, на значительном расстоянии от водоемов.

Следует признать, что ландшафтная приуроченность охарактеризованных памятников, обусловленная их расположением в соответствующих курганных могильниках, в данном случае не может однозначно указывать на **полное** несоответствие подобных насыпей «классической» традиции возведения сопок. Кроме того, стоит отметить, что сооружение погребальной насыпи на материковом останце (в качестве своего рода «технологического приема» возведения последней) неоднократно фиксировалось и при исследованиях памятников, принадлежность которых к сопкам вряд ли может вызывать сомнения. К таковым следует отнести насыпь 17-III около б. д. Новые Дубовики на р. Волхов (раскопки С.Л.Кузьмина [1992в:53–54] 1990 г.) - высота материкового останца, на котором был возведен первоначальный курган, достигала здесь 1 м. Рвы-подрезки, окружавшие материковые останцы высотой 0.8-1.5 м, на которых располагались (разрушенные впоследствии) сопки, были выявлены В.Я.Конецким [А-1978а:24–26; А-1979:14–15, 23-24; 1980:11–12, 1984б:40] в ходе раскопок грунтовых могильников древнерусского времени (XI–XIII вв.) около пос. Деревяницы (раскопки 1977–1979 гг.) и близ церкви Спаса на Нередице (раскопки 1979 г.) в окрестностях Новгорода; около д. Шелгуново на р. Ловать (раскопки 1979 г.). Судя по целому ряду наблюдений, рвы, обнаруженные раскопками А.В.Арциховского [1950:9] и В.В.Седова [1953:92–103, 1954а:105–108] в 1948, 1951–1953 гг. в урочище Перынь под Новгородом, окружают собой три материковых останца (высотой до 1.6 м), на которых в прошлом также располагались

⁹ Предпринятое С.Л.Кузьминым исследование относится к наиболее изученному (в рассматриваемом отношении) региону Северо-Запада России. Следует, однако, отметить, что сходная ситуация прослежена и на других территориях [см. — Башенькин 1995:27–28].

¹⁰ На существование традиции возведения высоких погребальных сооружений в рамках культуры псковско-новгородских длинных курганов исследователи указывали и до рассмотренной публикации С.Л.Кузьмина [см. например — Носов 1981а:51–52; Носов 1982:60–61; Платонова 1981:39–40]. («...Группы... сравнительно высоких курганов, так сказать, сопочного характера, наименее понятные курганы края», отличающиеся от «классических» сопок, отмечались еще А.А.Спицыным [А-?:13; см. — Конецкий, Носов 1995:44; см. также — Чернягин А-1938а:6].) Однако, именно в указанной работе данное соображение было высказано наиболее полно и аргументированно.

Точку зрения С.Л.Кузьмина поддержал А.Н.Башенькин [1995:14, 16-19, 27–28]. Отдельные высокие курганы юго-западного Белозерья (например — «сопковидная насыпь» № 2 в могильнике Усть-Белая - I на р. Кобоже) были отнесены при этом к особой финно-угорской культурной общности населения, существовавшей в этом регионе до V в. н. э. — до распространения культуры псковско-новгородских длинных курганов.

сопки [Конецкий 1995б:82–84; см. также - Носов А-1992:117–118]. Наконец, сопка в урочище Губинская Лука на р. Ловать (раскопки В.Я.Конецкого [1990б:11] 1989 г.) была окружена по основанию рвом-подрезкой, выявленным **исключительно** в ходе раскопок; высота образованного рвом останца достигала 1 м (рис. 5). «Фактически, - отметил В.Я.Конецкий [А-1989:7], - мы имеем подрезку, сделанную с целью выравнивания уровня площадки, на которой соорудили сопку, учитывая естественный склон местности...» Последний из приведенных примеров особенно важен - ведь в данном микрорегионе (среднее течение Ловати) погребальные памятники относимые к так называемой «культуре псковских длинных курганов» полностью отсутствуют [Конецкий 1988:26-30; Конецкий, Клубова 1989:12] и, таким образом, нет оснований видеть в возведении сопки на материковом останце результат некоего воздействия **извне** на данную традицию. При более же пристальном рассмотрении поставленный выше вопрос о выделении собственно сопкок на основании исключительно внешних признаков тех или иных памятников оказывается еще более сложным.

Исследователями неоднократно отмечалось существование на Северо-Западе высоких курганов (так называемых «сопок в борах»), возникновение которых было обусловлено некими интеграционными процессами, протекавшими (в том числе - в сфере погребальных традиций) в данном регионе в конце I тыс. н. э. [см. например - Конецкий, Носов 1995:42–44]. В отличие от С.Л.Кузьмина, В.Я.Конецкий и Е.Н.Носов полагают, что **все** без исключения высокие погребальные насыпи (содержащие трупосожжения и не являющиеся «классическими» сопками) следует рассматривать как результат воздействия собственно сопочной традиции. Однако, как уже было отмечено выше, датировка ряда таких памятников VI-VIII вв. позволяет говорить об их независимом существовании до «эпохи сопкок». (В Молого-Шекснинском междуречье, как полагает А.Н.Башенькин [1995:28] «высокие насыпи возводились на всем протяжении существования КДК (культуры длинных курганов - Н.П.) с V по IX в.».) В.Я.Конецкий и Е.Н.Носов указывают также на отсутствие и сопкообразных сооружений, и «классических» сопкок в курганных могильниках второй половины I тыс. н. э. юго-восточной Эстонии, видя в этом аргумент в пользу неперенной взаимосвязи данных групп древностей. Однако, высокие погребальные насыпи известны в данном регионе, правда, не в таком количестве, как на Северо-Западе России - курган высотой 2.4 м в могильнике у д. Пайдра на р. Выханду (Пайдра-II), курган высотой 2.2 м в могильнике Ристипалу в бассейне р. Выханду и др. [Аун 1992:93–94, 111].

Не отрицает наличие подобных памятников и С.Л.Кузьмин [1990а:56], выделяя особую (третью) группу высоких погребальных насыпей Северо-Запада - «курганы на стыке ландшафтов» («расположенные в специфических условиях стыка ландшафтных зон») [см. - Кузьмин 1988:25; Кузьмин, Петров, Рубина 1988:96]. Сам по себе подобный термин следует признать крайне неудачным. Очевидно, что у «стыка ландшафтов» (в отличие от **конкретного** кургана) отсутствует столь же конкретная территориальная приуроченность. Кроме этого, ландшафтная ситуация, существовавшая на момент возведения курганной насыпи в той или иной местности, известна нам далеко не всегда. Наконец, не вполне корректным представляется непосредственное соотнесение археологических памятников, отражающих некую погребальную традицию, и ландшафтных условий их расположения. Указанный термин, таким образом, сопоставим с выражением «представления о загробном мире (верования и т. п.) на стыке ландшафтов». На мой взгляд, более предпочтителен термин *сопкообразный курган*.

К сожалению отчетливое разделение **не исследованных раскопками** «высоких насыпей культуры длинных курганов» и «курганов на стыке ландшафтов» **в конкретных случаях** представляется практически невыполнимой задачей [см.-Петров 1996а:102–103, рис. 1]. Показательно, что в публикации 1988 г. С.Л.Кузьмин, А.В.Петров и Е.Б.Рубина отметили отсутствие рва-подрезки в качестве отчетливой характерной черты последних. Однако, исследованная С.Л.Кузьминым в том же году насыпь № 1 (высотой до 3 м) в группе курганов Которск-IV (верхнее Поплюсье) **на основании результатов раскопок** была отнесена к «курганам на стыке ландшафтов», несмотря на то, что в северной части основания памятника был зафиксирован ров-подрезка, отделявший его от естественного моренного всхолмления [Кузьмин 1989б:38, 1991б:158–160]¹¹. Позднее исследователь признал: «В ходе раскопок выяснилось, что какого-либо набора признаков, позволяющих объединить данные курганы («на стыке ландшафтов» - Н.П.) в устойчивый тип, нет». В связи с этим странным выглядит упоминание С.Л.Кузьминым в этой же публикации [1994а:42] «около 40 памятников», относящихся к «рассматриваемой категории погребальных древностей»; раскопками из их числа, как отмечает автор, исследовано 10 насыпей (рис. 6).

Учитывая все изложенное выше, следует признать: однозначное отнесение к определенной традиции той или иной конкретной высокой погребальной насыпи без обладания информацией о характере ее внутренней структуры (то есть - до проведения раскопок данного памятника) оказывается практически невозможным [ср. - Богуславский 1994:76–77]. Более или менее правомерными представляются лишь следующие допущения.

Высокие курганы располагающиеся на значительном удалении от курганных могильников второй половины I тыс. н. э. с погребениями-трупосожжениями (во всяком случае - не входящие в их состав) и соответствующие (на уровне визуального восприятия) так называемым «классическим» сопкам (исследованным раскопками) предварительно могут быть отнесены к последним. Таковыми, например, следует признать высокие погребальные насыпи находящиеся в среднем течении р. Ловать.

Высокие курганы расположенные на значительном удалении от отмеченных выше и входящие в состав курганных могильников второй половины I тыс. н. э. с погребениями-трупосожжениями (возможно - находящиеся в **непосредственной** близости от них), видимо, могут рассматриваться как «высокие насыпи культуры длинных курганов», отражающие собой самостоятельную (по отношению к сопкам) погребальную традицию. Примером подобных памятников могут служить высокие погребальные сооружения юго-восточной Эстонии.

Любая же оценка высоких курганов, входящих в состав **комплектов** памятников содержащих погребальные сооружения, относящиеся к **различным** погребальным традициям Северо-Запада второй половины I тыс. н. э., оказывается преждевременной. (То же можно сказать и о высоких курганах, располагающихся в **непосредственной близости** как от «классических» сопок, так и от синхронных

¹¹ Памятники, занимающие аналогичную «промежуточную» позицию (между двумя традициями возведения высоких погребальных насыпей на Северо-Западе России), известны и на востоке Новгородской земли. В качестве примера следует указать насыпь № 1 (высотой 2.8 м) в группе курганов Левоча-II в бассейне р. Молога (нумерация В.В.Милькова [1994:83, 86, 92, рис. 1]; раскопки Н.В.Тухтиной [Тухтина 1966:132; Голубева 1973:21, 23] 1963 г. [см. также — Петров 1992б:66–67]).

курганых могильников с невысокими насыпями.) Охарактеризовать степень «чистоты» отражения в том или ином подобном кургане определенной традиции можно, на мой взгляд, лишь после проведения его раскопок.

Очевидно, что применение перечисленных положений в **конкретных** случаях сопряжено с учетом различных косвенных признаков относящихся к рассматриваемым памятникам. В качестве примера здесь можно привести некоторые итоги наших разведочных изысканий в северной части Молого-Мстинского водораздела (бассейн р. Молога, 1994–1995 гг.).

Так, высокие погребальные насыпи, располагающиеся около д. Климовщина (рис. 7 - 1, 3) [Петров 1995б:56; Петров А-1994; см. также - Петров 1991:9–10], достигающие в высоту 7.3 м и отмеченные в своде В.В.Седова [1970:49, № 446] как сопки, таковыми, судя по всему, не являются. Дело в том, что указанные сооружения (могильник Климовщина-VIII, в котором зафиксировано 9 высоких курганов; могильники Климовщина-IX, состоящий из четырех высоких насыпей, и Климовщина-X - из трех высоких насыпей; одиночные высокие курганы Климовщина - XI, XIV-XV) входят в состав компактного комплекса памятников, прочие синхронные погребальные древности которого представлены исключительно курганами второй половины I тыс. н. э. с погребениями-трупосожжениями. Ближайшие же насыпи сходные по своему внешнему облику с «классическими» сопками расположены лишь приблизительно в 10 км (по прямой) к юго-востоку (группа сопок около д. Брякуново) и западу (одиночная сопка около д. Драчёво) [Седов 1970: 49, №№ 444–445]¹². Таким образом, высокие погребальные насыпи около д. Климовщина предварительно следует расценивать как памятники, относящиеся к «культуре длинных курганов». Не следует исключать и их возможную связь с особой финно-угорской культурной общностью населения, памятники которой (датирующиеся временем ранее V в. н. э. включительно, в том числе - высокие курганы) были выявлены в юго-западном Белозерье А.Н.Башенькиным [1995:6, 7, 14, 16–19, рис. 1].

Высокие погребальные насыпи, располагающиеся в среднем течении р. Кушавера около дд. Бельково и Стёпаново [Петров 1996а; Петров 1996б:74–75; Петров А-1995], представляются далеко не столь однородными (рис. 7 - 2, 3). Более или менее очевидна принадлежность группы высоких курганов Бельково-IV и одиночных высоких курганов Бельково - VI-VIII, Стёпаново-I к сопкам. В пользу этого свидетельствует (помимо визуального восприятия) расположение указанных памятников на значительном расстоянии от основного скопления курганных могильников «культуры длинных курганов», в единых комплексах с селищами, возникновение которых, судя по характеру подъемного керамического материала, следует относить к концу I тыс. н. э. (скорее всего - к IX–X вв.).

Что же касается одиночных высоких курганов Бельково-V и Стёпаново-V, то подобные насыпи могут отражать собой как самостоятельную традицию (не имеющую отношения к «классическим» сопкам), так и следствие некоего синтеза последней с традицией возведения сопок. Так, курган Стёпаново-V высотой 2.7 м расположен в непосредственной близости от курганного могильника второй половины I тыс. н. э. (Стёпаново- III), однако, не входит в его состав.

* * *

¹² Сведения об отмеченных памятниках уточнены по их паспортам, составленным Г.Н.Прониным по результатам обследования 1976 г. и хранящимся в отделе государственного управления памятниками истории и культуры при комитете по культуре и туризму администрации Новгородской области.

Каким образом реализовывались погребальные функции сопок?

В свете сравнительно недавних раскопок все более очевидным становится наличие в большинстве подобных насыпей так называемых «поверхностных» захоронений¹³ - остатков трупосожжений, помещавшихся непосредственно на вершину кургана. Остановимся на наиболее важных в рассматриваемом отношении памятниках.

На плоской вершине сопки № 2 (группа сопок около д. Сквородка, верхнее Поплюсье, раскопки С.Л.Кузьмина [1989а] 1988 г.) был обнаружен дубовый ящик, содержащий не менее 15 кг кальцинированных костей (рис. 8 - 1). Материалы именно этих раскопок позволили С.Л.Кузьмину поставить вопрос о существовании «поверхностных» погребений в вершинах сопок. Результаты упомянутых исследований вполне сопоставимы с приводимыми Н.И.Соколовым [1879:5-29] сведениями о находках деревянных конструкций, содержащих кальцинированные кости, в верхних частях нескольких сопочных насыпей около д. Ерусалимская (нижнее Повеличье, раскопки 1878 г., рис. 8 - 2). Сам Н.И.Соколов [1879:6-13] полагал, что выявленные «кострища» представляли собой «горны» для совершения трупосожжений. В связи с этим стоит отметить, что подобные предположения Н.И.Соколова (поддержанные недавно А.А.Александровым [1994:28-29]) справедливо характеризовал как «совершенно фантастические» еще П.Н.Третьяков [А-1938:1-1об].)

Полностью аналогичное упомянутым выше конструкциям «сильно обугленное»¹⁴ погребальное домовище было обнаружено в насыпи, входящей в состав группы сопок около д. Ерошиха (нижнее Повеличье, раскопки В.Н.Крейтона [1913:9-11] 1912 г.), на глубине 1,8 м (2.5 аршина) от ее вершины (рис. 8 - 3)¹⁵.

Очевидно, что в перечисленных случаях захоронения на **вершинах** сопок не являлись индивидуальными и совершались **неоднократно и неединовременно**¹⁶. Только подобным функционированием сопочных сооружений можно объяснить, например, наличие 15 (!) кг кальцинированных костей в деревянном ящике на вершине сопки у д. Сквородка¹⁷. Предложенная интерпретация напрашивается и в случае с сопкой в урочище Губинская Лука на Ловати (раскопки В.Я.Конецкого 1989 г.) - здесь, погребение в верхней части насыпи представляло собой «линзу песка, в которой встречаются зоны и прослойки, насыщенные кальцинированными костями», общий вес которых составлял более 2 кг (рис. 8 - 4). Важно отметить, что связанные

¹³ Термин С.Л.Кузьмина [1989а:50].

¹⁴ Во всех перечисленных случаях обнаруженные древесные остатки были обуглены. Думается, что наиболее правомерным объяснением данного обстоятельства является указание на процесс **естественного** окисления древесных волокон.

¹⁵ Во всех характеризуемых здесь случаях «поверхностные» захоронения были перекрыты дополнительной («итоговой») насыпью. Следует, видимо, согласиться с убедительным мнением ряда исследователей [см. например — Кузьмин 1995а:88-89], согласно которому указанная досыпка сопки связана с прекращением функционирования последней в качестве погребального сооружения.

¹⁶ Таким образом, «узкая» датировка «поверхностных» захоронений оказывается невозможной, так как последние не являются закрытыми комплексами [см. — Кузьмин 1992а:23].

¹⁷ Предполагается, что при сжигании умершего сохранялось около 60 г кальцинированных костей [Конецкий 1990б:11]. К сожалению, в подавляющем большинстве случаев сведения о **количестве** кальцинированных костей в сопочных захоронениях отсутствуют. То же можно сказать и о половозрастных характеристиках погребенных.

с захоронением фрагменты лепной керамики происходят «по крайней мере от трех горшков» [Конецкий А-1989:4-5]. По заключению же антрополога Т.В.Томашевич, погребение содержало кости по крайней мере четырех человек - трех взрослых людей и одного ребенка. При этом предельно возможное количество погребенных не превышает 10 человек [Конецкий 1990б:11].

Следует признать, что обнаружение в сопках тех или иных **сохранившихся** деревянных конструкций (в том числе - подобных охарактеризованным выше), обусловленное благоприятным стечением целого ряда факторов (характер грунта, использованного для сооружения насыпи, микроклиматические условия и т. д.), оказывается возможным далеко не всегда. Очевидно, что в большинстве случаев органические материалы, «задействованные» при возведении и функционировании сопки попросту не сохранились. При этом следует иметь в виду, что «поверхностные» захоронения в подобных насыпях могли и не сопровождаться теми или иными деревянными конструкциями. Безусловно не следует исключать и возможность размещения кальцинированных костей на вершинах сопки в несохранившихся ко времени проведения раскопок берестяных туесах, неких холщовых емкостях¹⁸ и т. п. С другой же стороны, в ряде случаев зафиксировано использование каменных сооружений (в сочетании с керамическими урнами) для размещения остатков трупосожжений в верхних частях сопки. В первую очередь здесь следует отметить «ящик из четырех каменных плит», содержащий три лепных сосуда; обнаруженные в урнах кальцинированные кости, по мнению автора раскопок, происходили «очевидно, от **нескольких** (выделено мною - Н.П.) трупов». Указанная конструкция (рис. 9 - 3) находилась на глубине около 1.4 м от вершины насыпи, входившей в состав группы из 8 сопки около д. Клюево (бассейн верхней Ловати, раскопки В.Н.Глазова [1903:45-46] 1901 г.). В один ряд с охарактеризованными материалами можно поставить и результаты раскопок Н.И.Платоновой [1995:28-29; 1996:51-53] в 1995 г. сопки № 4 в группе сопки Заполье-I у д. Подгорье в верхнем Полужье. В «верхнем горизонте» насыпи здесь были выявлены четыре плитняковых ящика, заполненные кальцинированными костями, - погребения №№ 10-12, 18.

Учитывая все изложенное выше, следует признать, что во множестве случаев фиксация «поверхностных» захоронений в сопках оказывается чрезвычайно затруднительной, иногда - практически невозможной. «Помещенные на вершину сопки, погребения, - справедливо отметил С.Л.Кузьмин [1992а:20], - разрушались под воздействием природных условий. Кальцинированные кости и вещи "оползали" по насыпи, а поскольку основание сопки в течение столетий находилось на пашне, возможно, что значительная масса костей и находок безвозвратно утеряна».¹⁹

В качестве остатков «поверхностных» погребений следует, видимо, рассматривать кальцинированные кости, встречающиеся в дерновом покрытии сопки и непосредственно под ним. Подобные захоронения (рис. 10 - 1-2) были выявлены, например, в одиночной сопке Пристань-I (вес костей составил около 6 кг) и насыпи № 2 в группе сопки Пристань-III (памятники расположены около д. Пристань в

¹⁸ Остатки берестяных туесов (использовавшихся в качестве погребальных урн, рис. 9 — 1-2) были обнаружены в высоких курганах около д. Романово (нижнее Повеличье, раскопки С.В.Белецкого [1986:176] 1974-1975 гг.) и д. Репьи (верхнее Полужье, раскопки Г.С.Лебедева [1978а:94, 96] 1972 г.). Емкость из органического материала, содержащая кальцинированные кости (погребение № 17 в сопке № 4; группа сопки Заполье-I у д. Подгорье в верхнем Полужье; раскопки Н.И.Платоновой [1996:52] 1995 г.), расценивается автором раскопок как берестяной туес или полотно.

¹⁹ К сказанному стоит добавить, что поздние грабительские (или иного характера) перекопы, как правило, затрагивали именно центральные части вершин насыпей.

бассейне р. Оредеж; раскопки С.Л.Кузьмина [1992a:19–20] 1989 г.). Не менее ярким примером здесь может являться и ряд памятников северного Поволжья. Так, сопка 14-I (северная группа сопок в урочище Победище; раскопки А.С.Уварова 1880 г. и В.П.Петренко [А-1974б:3; А-1974в:6, рис. 6; 1994:50–51, рис. 13] 1974 (1973?) –1978 гг.) содержала непосредственно под первоначальным дерновым покрытием склонов насыпи (перекрытым впоследствии выбросом из ямы в центральной части памятника) кальцинированные кости, располагавшиеся в прослойке темно-коричневого гумуса (рис. 10 - 3). Аналогичная картина (рис. 10 - 4) была выявлена в сопке 15-III (южная группа сопок в урочище Победище; раскопки В.П.Петренко [А-1973а:9–10; А-1973б:9–9об, рис. 10; см. также - Петренко, Конаков, Рогачев 1977:86–87, рис. 1] 1973 г.) и некоторых других подобных памятниках данного региона.

Таким образом, в целом ряде случаев прекращение функционирования сопки в качестве погребального сооружения не было связано с возведением «дополнительного» яруса насыпи - «поверхностные» захоронения археологизировались в, так сказать, «открытом» состоянии. Впрочем, приведенные примеры свидетельствуют и о наличии прямо противоположной ситуации. Однако, объяснению факта существования последней следует, на мой взгляд, предпослать рассмотрение двух важных вопросов. Речь идет (во-первых) о социальном статусе погребенных на вершинах сопок и (во-вторых) о характере погребений, помещавшихся непосредственно в тело насыпи. В связи с представляющейся очевидной необходимостью привлечения в данном случае иных групп источников (не только археологических) охарактеризованный круг вопросов рассматривается в последнем разделе настоящей главы.

1.2. Интерпретация сопок: летописные источники

Чрезвычайно ярко выделяющиеся на фоне иных погребальных археологических памятников Северо-Запада своим «монументальным своеобразием», сопки не раз «провоцировали» исследователей предпринимать попытки их сопоставления с сообщением вводной части «Повести временных лет» о традиции совершения погребений по обряду трупосожжения на стороне «на столпе на путех»: «И Радимичи и Вятичи. и Север. одинъ обычаи имяху живяху в лесе. якоже [и] всякий зверь. ... аще кто оумряше творяху трызно надъ нимъ. и по семь творяху кладу велику и възложашуть и на кладу мертвеца. сожжаху. и посемь собравше кости. вложашу в судину малу. и поставяху на столпе на путех еже творять Вятичи и ныне. си же творяху обычая Кривичи. [и] прочии погании.» (цитируется по Лаврентьевской летописи²⁰ [1962:13–14]).

В 1868 г. А.А.Котляревский [1868:122–123; см. также - Гальковский 1916:74] предположил, что слово *столь* в данном тексте, имея «иное, отличное от обыкновенное знаменование», означает погребальную *насыпь* («возвышение из земли и камней, высокая могила»)²¹. Впоследствии, Н.Е.Бранденбург [1890:22–23; см.

²⁰ Следует отметить, что в Радзивилловской летописи и в рукописи бывш. Московской Духовной Академии вместо *на столпе* стоит *на столе* (см. постраничные примечания в указанной публикации). Судя по всему, это ошибка переписчика — ср. значение слова *столь* в древнерусском языке [см. — Срезневский 1912:516–518; Львов 1975:97]. В «Летописце Переяславля Суздальского» [1851:3–4], отражающем Владимирский летописный свод начала XIII в. [Творогов 1987б:234–235] и являющимся своего рода «комментарием» к рассматриваемому тексту «Повести временных лет» [см. — Рыбаков 1987:87] как и в Лаврентьевской летописи речь идет о *стльпе*.

²¹ Высказывая это предположение А.А.Котляревский [1868:122] отметил, что «ни русские, ни древнеславянские памятники ... не дают настоящего смысла (слова *столь* — Н.П.); его

также - Репников 1915:25–26], опираясь на это соображение, счел возможным отождествить *столпъ* летописи с сопками Северо-Запада, которые «могут являться практическим осуществлением этого термина...» Любопытно, что десятилетием ранее Л.К.Ивановский [1881:57] использовал рассматриваемое известие «Повести временных лет» в качестве эпиграфа к публикации результатов раскопок на р. Ловать. В 1938 г. предположение Н.Е.Бранденбурга поддержал В.С.Пономарев [А-1938:58–59].

Сравнительно недавно подобное предположение было вновь предпринято С.Л.Кузьминым. Поводом для этого послужили результаты раскопок исследователем ряда погребальных насыпей относящихся к сопочной традиции, позволившие принципиально уточнить наши представления о характере функционирования такого рода сооружений. «Помещение остатков кремаций на вершины сопков, - отметил С.Л.Кузьмин, - вызывает ассоциацию с летописным рассказом о совершении погребений "на столпе на путех"». Никакой аргументации, обосновывавшей бы эту «ассоциацию», исследователь не приводит, за исключением указания на то, что «датировка захоронений на вершинах сопков (X – первая половина XI, а возможно и весь XI в.) свидетельствует о незначительном разрыве во времени между летописной записью (нач. XII в.) и реально бытовавшей традицией...» [Кузьмин 1992а:24].

На мой взгляд, рассматриваемое сопоставление ни в коем случае нельзя признать правомерным. Летописец недвусмысленно связывает погребения «на столпе на путех», прежде всего, с *радимичами, вятичами, северянами* и, возможно (?), *кривичами*²². Говорить же о каком-либо соответствии территорий расселения данных этногрупп (даже с учетом «расплывчатости» их локализации) ареалу распространения традиции сооружения сопков не приходится. С другой стороны, в древнерусском языке слово *столпъ* и производные от него (*столп~* и др.) обозначают, как правило, различные деревянные (или же каменные) сооружения - столб, ограду, стену, башню и т. п. Случаи использования данного слова для обозначения *земляной* (каменно-земляной) *насыпи* в древнерусских письменных источниках не известны [Срезневский 1912:579–581; Львов 1975:128–129; см. также - Рыбаков 1970:43]. Видимо, ближе всего к истине стоят исследователи, полагающие, что в рассматриваемом летописном сообщении отразилась связь размещения остатков кремации с деревянными погребальными сооружениями домовинами. Подобные конструкции (функционировавшие вплоть до XI в. включительно) и были выявлены при раскопках курганов, расположенных на территориях, соотносимых с областями расселения радимичей, вятичей и северян [Седов 1973:14, рис. 4; Седов 1982:144–147; Рыбаков 1987:89–92]. Необходимым представляется отметить здесь и точку зрения А.В.Арциховского [1930б:151–152], полагавшего, что данное летописное известие

указывает санскрит». В связи с этим целесообразным представляется привести здесь совершенно справедливое замечание Н.М.Гальковского [1916:18], разделявшего, как это ни странно, точку зрения А.Котляревского: «Нет сомнения, что наш современный язык и наше словопонимание ближе к языку наших предков X–XII веков, чем язык той же эпохи к санскриту... Мы вправе пытаться объяснять непонятные слова наших предков на основании живого современного языка, оставляя в силе санскрит и вообще сравнительную филологию».

²² Заключительное (по отношению к рассматриваемому сообщению) замечание «Повести временных лет» («си же творяху обычая Кривичи. [и] прочии погании. не ведуще закона Бжя. но творяще сами себе законъ.» (цитируется по Лаврентьевской летописи [1962:13–14])) связано, надо полагать, не столько с описанием традиции погребения остатков сожжения «на столпе на путех», сколько с *общей* характеристикой образа жизни, «обычая» *радимичей, вятичей и северян*. «Кривичи. [и] прочии погании.», как справедливо отметил Г.С.Лебедев [1983:107], в морально-этическом аспекте описания «по контексту не отличаются от названных выше образом жизни, но еще менее интересуют летописца...»

следует понимать буквально, исходя из значения слова *столъ* - столб, колонна, бревно. «Понятно, - заключил исследователь, - что от такого обряда ничего не остается на долю археологов» [ср. - Спицын 1899а:307].

* * *

Любопытно, что некие реминисценции, связанные с сопочной традицией, обнаруживаются в источнике, который также относится к летописному фонду письменных свидетельств, но однако, принципиально отличается по своему характеру и по времени составления от вводной части «Повести временных лет». Я имею в виду «Хронографический рассказ о Словене и Русе и городе Словенске» [1977:140; см. также предисловие к данному тому ПСРЛ - с. 5], происходящий из Хронографа 1679 г. и содержащий ряд легендарных известий о предшественнике Новгорода (городе Словенске)²³. В данном тексте, в числе прочего, идет речь о том, что старший сын Словена (скифский князь, основавший Словенск) «Волхв бесоугодник и чародей», будучи «удавлен от бесов в реце Волхове», «погребен бысть окаянный с великою тризною поганскою, и **могилу ссыпаша над ним велми высокоу, яко же обычай есть поганым**» (выделено мною - Н.П.). Характеристики, которыми данное историческое предание, представленное в летописной традиции XVI–XVII вв., наделяет «могилу... велми высокоу», полностью соответствуют социокультурному статусу сопок эпохи раннего средневековья [Петров 1994а:106]. Монументальная погребальная насыпь (территориально-хронологическая приуроченность которой к ареалу распространения традиции возведения сопок представляется очевидной) связывается здесь с захоронением одного из представителей социальной элиты - старшего сына князя. При этом Волхв (!) выступает в рассматриваемом тексте как «бесоугодник и чародей», то есть обладает неким «негативным» статусом сакрального лидера. Отсутствие же упоминания о кремации тела Волхва вполне объяснимо, с учетом времени появления «Хронографического рассказа...» в русских летописях.

Неменьший интерес представляют сведения, содержащиеся в «Сказании о холопьем войне», появление которого в письменных источниках связано с XVI–XVII вв. Источник повествует об исторических судьбах группировки населения именуемой «старии холопи ихъ и слуги верныя».²⁴ Территориальные «привязки» данного коллектива выглядят достаточно однозначными - «въ Новеграде», «во пределы новгородския», «въ дебри непроходимыя всея земли **своя словенския** (здесь и далее выделено мною - Н.П.)» - и вполне соотносимы с Приильменьем и сопредельными регионами. «Старии холопи», сообщает источник, «курганы великия приустроиша, и холмы своя **превысокия** и **идолопоклонныя** себе ссыпаша, и на сихъ сами жертвоваша». «И вси убо сии жители новгородстии и старохолопстии изъ всея словенския земли надъ мертвыми своими тризны творяху, то есть памяти своя по нихъ содеваху, и **могилы превысокия** надъ мертвыми и надъ **именитыми** своими, **высокия жъ холмы и бугры** въ память ихъ созидаху, и сыны своя на нихъ отъ великия жалости

²³ Напомню, что сравнительно недавно данное известие «Хронографического рассказа...» (равно, как и сведения из «Сказания о холопьем войне» — см. ниже) было проанализировано И.Я.Фрояновым [1992, с. 47–55, 140–141], правда, в несколько ином аспекте.

²⁴ Здесь и далее текст «Сказания...» цитируется по рукописи московского диакона Тимофея Каменевича-Рвовского, проживавшего в конце XVII – начале XVIII вв. в Мологе, в Троицком Афанасьевском (Холопьем) монастыре. Относящиеся к рассматриваемому вопросу отрывки из рукописи (носящей название «Историческое и древнее описание и сказание всем вам есть о сем во указание о начале родов московского рода и словенороссийского превеликого народа») были опубликованы М.Н.Бережковым [1890:47–53]. Автор публикации указывает место хранения данной рукописи — Московскую Синодальную библиотеку (№ 964).

и плача своего по нихъ жряху, и лица своя до кровей своихъ драху, и смертно на гробехъ ихъ сами между собою убивахуся...»

Нетрудно заметить, что *могилы превысокия* «Сказания...» по своим характеристикам чрезвычайно близки *могиле* «Хронографического рассказа...»: оба текста повествуют о высоких погребальных насыпях, связанных с захоронениями представителей социальной элиты. При этом оба источника соотносят данные сооружения с дохристианской традицией. В «Сказании...» содержится весьма показательная временная «привязка»: «...после сихъ старыхъ холопей, уже во крещение наше христианское». Все это, с учетом территориальной приуроченности *могил*, позволяет видеть в последних сопки, социокультурный статус которых (связанный с эпохой их первичного функционирования - ранним средневековьем) практически полностью соответствует характеристикам *высоких холмов и бугров*.

Отмеченные тексты со всей очевидностью отражают своего рода «освоение» носителями русской христианской книжной традиции чуждых им раннесредневековых могильных сооружений, некое «включение» последних в рамки христианского мировоззрения. Показательно в этом отношении следующее замечание автора «Сказания...»: «о нихъ же (то есть, о людях, возводивших *могилы превысокия* - Н.П.) и псалмографъ святыи предрече сице: въ холмахъ своихъ и во истуканныхъ своихъ прогневаша Господа Бога, и препожроша сыны и дщери своя бесовомъ, а не Богу богомъ».

В рамках данного раздела следует, видимо, упомянуть и предпринятое недавно А.С.Матвеевым [1998*] любопытное сопоставление с сопками Северо-Запада сведений главы 66 («О святилищах ("почитаемых домах") у славян», §§ 1386–1388) сочинения арабского автора ал-Мас'уди «Мурудж аз-захаб» («Золотые луга»), отражающих реалии IX–X вв.: «В области славян были дома, которые они почитали, в том числе-дом, который находился у них на горе...» (перевод А.С.Матвеева)²⁵.

* * *

В заключение нелишне будет отметить, что наиболее ранние упоминания собственно *сопок* (этимология слова по М.Фасмеру [1987:719]: «от *соп* "насыпь" (**сѣпъ*)...») в письменных источниках следует, видимо, связать с поземельными описаниями второй половины XVI в.²⁶ (См. например - «Межевая 20 июля 1585 года...» [1909:469–470]: «...на углу противо сопки на Лазоревской дороге...») Отмеченные в них подобные погребальные сооружения (упоминаемые в качестве ориентиров при описании границ земельных владений) локализуются и в настоящее время [Селин 1996:58].

1.3. Интерпретация сопков: фольклорные источники

Для определения того места, которое занимали сопки в представлениях возводивших их коллективов о загробном мире (точнее говоря - о пути в загробный мир), чрезвычайно перспективным видится привлечение фольклорных текстов и, прежде всего, - волшебных сказок. Последние, как справедливо заключил В.Н.Топоров [1985:98], отражают «не только обряд инициации (по В.Я.Проппу

²⁵ Отмеченное в библиографическом указателе исследование А.С.Матвеева было представлено в качестве доклада на международном коллоквиуме, посвященном 30-летию «варяжской дискуссии» 1965 г. (Санкт-Петербург, 13–14.12.1995).

²⁶ Высказывавшееся же мнение о связи слова *сопка* с эпохой сооружения подобных курганов (см. например — Петренко В.П. 1994:5) подтвердить столь же сложно, как и опровергнуть — в более ранних письменных источниках его упоминания отсутствуют.

[1986:352–354] - Н.П.), но и - через него - *соответствующий похоронный обряд*, моделируемый при инициации.»

Элементы, объединяющие их мотивы и сюжеты волшебной сказки уже привлекались исследователями при интерпретации погребальных археологических памятников: сопоставление так называемых «домиков мертвых», использовавшихся в юго-восточном Приладожье в течение IX-XI вв. для захоронения остатков кремации умерших, с одной стороны, с избушкой в лесу и ее обитательницей Ягой, встречающихся (в волшебной сказке) на пути героя в *тридцатое царство*, (с другой стороны) было предпринято В.А. и Ю.А. Назаренко [1988:38–41; см. также - Назаренко А-1989]. В рамках данного сопоставления исследователям удалось определить семантическую нагрузку основных элементов подобных погребальных сооружений.

В качестве «главной системообразующей» для «домиков мертвых» юго-восточного Приладожья В.А. и Ю.А. Назаренко [1988:39] рассматривали некую «идею дома», в которой, по их мнению, «нашла отражение и распространенная во многих погребальных культурах идея дороги в загробный мир». В связи с этим хотелось бы отметить, что некие «составляющие» представлений о пути умершего на *тот свет* (отразившихся в продвижении героя волшебной сказки к *тридцатому царству*), из числа имеющих потенциальную возможность предметного воплощения в роли основной «идеи» того или иного погребального сооружения, характеризуются значительным разнообразием (избушка в лесу, дерево, лестница, гора, корабль и т. д.). Думается, что в процессе **предметного воплощения** определенной погребальной традиции в виде конкретного погребального сооружения, актуализированная данной традицией **одна из таких** «составляющих» «подчиняла» себе («подавляла» ?) остальные, формируя тем самым своеобразие подобных сооружений в целом. Следует, однако, подчеркнуть: «подавление» одной из указанных «составляющих» других здесь необходимо рассматривать лишь в рамках «плана выражения». Вряд ли следует, как это делает, например, Ю.М.Лесман [1985:54–55], основываясь на выявлении некоей «предметной доминанты» того или иного погребального сооружения, выделять в определенных совокупностях могильных конструкций (выходя на уровень плана содержания) погребения, воспринимавшиеся в качестве **жилища** умершего, и погребения, рассматривавшиеся как **средства отправки** покойника на *тот свет*. Комбинированность представлений о жизни мертвеца в могиле и его путешествии в загробный мир (в конкретных случаях) была прослежена В.Я.Петрухиным [1975а:48–50] в Скандинавии эпохи викингов и вполне может служить своеобразным «предостережением» от такого рода интерпретаций.

Что же касается традиции возведения сопок, то в данном случае монументальность подобных насыпей (о стремлении выразить которую красноречиво свидетельствует их высота) позволяет предположить связь таких сооружений с представлениями о **горе**, отделяющей мир мертвых от мира живых, а также о локализации **того света на горе** [Пропп 1986:213, 282]. (Замечу, попутно, что предположению об актуализации в сопочной традиции представлений о существовании горы на пути в загробный мир полностью соответствует подчиненность (по крайней мере, на конструктивном «уровне») основных элементов насыпи задаче возведения **монументального** сооружения [Конецкий 1989а:7–9].)

В волшебной сказке восхождение на гору неоднократно представлено в качестве «средства» достижения героем *тридцатого царства*. Вершина горы, судя по всему, непосредственно маркирует в таких случаях границу двух миров. Пересечение которой означает проникновение героя на *тот свет* [Пропп 1986:213,

282]. «...Конкретные обозначения переходов из одного мира в другой, - отмечает Т.В.Цивьян [1975:200], - ...прежде всего характеризуются изменением уровня (понижение/повышение), на котором находится герой...» Любопытно, что иногда, появляясь на вершине горы («въехал на гору»), он встречает там Ягу, которая «сидит в избе» [Афанасьев 1984:372–373, № 178; сюжет № 551 по указателю Аарне-Томпсона] и, как показал В.Я.Пропп [1986:71], может рассматриваться «как охранительница входа в тридесатое царство.»

Таким образом, гора в волшебной сказке (впрочем, равно как и в фольклорных текстах, относящихся к иным жанрам) «фигурирует... при воспроизведении рубежных ситуаций, связанных с бинарной структурой мира... и поэтому не может восприниматься однозначно внутри одного мира (то есть, мира живых или *того света* - Н.П.)» [Девонина 1994:54]. «Пограничную» позицию занимает гора и в различных мифологических традициях, включающих в себя мотив горы как входа в верхний/нижний мир [Топоров 1987б:313; см. также - Элиаде 1987:154²⁷]. Наконец, в славянских погребальных обрядах и в связанных с ними вербальных текстах XIX–XX вв. одной из «метафор», репрезентирующих «тему пути» (в загробный мир), является «лестница-гора» [Седакова 1983:6–7].

Учитывая все изложенное выше, полагаю, что сопоставление сопок Северо-Запада, площадки на вершинах которых служили местом захоронения остатков трупосожжения на стороне, с горой волшебной сказки (**восходящий на нее** оказывается в *тридесатом царстве*) вполне правомерно. Стоит подчеркнуть: речь здесь ни в коем случае не идет об отражении в сказке неких представлений о сопках, связанных с возводившими их коллективами (как, например, в упоминавшемся выше «Хронографическом рассказе...»). Наоборот, одна из «составляющих» широко распространенных представлений о пути умершего на *тот свет* (гора), прослеживаемая в подобных фольклорных текстах, обнаруживает свое предметное воплощение в сопочной традиции. С учетом этого обстоятельства, сопка, функционировавшая в качестве **действующего** погребального сооружения, может быть условно охарактеризована как «**гора рукотворная**» [Петров 1995а:93–96]²⁸.

1.4. Сопки: позиция в культуре

Сопки, как аргументированно показал В.Я.Конецкий (развивая точку зрения В.С.Пономарева²⁹ и замечания Н.Н.Черныгина³⁰, относящиеся к данному вопросу),

²⁷ В связи с соотнесенностью сопок с социальной верхушкой возводившего их населения стоит отметить следующее замечание М.Элиаде [1987:154]: «...Только шаманы и герои **действительно восходят** на Мировую Гору...»

²⁸ Сравнительно недавно В.А.Буров [1993:32–35] предложил рассматривать «ядро» (**первоначальную** насыпь) сопки как «модель мировой горы» (= «святилище»), которую в дальнейшем **перекрывает** «курганная насыпь», связанная с реализацией погребальных функций всего сооружения в целом. Однако, привлекаемый исследователем для подобной интерпретации сопки источник заставляет усомниться в правомерности последней. «Этот источник, — отмечает В.А.Буров, — тибетский трактат "Сумати-мани-пранджи"». Само же по себе использование данного трактата для обоснования выделения в сопках «ядра-святилища» и погребальной насыпи никак не аргументируется (да и вряд ли может быть аргументировано). Несмотря на это, В.А.Буров считает возможным утверждать, что при воплощении «идеи мировой горы» в традиции возведения сопки «у словен новгородских славянская основа (подобной «идеи» — Н.П.) соединилась с азиатской — тюркской (?! — Н.П.)».

²⁹ В.С.Пономарев [А-1938:52–61] обратил особое внимание на монументальный облик рассматриваемых памятников: «...Сооружение (сопок — Н.П.) требовало усилий многих сотен

представляют собой погребальные сооружения, связанные с «представителями социальной верхушки» возводивших их коллективов³¹. Подобное объяснение «несоответствия колоссальных трудовых затрат, которых требовало возведение сопков, и необъяснимо малого количества захоронений в них» [Конецкий 1993:11] представляется вполне убедительным [см. также - Носов А-1992:63–65].³²

Здесь следует обратить внимание на отражение представлений о некоей социальной репрезентативности курганной погребальной насыпи вообще как в древнерусской летописной традиции, так и в скандинавских письменных источниках. Под 945 г. (в рассказе о «месте» княгини Ольги) «Повесть временных лет» сообщает: «Ольга же поимши малы дружины. легъко идущи. приде къ гробу его. [и] плакася по мужи своемъ. и повеле людемъ своимъ **съсуги могилу велику** (выделено мною - Н.П.). [и] яко соспоша. и повеле трызну творити.» (цитируется по Лаврентьевской летописи [1962:57]). С другой стороны, «Сага об Инглингах» (VIII; Снорри Стурлусон. «Круг Земной» [1980:14]; перевод М.И.Стеблин-Каменского) содержит следующее известие: «Один... постановил, что всех умерших надо сжигать на костре вместе с их имуществом... **А пепел надо бросать в море или зарывать в землю, а в память о знатных людях надо насыпать курган** (выделено мною - Н.П.), а по всем стоящим людям надо ставить надгробный камень. Этот обычай долго потом держался».

Точка зрения В.Я.Конецкого нашла поддержку в работах многих исследователей [см. например - А.Н.Башенькин 1995:28–29; И.В.Исланова 1995:49; Е.Н.Носов А-1992:63–64]. В недавней работе исследователь предложил рассматривать

людей». «Такие погребальные сооружения, — заключил В.С.Пономарев [А-1938:56], — могли создавать только люди обладавшие могуществом и властью». «Мы определяем сопки, отмечалось далее [Пономарев А-1938:61], — как погребальные памятники господствующего социального слоя эпохи разложения родового строя... Отсюда понятно "внезапное" появление и относительная немногочисленность данных памятников».

³⁰ Рассматривая внутреннее содержание сопочных сооружений Н.Н.Чернягин [1941:95–96] не согласился с точкой зрения П.Н.Третьякова (см. примечание 28) и отметил, что представление о постепенном формировании последних вряд ли может быть признано правомерным, так как далеко не во всех сопках были прослежены дерновые прослойки, свидетельствующие о многоэтапном возведении насыпи. К тому же многие подобные памятники содержали погребения исключительно в верхней части насыпи. Данное обстоятельство позволило Н.Н.Чернягину утверждать: «...Несомненно, что размеры этих насыпей не объясняются количеством содержащихся в них погребений». Таким образом, «остается пока неясным их назначение в качестве коллективных могил всего населения».

³¹ При этом, по мнению исследователя, сопки (в связи с «сакрализацией погребенных... представителей социальной верхушки, что... является универсальной чертой древних обществ») следует охарактеризовать как «культово-погребальные объекты». «Совокупность элементов, характеризующих данные памятники, дает картину модели мироздания» [Конецкий 1993:12–13].

³² Альтернативная точка зрения представлена в работах П.Н.Третьякова — сопка, по мнению исследователя [Третьяков 1941:38], представляла собой «коллективное погребальное сооружение, содержащее несомненно пережженные остатки целой группы родственных лиц и, таким образом, удерживающее традиции погребального обряда эпохи родового строя». Признавая многоэтапный характер формирования сопочной насыпи, П.Н.Третьяков допускал, что «ряд небольших и невысоких курганов с трупосожжением, ...несмотря на их размеры, следует причислить к сопкам. Они представляют собой... недосыпанные сопки». Аналогичная позиция нашла отражение в работах В.В.Седова — подобные погребальные сооружения были интерпретированы исследователем как «коллективные усыпальницы последней стадии первобытно-общинного строя. Каждая сопка — кладбище большой патриархальной семьи, а, поскольку она использовалась в течение длительного времени, насыпи время от времени подсыпались в высоту» [Седов 1970:32].

последние как деспотические семейные общины³³. «В состав такой общины, - отметил В.Я.Конецкий [1994в:142–143], - наряду с лицами, связанными родством с ее главой, которому принадлежала власть в экономической и сакральной сферах, могло входить и зависимое население». Очевидно, таким образом, что при интерпретации сопкок в качестве погребальных сооружений, относящихся к лидерам подобных социальных микроструктур и их родственникам, возникает вопрос о погребальных традициях рядового (зависимого) населения.

Прежде всего, здесь следует отметить вполне допустимую возможность существования среди последнего так называемого «археологически неуловимого похоронного обряда»³⁴ захоронения остатков трупосожжения на стороне в водоемах³⁵, болотах, на деревьях и т. п. [см. - Конецкий 1993:17]. Материалы, относящиеся к подобному обряду погребения сравнительно недавно были рассмотрены А.А.Александровым [1988:129–131]. Кроме этого, результаты полевых изысканий последних лет убеждают в перспективности поиска грунтовых погребальных памятников, располагающихся в непосредственной близости от сопкок, содержащих захоронения по обряду трупосожжения на стороне, и, судя по всему, отражающих погребальные традиции рядового населения «сопочных» общин.

Так, в ходе исследования комплекса памятников в урочище Губинская Лука на Ловати (раскопки В.Я.Конецкого 1989–1991 гг.) на северо-западной окраине селища, в 40–50 м от одиночной сопки был выявлен материковый останец (диаметром 12 м), окруженный ровиком (глубиной до 0.3 м). На восточном, северо-восточном и северо-западном участках внутреннего края ровика сохранились валуны, представляющие собой остатки каменной обкладки памятника (рис. 11, 12). Таким образом, исследованное сооружение может быть интерпретировано как так называемый «каменный круг». Подобные памятники известны в юго-западном Приильменье, имеются сведения об их наличии на Мсте и Ловати. Обнаружение в заполнении ровика отдельных кальцинированных костей³⁶ позволило В.Я.Конецкому [1994в:141–142] аргументированно рассматривать «"круги"... как серьезный претендент на роль сооружений, содержащих захоронения основной массы рядовых общинников».³⁷

В один ряд с охарактеризованным сооружением следует, возможно, поставить и захоронения по обряду трупосожжения на стороне, обнаруженные близ оснований

³³ При этом, следует отметить, что в ряде конкретных случаев характер социальной верхушки, умершие представители которой хоронились в сопках, мог быть и несколько иным. Так, например, по справедливому замечанию Е.Н.Носова [А-1992:63–64], сопки в окрестностях пос. Любытино в среднем Помостье можно рассматривать как один из вариантов так называемых «дружинных курганов».

³⁴ Термин Д.А.Мачинского [1976:95].

³⁵ Из числа наиболее близких (в территориальном отношении) примеров подобного погребального обряда (зафиксированного, однако, археологическими исследованиями) здесь стоит отметить обнаруженные в оз. Обеляй (Литва; исследования В.Урбанавичюса [1990:198–201] 1982 г.) остатки сопровождавшихся инвентарем захоронений XIII–XIV (XV?) вв. по обряду трупосожжения на стороне.

³⁶ Вес собранных костей достигал 150 г. Следует отметить, что исследованное сооружение в значительной степени было повреждено поздней распашкой — рассматриваемый материковый останец находился **непосредственно** под слоем пахоты [Конецкий 1992в:20–21]. В связи с данным обстоятельством стоит указать на очевидную трудность выявления подобных памятников в ходе полевых исследований.

³⁷ Несколько ранее В.Я.Конецкий [1985:43] полагал, что «самого пристального внимания требует предположение о культовом характере "каменных кругов"» [ср. — Русанова, Тимошук 1993:19, 145, рис. 1].

целого ряда сопок северного Поволжья. Так, к внешней стороне каменной обкладки основания насыпи 15-V (южная группа сопок в урочище Победище; раскопки В.П.Петренко 1972 г.) примыкало несколько скоплений кальцинированных костей (рис. 13.1), которые автор раскопок на основании стратиграфических наблюдений склонен относить к времени более раннему, чем совершение захоронений в самой насыпи [Кирпичников, Петренко А-1972а:21–25; Кирпичников, Петренко А-1972б:11–11об, 15-15об, рис. 16, 20–22; см. также - Петренко 1985а:139, 142, 144, рис. 5, 8 (А-В), 10]. Особо стоит отметить следующее обстоятельство: большинство скоплений костей в данном случае **вплотную** примыкали к внешнему краю каменной обкладки, а одно из них находилось внутри каменной выкладки в плане представляющей несомкнутый овал и примыкающей к обкладке основания насыпи [см. также - Петренко 1980б:74–75, рис. 2 (1–2)]. Таким образом, прозвучавшая недавно в литературе обобщенная интерпретация скоплений костей, выявленных при основаниях сопок северного Поволжья в ходе раскопок В.П.Петренко, в качестве остатков «расползшихся» по склону насыпи «поверхностных» захоронений [Кузьмин 1989а:50] представляется чересчур упрощенной. Безусловно, многие из их числа являются таковыми. Так, например, в качестве подобных остатков следует, видимо, расценивать два скопления кальцинированных костей (рис. 13.2), обнаруженные в основании насыпи 15-IV (южная группа сопок в урочище Победище; раскопки В.П.Петренко [А-1973а:13–14; А-1973б:11, 11об, 12, 12об, рис. 13–14] 1973 г.). «Костеносный слой» (термин автора раскопок) перекрывал здесь каменную обкладку основания сопки, кости находились в так сказать «взвешенном» состоянии и не образовывали отдельных погребений или же **компактных** скоплений [ср. - Петренко 1994:59–61, рис. 19–21]. Однако, приведенные выше сведения со всей очевидностью свидетельствуют и о существовании **при** сопках **грунтовых** захоронений по обряду трупосожжения на стороне.

Сравнительно недавно (в 1991 г.) грунтовый могильник с погребениями по обряду трупосожжения на стороне был исследован С.Л.Кузьминым в комплексе памятников около д. Которск в верхнем Поплюсье (рис. 14). Как полагают Е.Р.Михайлова и С.Л.Кузьмин [1994:52], указанный памятник следует рассматривать в качестве некоей альтернативы сопочной традиции, существующей, однако, непосредственной связи с последней: «У населения "культуры сопок" существовали погребальные памятники, не обязательно связанные с возведением монументальных насыпей». Разделяя общий взгляд исследователей на рассматриваемую проблему, я хотел бы обратить внимание на очевидную топографическую связь грунтового могильника у д. Которск с расположенными в сосновом бору группами курганов, относимыми к так называемой «культуре псковско-новгородских длинных курганов» [Кузьмин 1991б:153–154, 163–165, рис. 1]. Единственная же группа «классических» сопок (входящая в состав данного комплекса) располагается на противоположном берегу р. Городонька - к настоящему времени здесь сохранилась лишь одна подобная насыпь. К сказанному стоит добавить, что указанные выше группы курганов (равно как и грунтовый могильник) образуют единый комплект памятников с находящимся неподалеку селищем, возникновение которого относится к рубежу IX–X (второй половине IX?) вв. (Связь сопок именно с этим поселением остается в значительной степени проблематичной - как правило, комплексы памятников «одиночная сопка (группа сопок) + поселение» расположены на **одном** берегу реки [см. например - Седов 1982:65; Конецкий 1989б:5].) Чрезвычайно схожи между собой вещевые и керамические комплексы грунтового могильника и селища [Михайлова, Кузьмин 1994:50–52].

Характеризуя результаты раскопок селища около д. Которск С.Л.Кузьмин [1991б:158] заметил: «Если на уровне "живой" (поселенческой - Н.П.) культуры вклад

носителей длинных курганов фиксируется плохо, то несомненно воздействие культовых традиций этого населения на развитие курганного обряда данного региона». Думается, что с учетом изложенных выше наблюдений грунтовый могильник с захоронениями-трупосожжениями около д. Которск следует относить к кругу погребальных традиций, сформировавшемуся до «эпохи сопок»³⁸. (Вещевой же и керамический комплексы могильника отразили собой существование последнего в соответствующий период - конец I тыс. н. э.). Таким образом, вряд ли можно признать правомерным предположение о непосредственной связи рассмотренного памятника с сопочной традицией.

* * *

Существуют ли возможности для определения социального статуса погребенных в теле сопочных погребальных сооружений? Актуальность данного вопроса представляется очевидной - ведь от его решения зависит ответ и на другой принципиальный вопрос: была ли связана реализация **основных** погребальных функций сопок исключительно с «поверхностными» захоронениями лидеров общин (а все предшествующие «мероприятия» по возведению насыпи, в том числе - помещение в последнюю неких остатков трупосожжений, лишь подготавливали ее функционирование в качестве погребального памятника) или же подобная реализация характеризовалась поэтапным возведением сопок, причем досыпка существующей насыпи (сопровождающаяся совершением захоронений) являлась неизменным ее условием [см. - Петров 1992а:110–111]?³⁹ Для ответа на поставленный выше вопрос обратимся к уже рассматривавшимся (в несколько иных аспектах) результатам раскопок В.Я.Конецким одиночной сопки в урочище Губинская Лука на р. Ловать. Данные материалы, на мой взгляд, в настоящее время в наибольшей степени содержат необходимую информацию.

Как уже было отмечено выше, скопление кальцинированных костей в вершине насыпи представляло собой захоронение по крайней мере трех взрослых человек и одного ребенка. Любопытно, что одно из двух погребений (№ 2) в теле насыпи содержало 11 г кальцинированных костей ребенка. Второе погребение (№ 3), содержащее около 20 г мелких кальцинированных костей, судя по публикации автора раскопок [Конецкий 1990б:11], возрастному определению не поддается. Оба захоронения располагались в ямках (рис. 15).

Сопоставление охарактеризованных погребений с итогами исследований других подобных памятников чрезвычайно затруднено отсутствием данных антропологических анализов обнаруженных в погребениях костей. Впрочем, более или менее постоянной видится связь кальцинированных костей в верхних частях сопочных сооружений с захоронениями **взрослых** людей. Так, по определению Г.П.Романовой, взрослому человеку принадлежали кости, обнаруженные в вершине

³⁸ Существование грунтовых могильников в рамках круга погребальных традиций «культуры псковско-новгородских длинных курганов» в настоящее время представляется очевидным [см.-Носов 1984б:11–17, рис. 1-2; ср. — Михайлова 1993:70–78].

³⁹ Вопрос «о способах сооружения сопок» отчетливо был сформулирован в 1950-е гг. С.Н.Орловым [1955:205–206]. «От правильного решения этого вопроса, — справедливо полагал исследователь, — во многом зависит определение социальной структуры общества, оставившего эти памятники». В северном Поволжье, по мнению С.Н.Орлова, можно проследить «два способа сооружения сопок: первый, — когда вся насыпь сооружалась одновременно с основным погребением, а последующие погребения впускались в насыпь сверху; второй, — когда устройство насыпи шло постепенно путем подсыпки по мере новых захоронений».

насыпи № 2, входящей в состав группы сопкок около б. д. Мерлугино (бассейн верхней Мсты, раскопки И.В.Ислановой [1995:41–49, рис. 4] 1984–1985 гг.); других погребений упомянутая сопка не содержала. Здесь же стоит, видимо, отметить и насыпи (рис. 16) исследованные в 1871 г. Л.К.Ивановским [1881:60–61, 64–67] около дд. Коровитчино (№№ 3–6), Марфино (№№ 1–2) и Селяха («северный... курган») на р. Ловать - во всех неповрежденных сопках кальцинированные кости человека располагались в верхних частях насыпей; скопления же костей обнаруженные ближе к основаниям («подошвам») последних являлись жертвенными захоронениями различных животных. Наличие же в теле сопки (погребальном памятнике соотносимом с лидерами данной общины) в урочище Губинская Лука захоронения **ребенка** представляется весьма важным для понимания характера, по крайней мере, данного сооружения.

Дело в том, что существование в рассматриваемый период (IX–X вв.) на Руси традиции совершения человеческих жертвоприношений вряд ли может вызывать сомнения. Так, например, в «Истории» Льва Диакона (книга девятая, § 6 [1988:78]), завершённой в 990–991 гг. [Сюзюмов 1988:150], содержатся следующие сведения: «И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны, скифы (воины Святослава Игоревича - Н.П.) вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много костров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву они задушили [несколько] грудных **младенцев** (выделено мною - Н.П.) и петухов, топя их в водах Истра» (перевод М.М.Копыленко)⁴⁰.

Сообщения о человеческих жертвоприношениях обнаруживаются и в древнерусских письменных источниках⁴¹ [см. - Аничков 1914:238; Котляревский 1868:35; см. также - Фроянов 1986:39–40]. Прежде всего, здесь следует упомянуть известие «Повести временных лет» (Лаврентьевская летопись [1962:82]), приуроченное к 983 г.: «...Володимерь (Святославич - Н.П.) ... творяше потребу кумиромъ. с людьми своими. и реша старци и бояре мечемъ жребии. мечемъ жребии на отрока и девицу. на него же падеть. того зарежемъ...» Киевский митрополит середины XI в. Иларион в слове «О законе... и о благодати...» [1894:67] указывает: «И уже не идолослужителе зовемся, (но) христианами... уже не закалаемъ бесомъ другъ друга, но Христось за ны закалаемъ бываетъ...» (цитируется по пергаменному сборнику XIV–XV вв. № 362 из библиотеки И.Н.Царского; см. - Калугин 1894:50, 81; см. также - Розов 1987:198–202). Осуждение человеческих жертвоприношений содержит относящееся к XII в. «Слово Кирила (Туровского - Н.П.) недостойнаго мниха по пасце, похваление въскресения, и о арьтусе, и о Фомине испытаныи ребр господних» [1957:415]: «Отселе бо не приемлетъ ад закалаемых отци младенци... и погубися бесовское насилье крестным таинством...». (Цитированный текст

⁴⁰ Пользуюсь случаем поблагодарить В.Я.Конечного, обратившего мое внимание на это сообщение. Попутно стоит отметить, что жертвенное убийство славянами (**склавинами**) **младенцев** засвидетельствовано византийским автором середины VI в. Псевдо-Кесарием [1994:254; Иванов 1994:251; Сюзюмов, Иванов 1988:210 — здесь же (комментарии №№ 23–27) см. подробный обзор сведений письменных источников о человеческих жертвоприношениях у славян в эпоху раннего средневековья]: «...Грудные младенцы... разбиваются о камни, подобно мышам...» (перевод С.А.Иванова).

⁴¹ Здесь же следует упомянуть особую группу сообщений о существовании у **русов** и **славян** в IX–X вв. традиции совершения человеческих жертвоприношений (в том числе — в рамках погребальной обрядности) в сочинениях арабских авторов — Ибн Русте, Гардизи, Ибн Фадлана, Истахри, Ибн Хаукала, Бакри, Исхак ибн ал-Хусайна и др. [см. — Заходер 1967:96–97, 100–101, 103, 112–113].

происходит из «сб. Чудова монастыря № 20, XIV в.» [см.-Еремин 1957:352; Творогов 1987г:217–219]. В ряде иных списков после *приемлетъ* (в другом варианте - после *ад*) стоит *требы* - см. варианты текста «Слова...» (по «Уваровскому Златоусту № 1770, XIV в.» и по «сб. XV в. собр. Пискарева, № 92») в постраничных примечаниях в указанной публикации памятника.) Кроме этого, осуждение обычая жертвенного сожжения людей, представлено в «Слове блаженного Серапиона о маловерье» [1981:452], относящемся к XIII в. [Творогов 1987в:387–389]: «Обычай поганьский имате: волхвамъ веру имете и пожагаете огнемъ неповинныя человеки. Где се есть въ Писаньи, еже человекомъ владети обильемъ или скудостью?» (текст цитируется по списку Паисиевского сборника (конец XIV – начало XV вв.))⁴².

Приведенные сведения заставляют с особой осторожностью отнестись к интерпретации скоплений кальцинированных костей в теле сопочных насыпей в качестве погребений в полном смысле этого слова. Во всяком случае, однозначные свидетельства в пользу подобной интерпретации отсутствуют, в то время как рассмотренные сообщения письменных источников обнаруживают достаточно отчетливое себе соответствие в погребении ребенка в теле сопки в урочище Губинская Лука - вряд ли захоронение последнего (не прошедшего, надо полагать, обряд инициации и, следовательно, не являвшегося полноправным представителем данной социальной общности) следует считать одним из погребений, ради совершения которых возводилось указанное сооружение.

Затронув вопрос о существовании традиции помещения в тело сопочной насыпи остатков человеческих жертвоприношений нельзя, на мой взгляд, не коснуться находок несожженных человеческих черепов в сопках (см. - Петров 1997б:8–10). С одной стороны, многие подобные находки вне всякого сомнения представляют собой остатки разрушенных впускных труположений, совершавшихся в сопках на протяжении всего II тыс. н. э. Таковыми, например, очевидно, являются черепа, обнаруженные Н.Г.Богословским [1878а:205] при раскопках в 1878 г. сопки в Климентовском погосте (д. Заполье, бассейн р. Оредеж). Череп человека «с отбитой нижней челюстью, кости скелета которого были разрыты» был найден здесь в верхней части насыпи, под каменной плитой окруженной вымосткой из обломков плит. «Ниже на 1/2 арш. лежало рядом 6 черепов,... кости были в беспорядке и поломаны, могила была рыта еще прежде, давно». Аналогичная картина была выявлена и при раскопках тем же исследователем сопки около дд. Родионово и Ушерска в верхнем Поволховье [Богословский 1878б:205, Богословский 1878в:206]. Однако, с другой стороны, в северном Поволховье в сопках 14-IV (северная группа сопки в урочище Победище; раскопки Н.Е.Бранденбурга [1895:138] 1883–1884 гг. и В.П.Петренко [А-1980а:3–4; А-1980б:3, рис. 4; 1994:127] 1979 (?) – 1980 гг.) и 15-VII (южная группа сопки в урочище Победище; раскопки Н.Е.Бранденбурга [1895:139] 1883–1884 гг.) были обнаружены человеческие черепа, обстоятельства выявления которых не дают оснований утверждать, что они являются остатками разрушенных впускных труположений, совершенных во II тыс. н. э. В сопке 14-IV череп находился **на уровне** верхнего края каменной обкладки основания насыпи вместе с двумя мелкими фрагментами кальцинированных костей - глубина залегания черепа составила -20 см от репера, глубина залегания близлежащих камней обкладки - -17/-24 см от репера. (Здесь приведены верхние нивелировочные отметки.) Нет, таким

⁴² Важно обратить внимание на то, что упрек Серапиона адресован его современникам. (Гельмольд в «Славянской хронике» [1963:129] (глава 52 — «Об обычаях славян»), повествуя о периоде правления Никлота (князь бодричей с 1125 по 1160 гг.), отмечает: «...И приносят богам своим жертвы волами и овцами, а многие и людьми — христианами...» (перевод Л.В.Разумовской [1963:274]).)

образом, оснований считать, что череп был найден «в переотложенном состоянии» [Петренко 1994:127].

В насыпи 15-VII череп человека был встречен «в середине, в подошве». Как указывает Н.Е.Бранденбург [1895:139], здесь были выявлены «несколько валунов и довольно большой обломок плиты, уложенные в виде прямого угла; в отверстии последнего найден развалившийся человеческий череп и два остатка костей, а поблизости от них обломки железа (по-видимому, ножа)». Как видно из изложенного, в этом случае возможность связи черепа, находившегося в центре основания сопки, с разрушенным впускным труположением II тыс. н. э. тем более исключена.

Думается, что охарактеризованные материалы вряд ли могут быть интерпретированы как погребения - некая «экзотичность» данных находок по отношению к собственно сопочному погребальному обряду представляется очевидной. Приводимые ниже сведения, на мой взгляд, позволяют с достаточной уверенностью связать отмеченные находки с жертвенными захоронениями.

В скандинавских сагах прослеживается представление о необходимости добычи головы противника. Так, в «Саге о Ньяле» (LXXXII [1973:283], перевод В.П.Беркова) сообщается: «Траин отрубил ему голову и выбросил тело за борт, а голову сохранил». В «Саге о Хёрде и островитянах» (XXXVIII [1973:496–497], перевод О.А.Смирницкой) подобное представление также отражено: «Тогда он сказал: - ... Скажи же, что сделать, чтобы мы помирились. - Только одно: принеси мне голову Торстейна Золотая Пуговица». Следует отметить, что рассматриваемое явление имеет чрезвычайно широкое распространение и представляется в значительной степени универсальным - в качестве примеров здесь можно упомянуть обряд охоты за головами, отголоски которого сохранялись, например, у ибанов Индонезии еще в 1940-х – 1950-х гг. [Ревуненкова 1991:159–161], а также ненецкую песню «Лена Салиндер' сё» («Песня Лены Салиндер» [1990:84–85]), содержащую следующие строки: «Если сейчас пойду, то принесу сюда голову Гитлера» (запись (1987 г.) и перевод Е.Т.Пушкаревой [1990:81–85]).

Как отмечает Е.В.Ревуненкова [1991:159], «среди множества причин, обосновывающих практику добывания головы врага, ... важнейшее место занимало представление о голове как об особенно богатом источнике жизненной силы» [см. также - Дзибель 1996:22–23]. Именно эта причина, надо полагать, лежит в основе следующего сообщения «Саги о Хальвдане Черном» (IX, Снорри Стурлусон. «Круг Земной» [1980:42]): «...Когда стало известно, что он (конунг Хальвдан Черный - Н.П.) умер... ..тело (его - Н.П.) было разделено на четыре части, и голову погребли в кургане у Камня в Хрингарики, а другие части каждый увез к себе, и они были погребены в курганах, которые все называются курганами Хальвдана» [см. - Фроянов 1992:122–123]. По мнению же В.В.Седова [1992:91–94], ритуалы захоронения умершего с отчлененной головой или отдельного захоронения головы, зафиксированные в областях расселения прибалтийских финнов, поволжско-финских и пермско-финских племен, среди угро-самодийского населения лесной полосы Западной Сибири, являются особенностью погребальной обрядности, связанной с анимистическими представлениями. «Обычай почитания головы связан с реинкарнацией - верой в возрождение души».

Что же касается захоронений черепов в сопках, то в этом случае следует признать очевидное несоответствие данной традиции сопочной погребальной обрядности, связанной с лидерами соорудивших сопки коллективов, - трупосожжению на стороне. С учетом этого обстоятельства помещение человеческих черепов в тело

подобных насыпей скорее являлось неким «вспомогательным» ритуалом, реализация которого была связана с необходимостью возведения сооружений, соответствующих социальному статусу погребаемых в них лиц. В пользу такого понимания рассмотренных находок косвенным образом свидетельствует расположение черепа из сопки 14-IV на вершине каменной обкладки **основания** насыпи.

Таким образом, возвращаясь к поставленному выше вопросу о статусе погребенных в теле сопочных сооружений, следует признать, что та или иная однозначная их **общая** интерпретация окажется преждевременной. Приведенные выше материалы и высказанные наблюдения, казалось бы свидетельствуют лишь о жертвенном характере захоронений в теле сопок. (Попутно стоит заметить, что косвенным аргументом в пользу этого является и факт наличия сопок содержащих неоднократные захоронения по обряду трупосожжения на стороне исключительно в верхней части насыпи.) Однако, основания для **полного** исключения возможности существования традиции поэтапного возведения сопок (с совершением захоронений лидеров на каждом этапе) отсутствуют; во всяком случае - пока.

Некоторую ясность в вопрос об этапности возведения сопок могло бы внести определение характера происхождения дерновых прослоек в подобных насыпях. Однако, и в этом случае излагаемые ниже соображения следует считать лишь предварительными наблюдениями, скорее всего, свидетельствующими о существовании некоей **более или менее** общей тенденции в использовании дерна при сооружении сопок. Возможность иного (см. ниже) объяснения происхождения данных элементов сопочной архитектуры в тех или иных **конкретных** случаях также не исключается. % % %

В 1881 г. Л.К.Ивановский [1881:62] предположил, что прослойки дерна («черноземный шатер»), выявленные в теле насыпей в ходе раскопок сопок на Ловати, связаны с **искусственной** обкладкой последних на определенном этапе их сооружения дерном, «чего надо ожидать непременно, если взять в соображение правильную форму и крутизну боков кургана; если бы поверхность его не обкладывалась дерном, он через 2–3 дня обсыпался бы на половину, как это было с моими траншеями, хотя аппарели их были гораздо покатае, чем уклон боков кургана». В первой половине XIX в. аналогичные соображения высказывал З.Д.-Ходаковский [1839:148]: «...Совершивши холм (то есть, сопку - Н.П.), окладывали толстым дерном, который укрепил сей памятник на многие веки...»

Впоследствии как указанная точка зрения, так и прямо противоположная ей в той или иной степени нашли поддержку в работах различных исследователей. Так, С.А.Тараканова [1951:153] отмечала: «Изучение новгородских сопок... показывает одновременность их сооружения. Исключение составляют Ловатские сопки, у которых прослежена слоистость насыпи, хотя истинное происхождение таких прослоек окончательно еще не установлено». По мнению же В.В.Седова [1970:14], «гумусно-зольные прослойки, разделяющие разновременные части сопок, образовывались в результате перегнивания дерна, которым каждый раз покрывалась погребальная насыпь» [ср. - Орлов 1955:206].

Особое значение в связи с рассматриваемым вопросом приобрели работы по восстановлению исследованной раскопками сопки 14-I, предпринятые В.П.Петренко [1980а:25–26; 1985б:24; 1994:125] в 1979–1980 гг. «Как показывает натурный эксперимент, - отметил исследователь [Петренко 1985б:24], - возведенная из достаточно плотного материала (глина, суглинок) сопка вполне может сохранять форму и крутизну склонов без специальной одерновки при условии проведения незначительных профилактических работ в первое время после завершения

строительства (до естественной одерновки)». Следует, однако, отметить, что искусственная одерновка применялась при указанных восстановительных работах [Петренко 1980а:25–26]. Кроме этого, куски дерна используются для предотвращения процесса расползания сопочных насыпей до сих пор - я имею в виду реставрационные археологические мероприятия сотрудников музея-заповедника «Старая Ладога» [Бессарабова 1995:26–27].

Наконец, в целом ряде исследованных в сравнительно недавнее время сопочных сооружений было зафиксировано очевидное использование кусков дерна для создания тех или иных конструктивных элементов насыпи. Так, в уже упоминавшейся сопке № 2, входящей в состав группы подобных насыпей около д. Сковородка в верхнем Поплюсье, был обнаружен первоначальный курган (рис. 17), сооруженный **исключительно** из предварительно нарезанных кусков дерна [Кузьмин 1989а:49]⁴³. Похожие дерновые конструкции встречены и в иных подобных памятниках; например - при раскопках в бассейне р. Оредеж одиночной сопки Пристань-I [Кузьмин 1992а:17, 25, рис. 2]. Кроме этого, дерновые вымостки (рис. 18) обнаружены на северном участке внутреннего склона рва, окружавшего основание сопки у дд. Брод-Лучки в междуречье рр. Пола и Мста (раскопки В.В.Милькова [Фролов 1994:41–42, 46, рис. 3] 1991 г.). Публикуя результаты данных раскопок А.А.Фролов [1994:46], обратил внимание исследователей на приведенные П.В.Шейном [1890:587, 626] этнографические материалы XIX в., свидетельствующие о **возможности** использования кусков дерна в ритуалах, **непосредственно** связанных с погребальными сооружениями. Так, жители Борисовского уезда Минской губернии на осенние поминки («хавтуры») «...по захождении солнца, отправляются на могилу умершего, везут с собою **дерн** (здесь и далее выделено мною-Н.П.), веник и дрова, и при огне **облагают дерном** могилу поминаемого». В с. Кутки Церковно-Осовецкой волости Быховского уезда Могилевской губернии на Радуницу (вторник Фоминой седмицы) «утром... мужчины поправляют могилки: обсыпают их землю, **обкладывают дерном** и садят на них деревья».

Подводя итог рассмотренной выше проблеме реконструкции процесса реализации погребальных функций сопок, следует вернуться к затронутому ранее вопросу: с чем было связано зафиксированное с целом ряде случаев перекрытие существовавшего на вершине сопки в течение какого-то времени «поверхностного» захоронения дополнительной «итоговой» насыпью? Думается, что наиболее правомерным объяснением в данном случае будет являться предположение о целенаправленной засыпке носителями традиции возведения сопок погребального комплекса, прекратившего свое функционирование. Действительно, с учетом тех или иных возможных трансформаций связанных с сопками поселенческих структур⁴⁴, возможность прекращения функционирования относящейся к данному поселению сопки, по крайней мере, в качестве погребального сооружения представляется вполне очевидной. С другой же стороны, следует признать весьма вероятной и возможность перекрытия дополнительной насыпью **действующего** погребального комплекса

⁴³ По мнению автора раскопок [Кузьмин 1989а:49], данный курган представлял собой «четырёхугольную пирамиду». К сожалению, это утверждение не находит себе соответствия в существующей на сегодняшний день практике раскопок подобных сооружений — выявляемые в них земляные и дерновые конструкции, как правило, не расчищаются полностью (в отличие от, например, каменных или деревянных), а фиксируются лишь в бровках [ср. — Седов 1983:71; Петров 1996г:6–7].

⁴⁴ Так, например, поселение рубежа IX–X – первой половины X вв. в урочище Губинская Лука (хозяйственная зона которого составляла 12 га) существовало, по мнению В.Я.Конечного [1992г:42], «только несколько десятилетий».

в ходе проведения мероприятий связанных с миссионерской деятельностью начала-первой половины XI вв.

* * *

Существование у сопок особых сакральных функций неоднократно отмечалось исследователями. «...Насыщенная смысловая нагрузка сопочного обряда, - отметил В.Я.Концевский [1993:12-13], - безусловно не случайна и связана с сакрализацией погребенных в сопках представителей социальной верхушки, что... является универсальной чертой древних обществ». При этом, хотелось бы заметить, что сочетание сакральных и погребальных функций в той или иной степени свойственно любым погребальным сооружениям. Но если для, например, древнерусских погребений по обряду труположения определенно характерна подчиненность сакральных функций погребальным (или их единство), то сакральные функции сопок представляются более автономными, самостоятельными по отношению к погребальным. Ярким аргументом в пользу этого утверждения являются исследованные раскопками сопки, погребения в которых **отсутствовали**, причем это обстоятельство, судя по всему, не было связано с позднейшими повреждениями памятников.

В качестве примера подобного сооружения, здесь следует упомянуть исследованную в 1883–1884 гг. Н.Е.Бранденбургом [1895:139] в северном Поволжье сопку 12-IV (группа сопок близ д. Лопино): в насыпи были обнаружены лишь каменные конструкции, вблизи одной из которых был найден «один зуб». Как убедительно показал В.П.Петренко [1994:23–24], нет оснований предполагать, что Н.Е.Бранденбург «не замечал» при раскопках безурновых погребений по обряду трупосожжения. Думается, что к числу рассматриваемых памятников стоит отнести и охарактеризованную выше сопку 14-IV, содержащую связанные с каменной обкладкой основания насыпи человеческий череп и два мелких фрагмента кальцинированных костей. Другим примером сопки не содержащей погребений является насыпь № 3, входящая в состав группы сопок около д. Полосы в верхнем Поплюсье (раскопки С.Л.Кузьмина 1990 г.).

Очевидно, что охарактеризованные и им подобные памятники не являлись кенотафами - как было показано выше, погребения на вершинах сопок совершались неоднократно и не одновременно. Таким образом, следует предположить, что в сопках не содержащих погребений (но не отличающихся по своей общей конструктивной схеме от сопок, в которых выявлены трупосожжения) реализовалась исключительно их сакральная функция. Изложенное позволяет рассматривать данные сооружения в качестве святилищ, неких сакральных центров тех или иных поселенческих структур. Следует отметить, что выделение двух основных групп функций сопок (сакральной и погребальной), равно как и наличие сопок-святилищ не содержащих погребений, конечно же, ни в коем случае не дает оснований говорить о возможности возведения исключительно погребальных сооружений подобного типа. Надо полагать, что сопки, являвшиеся местами захоронения представителей знати, действовали и как сакральные центры - сакрализация подобных памятников представляется вполне естественным и закономерным явлением.

Ситуация во многом сходная с вышеописанной была прослежена в материалах так называемых «древностей корелы». Результаты исследований комплекса памятников VIII–XIV вв. у д. Ольховка (Лапинлахти) на Карельском перешейке, в том числе - «каменных куч» (раскопки А.Европеуса 1921 г. и А.И.Саксы 1979–1980 гг.), свидетельствуют, как считает А.И.Сакса [1984:112–113, 117; 1985:83], о том, что подобные сооружения, функционировавшие первоначально как погребальные, в XIII–

XIV вв. являлись носителями исключительно сакральных функций при массовом распространении в это время погребений по обряду труположения в грунтовой яме; раскопанная же А.Европеусом «каменная куча» содержала погребение-трупосожжение конца VIII в. Приведенная аналогия позволяет в качестве довольно смелого предположения допускать возможность возведения сопок как исключительно сакральных сооружений в начальный период распространения в Северо-Западной Руси обряда труположения.

Здесь, однако, необходимо оговорить одно важное обстоятельство. Речь идет об интерпретации **внутренней** структуры сопок (в том числе - содержащих погребения) в качестве предметной реализации так называемой модели мира.

Подобная интерпретация была предложена В.Я.Конечким [1989а:144], который, опираясь на утверждение Д.С.Раевского [1985:14–32] о соотносимости погребальных памятников архаических обществ с моделью мироздания, счел возможным допустить, что «в сопках эта идея (модели мира - Н.П.) получила яркое, хотя и не до конца ясное в деталях выражение». Согласиться с подобным сопоставлением трудно [ср. - Петров 1992а:109–110].

Точка зрения Д.С.Раевского сводится, в целом, к следующим положениям. Одной из основных функций мифологии в архаических обществах являлось моделирование мира, объясняющее его. С другой стороны, очевидна глобальная мифологизация всех сфер культуры, всех видов человеческой деятельности в обществах данного типа. Соотнесенность всех сторон жизни социума с мифологией позволяет Д.С.Раевскому видеть в любой семиотической системе (в том числе - и в «вещных» невербальных текстах) отражение мифологической модели мира [Раевский 1985:14–32; см. Также-Иванов, Топоров 1965:7]. Однако, моделирование мира - одна из основных, но не единственная функция мифологии. Действительно, любая семиотическая система соотносится с мифологией в архаическом обществе, а значит, **так или иначе** будет связана с моделью мира. Но характер этой связи может быть различен. Последняя может быть результатом **сознательного** воплощения модели мироздания. Но вполне возможны ситуации, когда в основе рассматриваемой связи лежат совершенно иные принципы и исследуемая семиотическая система соотносится с моделью мира лишь постольку поскольку она связана с мифологией в целом. Это утверждение следует, пожалуй, отнести прежде всего к погребальным сооружениям и обряду, в основе которого лежит, как правило, стремление неким образом воздействовать (прорвать, восстановить, установить контакт) на границу, отделяющую *тот свет* от мира живых [Седакова 1983:10–11; см. также - Байбурун, Левинтон 1990:72], а отнюдь не желание сознательного предметного воплощения модели мира. Следует, также заметить, что знаковая система, воплощающая в себе мифологическую модель мира, могла функционировать в культуре в течение какого-то более или менее значительного отрезка времени лишь в том случае, если она была зрительно воспринимаемой. (Речь здесь идет о невербальных текстах.) «Первобытное (равно как и варварское - Н.П.) мышление, - справедливо заметил В.Я.Пропп [1986:31], - не знает абстракций» [см. также - Гуревич 1972:264]. Отчасти с этим утверждением согласен и Д.С.Раевский [1985:17, 103]. В качестве примера здесь можно привести изображения на скандинавских «памятных камнях» V–XI вв. [Петрухин 1978:148–160]. Примером более отдаленным в территориально-хронологическом отношении, но более близким по смыслу (в данном случае) являются античные купольные гробницы, в частности - уступчатые склепы Боспора Киммерийского (V–III вв. до н. э.) [Савостина 1990:237–248].

Очевидно, таким образом, что даже сопка, функционировавшая исключительно как сакральное сооружение, не могла восприниматься в качестве семантического

дубликата мифологической модели мироздания после того как она была возведена. По крайней мере, интерпретация В.Я.Конецким [1989a:144] некоторых основных элементов внутренней «конструкции» сопок как предметного воплощения определенных мифологических архетипов (вертикальный столб в центре насыпи = «мировое древо» и т. д.) в свете изложенного выше и при отсутствии непосредственно относящихся к сопкам параллелей в вербальных текстах⁴⁵, представляется малоубедительной. Сопка сама по себе выступает в качестве **одного из основных элементов** модели мира, существующей в представлениях соорудившего ее коллектива. (Термин «модель мира» здесь понимается не в том смысле, который обычно придается ему последователями структурно-семиотической школы [см. например - Топоров 1988:161–164], но как определенная психологическая программа действий (и высказываний), направленная на разотождествление, детавтологизацию действительного [Богданов 1995:4–5].) Учитывая «пограничную» позицию, занимаемую сопкой по отношению к загробному миру и миру живых (зона контакта?), мы можем с уверенностью допускать выполнение подобными сооружениями функции своеобразных «организаторов» сакрального «уровня» реального географического пространства, связанного с жизнедеятельностью той или иной группы населения. Семантическая же нагрузка большей части элементов «конструкции» сопок связана, надо полагать, со стремлением к максимально адекватному воплощению данной «составляющей» мифологической модели мира в конкретной сакрально-погребальной насыпи. Сами же элементы «конструкции» сопок следует рассматривать как предметное воплощение последовательности действий необходимых, с точки зрения возводивших эти сооружения коллективов, для «нормального» их функционирования в качестве сакрально-погребальных или исключительно сакральных комплексов, то есть - в качестве **элементов** модели мира. Попытки конкретизировать последнее предположение означали бы вступление на путь чрезвычайно малоубедительных реконструкций.

Подобной реконструкцией, на мой взгляд, и является «прочтение» В.Я.Конецким внутренней структуры сопки в качестве модели мироздания, базирующееся исключительно на мифологических универсалиях. Исходной посылкой такого подхода служит, видимо, следующее утверждение: модель мира «не относится к числу понятий эмпирического уровня (носители данной традиции могут не осознавать модели мира во всей ее полноте)» [Топоров 1988:161]. Однако, в таком случае исследователю открываются чрезвычайно широкие (и столь же неубедительные) возможности использования различных «составляющих» некоей **универсальной** модели мира (**сконструированной** из отдельных элементов, мотивов и сюжетов самых разнообразных мифологических традиций) при интерпретации тех или иных конкретных текстов - как вербальных, так и не вербальных. **Реконструкция** структуры **локальных** представлений заменяется здесь **универсальной схемой**. Подобной схематизации вполне можно избежать, руководствуясь лишь теми элементами модели мироздания, которые действительно существовали в представлениях конкретных коллективов, осознавались ими. Однако, отсутствие **непосредственно** связанных с сопочной традицией вербальных текстов⁴⁶ не дает возможности согласиться с рассмотренным выше предположением В.Я.Конецкого.

⁴⁵ Показательно, что В.И.Равдоникас, указавший на возможность объяснения структуры сопок с помощью привлечения текстов «Старшей Эдды», никак эту возможность не реализовал [Raudonikas 1930:36].

⁴⁶ Попутно стоит обратить внимание на принципиальное различие вербальных и невербальных знаковых систем, рассмотренное А.Шаффом [Schaff 1970:122–123] и связанное, по представляющемуся справедливым мнению исследователя, с тем, что вербальные знаки (в

Объяснение же неоднократно отмечавшегося в последнее время в литературе [см. например - Конецкий 1993:7, Носов 1994:3] отсутствия типологического единства сопкок следует, на мой взгляд, искать не только в том, что эти памятники отразили собой некую неустоявшуюся традицию [ср. - Петров 1992а:109–110], но и в характере дохристианских религиозных верований населения их возводившего [Панченко, Петров 1992:10–11; Панченко, Петров 1993:189].

* * *

Во многих работах, посвященных восточнославянскому язычеству, последнее нередко выступает как некий стабильный комплекс верований (языческая религия)-традиционным дохристианским культам придается жесткая иерархическая структура, чрезвычайно распространено представление об издавна существовавшем у славян пантеоне языческих божеств [см. например - Рыбаков 1981; Рыбаков 1987; Седов 1982:261–268]. При этом, на наш взгляд, допускается ряд методологических и методических ошибок.

Во-первых, при проведении подобного рода исследований, необходимо постоянно учитывать, что почти все сведения о восточнославянском язычестве мы берем из поучений древнерусских авторов, направленных на осуждение и искоренение дохристианских верований, то есть - из книжной христианской традиции [см.-Гальковский 1916:111]. Зачастую подобные сведения практически не подвергаются критическому анализу. Однако, не следует забывать, что изложение содержания традиционных культов подчинено в данных сочинениях жесткой иерархии, изначально этим культам не свойственной. Многие же обличения восточнославянского язычества представляют собой просто вставки в святоотеческие писания. «Официальное утверждение древнерусского сонма языческих божеств во главе с Перуном всего на восемь лет опередило официальное принятие христианства на Руси. Унификация языческого культа, придание ему вида единоначального пантеона были безусловным нововведением для создания (запоздалого) противовеса христианству, а также для упорядочения нестройной массы архаических локальных культов сил неба и земли, бытовавших у славян с давних времен» [Трубачев 1991:180]. Строгий источниковедческий анализ позволил, например, Л.С.Клейну [1990:26] утверждать, что «судя по всему, Род вообще не был богом и, видимо, даже не существовал вовсе как персонаж в славянском языческом пантеоне».

Во-вторых, неправомерным кажется представление о язычестве как некоем неизменном во времени комплексе верований. Варварское общество безусловно традиционно, однако, эта традиционность имеет свои границы. В основе варварской культуры действительно лежит некая апелляция к традиции, но, при этом, она лишена **сознательного** отрицания всех новаций. (**Иллюзия** абсолютного господства традиции возникает у исследователя в связи с отсутствием возможности непосредственно проследить новации в языческих представлениях «спрессованных» в «блоках» мифологических сюжетов.) Между тем, несмотря на то, что «принципы построения мифологического текста... можно считать направленными на... максимальное затруднение замен...» трансформации некоего исходного текста могут происходить и внутри данной традиции, и выходить за ее пределы [Иванов, Топоров 1975:48, 50].

Язычество варварских обществ выступает как сложный, зачастую противоречивый комплекс верований. При этом, противоречивым язычество представляется не только с точки зрения современного исследователя. Полагаем, что

отличие от невербальных) не только *означают* нечто, но и *указывают* на него. («...Non-verbal signs *mean something*, while verbal signs not only *mean* but also *denote*».)

существовали и определенные узловые противоречия, имманентные традиционным верованиям, обуславливавшие, в свою очередь, множественность локальных вариантов последних. В качестве примера подобного противоречия (прослеживаемого в скандинавском язычестве) можно указать на постоянные колебания языческого мифа и обряда между стремлением удалить умершего в загробный мир с одной стороны и, с другой стороны, стремлением оставить его близ сородичей. Разрешение указанного противоречия нашло свое выражение в многовариантности форм погребального обряда в Северной Европе эпохи раннего средневековья [Петрухин 1975a:54].

И, наконец, в-третьих, следует рассмотреть правомерность понятия «славянский пантеон языческих богов». Языческий пантеон, созданный в результате реформы князя Владимира Святославича в 980 г. уже не раз противопоставлялся исследователями восточнославянскому язычеству [см. - Аничков 1914:345; Страхов 1985:80]. Очевидно, что в 980 г. Владимиром Святославичем была предпринята попытка выработать общегосударственную языческую идеологию, которая зачастую оказывалась чуждой тем или иным локальным вариантам традиционных культов. «Нам известны,-справедливо заметил А.Б.Страхов [1985:80], - практически, их (богов пантеона 980 г. - Н.П.) имена, но не культы». Таким образом, следует иметь в виду, что господствующим ныне представлениям о существовании у восточных славян некоей языческой **религии** мы во многом обязаны реформе князя Владимира Святославича; конкретные же «составляющие» рассматриваемого комплекса верований оказываются относительно едиными лишь в своих узколокальных вариантах (см. выше [см. Также-Котляревский 1868:10; Гальковский 1916:5, 121, 131]). Надо полагать, что разнообразие конкретных проявлений внутренней структуры сопок и является отражением подобного характера языческих верований (в том числе - представлений о загробном мире) населения возводившего данные сооружения.

1.5. Сопки: словене (ильменские) и «культура сопок»

В современной отечественной литературе чрезвычайно устойчивым является представление о соответствии археологической культуры сопок группе населения, зафиксированной древнерусской летописной традицией термином **словене** (ильменские): «Культура сопок характеризует летописную группировку словен новгородских» [Носов 1988a:35; см. также - Башенькин 1995:29; Седов 1982:64; ср.-Конецкий 1994б:3-9]. Думается, однако, что подобное отождествление несет в себе целый ряд **методических** ошибок [см. подробнее - Петров, Плохов 1993:60-63; см. также - Panchenko, Petrov, Selin 1994:96-97]⁴⁷. Можно полностью согласиться с М.В.Аниковичем [1989:116; см. также - Клейн 1991:148, 188-189], полагающим, что «возможность сведения АК⁴⁸ к этносу появилась бы лишь в том случае, если бы удалось выявить в сфере культурных явлений, с которыми работают археологи, такие признаки, которые соответствуют **только** этносам, или же обнаружить в ряду культурных явлений такие закономерности, которые опять-таки исполняют **исключительно** этнические функции, и доказать возможность их обнаружения археологическими методами. В действительности ни того, ни другого сделать не удалось».

⁴⁷ Следует особо подчеркнуть, что излагаемые ниже соображения о характере отражения этнических общностей в археологических материалах обусловлены в первую очередь характером источников (как письменных, так и археологических) относящихся к **раннесредневековому Северо-Западу**.

⁴⁸ АК (в приводимых цитатах) — археологическая культура.

Существует ли возможность пространственно-временной локализации этнических коллективов в археологических материалах без выделения в последних этнических признаков? Видимо, да. Но при этом следует сразу оговориться - подобную локализацию можно пытаться проводить лишь в том случае, если она вообще была свойственна данному коллективу. Методика подобного рода исследования может быть охарактеризована следующим образом. Термин письменного источника, обозначающий этническую общность и прошедший критический содержательный анализ, максимально точно «зафиксированный» во времени и пространстве, а также в рамках той или иной этносоциальной иерархии, «налагается» на соответствующий территориально-хронологический «блок» археологических материалов. Особое значение для рассматриваемого круга проблем имеет соответствующая времени и месту существования данного этноса поселенческая структура, выявляемая археологическими исследованиями. Нижний таксономический уровень такой структуры - уровень конкретных поселений, связанных с определенными комплексами погребальных памятников, - является «исходной единицей исследования»; «комплексом памятников», «принадлежащих одному коллективу древних людей и характеризующих различные стороны деятельности этого коллектива...» [Лебедев 1973а:58; см. также - Лебедев 1975:57]. При этом, совокупность поселений (каждое из которых выступает в качестве археологического соответствия общине - некоей исходной социальной микроструктуры-универсалии) может быть рассмотрена как отражение социальной макроструктуры, в том числе и этноса [Chang 1968:2–3, 7]. Подобный подход может быть истолкован как определенная модификация этнотерриториальной версии выделения археологической культуры [см. - Клейн 1991:145–148]. Необходимо, однако, учитывать возможность различия этносоциально-политического статуса комплексов памятников, составляющих ту или иную совокупность. Ведь в поселенческую структуру одной этнической общности могли «внедряться» центры представителей инородных коллективов.

* * *

Обращаясь к анализу плана содержания летописного термина *словене* (ильменские) [см. - Петров 1994б:9–12; подробное рассмотрение вопроса см. - Петров 1996в], необходимо отметить чрезвычайно ценное, на мой взгляд, заключение Г.А.Хабургаева [1979:220–221], согласно которому чередование **ѣ/Е** (в суффиксе) при использовании термина *словене* в летописных сообщениях о событиях IX–X вв. свидетельствует о том, что подобное использование является лишь неким книжно-литературным приемом; *словене* в данных текстах - отнюдь не **самоназвание** той или иной этнической общности [см. также - Толочко 1992:14–15].

При этом необходимо обратить внимание на следующее любопытное обстоятельство. Начиная с летописного известия о событиях 862 г. и вплоть до рассказа о походе князя Игоря на Константинополь в 944 г. (в сообщениях о походе князя Олега на Киев в 882 г., *установлении даней* Олегом севернорусским группам населения и Новгороду в 882 г., походе Олега на Константинополь в 907 г.) (см. - Лаврентьевская летопись [1962:19–20, 22–24, 29, 45]) *словене* выступают в качестве группы населения, подчиненной военно-административному аппарату княжеской власти и активно участвующей в военно-политических акциях последней [ср. - Петрухин 1995:136–137].

С другой стороны, в последнее время многими исследователями не раз отмечалось противостояние в рассматриваемый период (вторая половина IX – первая половина X вв.) центра княжеской власти в верховьях Волхова (Новгорода (Рюрикова городища)) и местных племенных социально-политических структур, маркированных

на территории будущей Новгородской земли зонами концентрации сопок в верхнем Полужье и среднем Помостье⁴⁹ (рис. 19). Довольно отчетливо прослеживаются и их центры - это комплексы археологических памятников у пос. Любытино на Мсте [Конецкий, Носов 1995:29–54] и д. Подгорье (Передольский погост) на Луге [Платонова 1991:72–77, 85–88, рис. 3–7]. «Места подобной концентрации населения, - полагает В.Я.Конецкий [1992а:130], - уместно сопоставить с "малыми племенами", подобными известным по письменным источникам в массовом количестве на западно-славянских землях».

Показательным представляется отсутствие **единого** центра у отмеченных социально-политических структур. Думается, что подобная ситуация вряд ли бы имела место в случае существования последних в рамках **единого** этносоциального организма (то есть - в случае их связи с летописными *словенами*) [см. также - Конецкий 1995а:33–35].

Здесь следует также остановиться на ловатской зоне концентрации сопок, отличительной особенностью которой является отсутствие ярко выраженного местного центра. (Административный центр средней Ловати, локализуемый для древнерусского времени (XI–XIII вв.) в районе д. Теребыни [Носов 1988б:81], не прослеживается здесь для более раннего периода - IX–X вв. [Конецкий 1988:29; Носов А-1992:243].) Определить механизм взаимоотношений представителей княжеской власти в Приильменьи и населения, связанного с ловатской зоной концентрации сопок чрезвычайно сложно. Очевидно, что после утверждения Олега в Киеве в 882 г. Ловать, как один из участков общегосударственного *Пути из варяг в греки*, начинает активно контролироваться соответствующими социально-политическими структурами [Кузьмин 1992б:118] и, таким образом, потенциальные возможности возникновения в данном регионе центра племенной знати, противостоящего княжескому Новгороду (Рюрикову городищу), пресекаются. Однако, сам по себе характер взаимоотношений последнего с местным населением неясен. Были ли они связаны лишь с ориентацией местного населения на нужды данной коммуникационной артерии или за ними уже стояло его включение в военно-политические акции формирующейся государственной структуры Киевской Руси в целом? Однозначно ответить на этот вопрос не представляется возможным.

Именно против социально-политических образований Помостья и Полужья был направлен поход княгини Ольги в 947 г. [см. например - Конецкий, Носов 1995:52–53; Кузьмин 1992б:118; Платонова 1991:77–78], рассматривающийся Н.И.Платоновой [1984:174] в качестве комплекса мероприятий по установлению системы фиксированных даней на этих территориях, то есть - подчинения последних военно-административному аппарату княжеского Новгорода (Рюрикова городища). В качестве поселенческой структуры непосредственно подчиненной «ладожско-новгородской Руси»⁵⁰ до 947 г. можно, пожалуй, рассматривать лишь (во всяком случае - в первую очередь) сельские поселения ильменского Поозерья и верховьев Волхова. **Непосредственное** подчинение Поозерья и верхнего Поволховья княжеской власти прекрасно иллюстрируется чрезвычайной малочисленностью в этом регионе сопок - сакрально-погребальных сооружений, связанных с представителями социальной верхушки возводивших их коллективов [Конецкий 1989а:141–144].

⁴⁹ На особый характер зоны концентрации сопок в северном Поволховье (отличающий ее от скоплений подобных памятников в данных регионах) справедливо указал С.Л.Кузьмин [1992б:117–118; см. также — Конецкий 1995а:36–37].

⁵⁰ Данный термин Д.А.Мачинского [1982:21] удачно отражает территориальную «приуроченность» военно-административного аппарата княжеской власти на Северо-Западе.

Таким образом, летописный термин *словене* (в рамках хронологического интервала 862–947 гг.) может быть соотнесен лишь с отмеченным выше микрорегионом, что полностью соответствует **изначальной** привязке *словен* древнерусской летописной традицией к побережью оз. Ильмень: «Словене же седоша около озера Илмера и прозвашася своимъ именемъ...» (цитируется по Ипатьевской летописи [1962:5]; см. также - Лаврентьевская летопись [1962:7]). Связь же с данным термином населения ловатской зоны концентрации сопок остается в значительной степени проблематичной.

Высказанные выше соображения относительно этносоциального статуса группы населения, скрывающейся за летописным термином *словене* (ильменские), вне всякого сомнения чрезвычайно гипотетичны. Однако, одно представляется очевидным - так или иначе этносоциальная общность *словене* и традиция возведения сопок соотносятся с различными «срезами» культурно-исторических процессов, протекавших на территории раннесредневекового Северо-Запада, и, следовательно, не сопоставимы друг с другом.

* * *

Итак, непосредственное, прямолинейное использование совокупности древностей, определяемой в современной литературе как «культура сопок» (рис. 20.1), в этноисторических исследованиях следует признать неправомерным. Может быть «культуру сопок» можно рассматривать в качестве результата реконструкции некоего комплекса культурных традиций?

«...Категория археологическая культура, - отметил Г.Е.Арешян, - зиждется на представлении о совокупностях неодушевленных адинамичных предметов». В реальности же культурный процесс предстает перед нами как процесс прежде всего динамический [Арешян 1978:36]. Действительно, в большинстве случаев археологическая культура являет собой территориально-хронологический «блок» различных (не обязательно культурных!) типов артефактов. Проблема отражения подобным «блоком» реального функционирования различных культурных традиций исследователями археологической конкретики, как правило, не рассматривается. Таким образом, в исследовательской практике археологическая культура выступает, в первую очередь, как «служебное понятие, ...**сумма** (выделено мною - Н.П.) данных, которыми мы оперируем» [Микляев 1970:299].

Здесь необходимо сделать небольшое отступление и коснуться обстоятельств появления в раннесредневековой археологии Северо-Запада термина «археологическая культура». Начало активного использования последнего в литературе относится к концу 1970-х гг. Судя по всему, впервые термины «культура сопок» и «культура длинных курганов» прозвучали в работах Г.С.Лебедева [1978б:46], не видевшего оснований для резкого разграничения данных групп древностей, восходящих, по его мнению, к «предкурганной культуре». Первоначальным же толчком к выделению археологических культур в раннесредневековых древностях Северо-Запада послужило, надо полагать, использование Е.А.Шмидтом [1968:224–229] термина «смоленские длинные курганы» для обозначения локального варианта «культуры длинных курганов» в верхнем Поднепровье. Г.С.Лебедев же под «культурой длинных курганов» подразумевал, прежде всего, ее «псковско-новгородскую группу» [Булкин, Дубов, Лебедев 1978:63]. Лишь впоследствии Е.Н.Носовым [1981а:43–56, 1988а:25–38] «культура сопок» и «культура псковско-новгородских длинных курганов» были охарактеризованы как разнородные группы древностей и противопоставлены друг другу. При этом круглые курганы с погребениями-трупопожжениями и длинные курганы второй половины I тыс. н. э.

рассматривались в рамках единого пласта погребальных традиций [Носов 1982:56]. «Сопка» же у д. Репьи была охарактеризована как «высокая насыпь культуры длинных курганов»; в рамках этой культуры было отмечено существование целого пласта подобных погребальных памятников, не относящихся к собственно сопкам [Носов 1981a:51–52].

В рассматриваемое время (1980-е гг.) подобное разграничение и противопоставление данных археологических культур сыграло чрезвычайно важную роль в изучении культурно-исторических процессов, произошедших на территории Северо-Запада в эпоху раннего средневековья. Была определена хронологическая **последовательность** появления, развития и распространения в рассматриваемом регионе различных **культурных традиций**. (Напомню, что именно в начале 1980-х гг. была выявлена лишь **частичная** синхронность «культуры псковско-новгородских длинных курганов» (VI–X вв.) и «культуры сопок» (VIII–XI вв.) [см. - Носов 1981a:53–56].) Кроме этого, в исследованиях данного круга проблем были «задействованы» материалы раскопок синхронных погребальным памятникам поселений, составлявших к тому времени уже довольно значительную часть источниковой базы [Носов 1977]. При этом, противопоставляя «культуру сопок» «культуре псковско-новгородских длинных курганов» исследователи признавали возможность наличия некоторых параллелей в обеих группах древностей, обусловленных процессом культурной интеграции, приведшим, в конечном итоге, к формированию «древнерусской культуры» [Носов 1981a:55-56; Конечкий 1984в:13–15].

Следует отметить, что именно Е.Н.Носов в 1970-х гг. систематизировал имеющиеся к тому времени материалы, связанные с поселениями, представляющими единые комплексы памятников вместе с расположенными поблизости сопками [Носов 1977; см. также - Носов 1981б:18–24]. Различные ландшафтные условия расположения памятников культуры сопок (холмисто-моренный рельеф) и культуры псковско-новгородских длинных курганов (волнистые озерно-ледниковые равнины, сложенные песком), прослеженные П.М.Долухановым и Е.Н.Носовым [1985:19–23; см. Также-Носов 1988a:27–33; Конечкий 1989б:11–12], дали возможность допустить существование различных систем земледелия, господствовавших у носителей данных культур, - подсечной и пашенной переложной соответственно.

Стихийно возникшие в археологии Северо-Запада 1970-х гг. термины «культура сопок», «культура псковско-новгородских длинных курганов» и т. д. в настоящее время подвергаются значительному пересмотру. Видимо, сказывается длительное использование служебных терминов в качестве понятий, отражающих культурно-исторические реалии. Так, А.Г.Фурасев [1992:106], рассмотрев соотношение древностей «типа Тушемли-Банцеровщины» (ТБ) и «псковских длинных курганов» (ПДК), пришел к выводу: «провести какую-либо границу и территориальную и культурную между древностями ТБ и ПДК... нельзя, так как серьезные отличия между ними отсутствуют. Не существует и строгих научных критериев для различения этих культур». Термин же «культура сопок», полагает В.Я.Конечкий [1992a:125], «является в известной мере условным, поскольку обычай сооружения сопок возник уже после прихода славян на Северо-Запад... Используя термин "культура сопок", мы включаем в это понятие, независимо от наличия высоких насыпей в тех или иных пунктах, памятники всего близкого в культурном отношении славянского населения Приильменья, в данный период принципиально отличающегося от своих иноязычных соседей по хозяйственно-культурному типу, основанному на пашенном земледелии». На данном замечании В.Я.Конечкого следует остановиться подробнее.

То, что традиция сооружения сопок не является определяющим признаком «культуры сопок», представляется очевидным - регион, в котором прослежены основные культурные традиции, связанные с «культурой сопок» (ильменское Поозерье) [см. - Носов 1991:5-6], характеризуется сейчас как «малосопочный» [Конецкий 1992a:132]. Более того - материалы, относящиеся к «культуре сопок», отчетливо фиксируются на поселениях, вблизи которых сопки вообще отсутствуют (рис. 20.2) [см. - Кузьмин 1990a:56]. Проблема, конечно же, не заключается в самом термине - можно ведь подыскать новый или использовать старый, вводя «поправку» на его условность, как это делает В.Я.Конецкий. Дело в другом: определяя археологическую культуру на базе **«упорядоченной»** (выделено мною - Н.П.) совокупности устойчиво (регулярно) взаимосвязанных типов явлений материального мира, данных нам в археологических остатках» [Клейн 1991:154]⁵¹, можем ли мы вообще предполагать существование подобной «упорядоченной совокупности»? Стремление к отражению археологической культурой культурно-исторических реалий предполагает выведение таксона данного уровня классификации на основании определенной группировки **культурных** типов, территориально-хронологические рамки бытования которых соответствуют тем или иным культурным традициям. Следовательно, под «упорядоченной совокупностью» данных типов (выбранных для выделения археологической культуры) надо понимать, прежде всего, их территориально-хронологическую совокупность, их территориально-хронологическое соответствие друг другу. (Именно так, как правило, и понимается археологическая культура в исследовательской практике). Но, где гарантия существования подобного соответствия?

Поставленная проблема прекрасно иллюстрируется результатами исследования древностей «культуры сопок» в долине р. Ловать. До проведения значительных раскопок археологические памятники «культуры сопок» в этом регионе, в связи с отсутствием здесь древностей «культуры псковско-новгородских длинных курганов», рассматривались как некий ее «эталон» [Конецкий, Клубова 1989:12]. Однако, первые крупные раскопки селища в урочище Губинская Лука на Ловати (поселение было исследовано полностью), при котором располагалась одиночная сопка, выявили «практически полное отсутствие» в керамическом комплексе «керамики "ладожского типа"... Подобная керамика составляет значительный процент на сельских и раннегородских памятниках севернее Ильменя и традиционно считается характерной для культуры сопок» (рис. 20.3) [Конецкий 1992b:19]. Отсутствие в материалах других поселений «культуры сопок» (исследовавшихся в других регионах) следов существования данной керамической традиции было отмечено А.В.Плоховым [1992:121; см. также - Клубова 1990:13-14; Клубова 1992a:23-24]. Территориально-хронологическая взаимосвязь керамической традиции «ладожского типа»⁵² и традиции сооружения сопок «распалась».

Еще более яркой иллюстрацией проблемы использования термина «археологическая культура» в культурно-историческом исследовании является постепенная эволюция «определения культурноэтнической принадлежности» О.В.Клубовой, исследованного ею в 1989-1992 гг. комплекса поселений конца

⁵¹ Данное определение археологической культуры рассматривается Л.С.Клейном как «генеральное», синтезирующее различные ее трактовки, с чем, в принципе, можно согласиться.

⁵² По мнению Т.Б.Сениченковой [1995:19-22], термин «керамика ладожского типа» не отражает реально существовавшую керамическую традицию и является «историографическим мифом». Однако, «работоспособность» данного термина была убедительно продемонстрирована в недавней работе А.В.Плохова [1996:23-25].

IX-начала X вв. (городище и селище) в урочище Курская Гора в верховьях р. Луга (рис. 20.4). Подводя итоги первому году раскопок, исследовательница отметила: «Исходя из бытования в Приильменье в рассматриваемый период двух археологических культур - культуры сопок и культуры длинных курганов, следует признать, что данный памятник не может быть однозначно отнесен ни к одной из них, хотя и по времени и по направлению культурных связей его следовало бы скорее всего сопоставить с культурой сопок. Однако, этому сближению противоречит ряд важных моментов. Как твердо установлено в последние годы, хозяйство культуры сопок базировалось прежде всего на пашенном земледелии. Физико-географические условия расположения памятника ... заставляют считать в данном случае роль земледелия минимальной... Следует учитывать также и фактор изоляции для культуры сопок исторически (?!-Н.П.) маловероятный». И далее: «Таким образом, ...он(комплекс поселений - Н.П.) может быть связан либо с группой населения культуры сопок, оказавшейся по каким-то причинам в условиях предельной изоляции, либо с носителями особой третьей культуры...» «Проведенные исследования показывают, что существующие на сегодня схемы не в полной мере охватывают этнокультурные процессы, происходившие в конце I тыс. н. э. на Северо-Западе», - заключила О.В.Клубова [1990:14–15]. Год спустя трактовка данного комплекса памятников несколько изменилась: «После исследования городища в прошлом году нами был поставлен вопрос об отнесении этого памятника либо к культуре сопок, либо к особой третьей культуре, вырастающей на баз местны финно-угорских древностей. Последнее предположение сновывалось на фактах изолированности памятника, необычной топографии, отсутствию в составе керамического комплекса керамики ладожского типа, составляющей Приильмен замет компон на памятниках культуры сопок... Раскопки этого года позволяют уточнить характеристику памятника. Выясняется, что керамический комплекс селища и городища в целом не противоречит типам керамики, встречающейся на славянских памятниках конца I тыс. н. э. в Приильменье. Кроме этого, появились факты, что керамика ладожского типа не является непременным компонентом культуры сопок. Наглядный пример - материалы селища Губинская Лука... (! - Н.П.)». Отметив наличие в вещевом комплексе селища трехслойных ножей, связываемых с традициями металлообработки «культуры сопок», а также существование традиции сооружения сопок в данном регионе (в непосредственной близости от комплекса поселений в урочище Курская Гора погребальные памятники не выявлены), О.В.Клубова [1992а:24–25] признала, что «этот памятник вполне можно отнести к культуре сопок»⁵³.

Я так подробно излагаю здесь ход рассуждений О.В.Клубовой в связи с тем, что они наглядно демонстрируют те трудности, с которыми в последнее время столкнулись исследователи, рассматривающие культурные традиции раннесредневекового Северо-Запада исходя из признания сосуществования двух археологических культур - «культуры сопок» и «культуры псковских длинных курганов». Трудности оказались настолько серьезными, что сравнительно недавно Е.Н.Носов и А.В.Плохов [1991:131] предложили «выйти за рамки объяснения основных явлений истории взаимодействием лишь двух археологических культур... Следует не только более четко определить пути их сложения и облик на разных хронологических стадиях и в разных районах, но и допустить существование "третьих и четвертых" типов памятников».

⁵³ Любопытно отметить, что в последующих работах, посвященных комплексу поселений в урочище Курская Гора, О.В.Клубова [1992б:24–27; 1992в:5–8] вообще не оговаривала его принадлежность к той или иной археологической культуре.

Но не следует ли поставить вопрос иначе: а так ли уж необходимо использование категории «археологическая культура» («тип памятников» и т. п.) в реконструкции культурно-исторических процессов на территории раннесредневекового Северо-Запада? Насколько оправдано стремление «любой ценой» выделить ту или иную археологическую культуру? Не придется ли мы по пути выделения «третьих и четвертых» типов памятников (археологических культур) к признанию уникальности сочетания различных культурных традиций в каждом конкретном комплексе памятников?⁵⁴ Не окажутся ли выделенные ранее археологические культуры, в таком случае, лишь некими «понятийными инструментами», утратившими свою актуальность вместе с изменением методики исследования [см. - Daniel 1950:246, 319]? При этом, важно отметить обусловленность работы исследователя на том или ином уровне классификации археологического материала конкретными целями исследования. «...В разных исследованиях разные таксономические уровни имеют разную важность» [Колпаков 1991:43]. В таком случае, поставленные выше вопросы становятся еще более актуальными.

Думается, что реконструкция «сети» культурных традиций на уровне выявления культурных типов и территориально-хронологических рамок их бытования (без выхода на уровень археологической культуры!) будет наиболее адекватно отражать культурно-исторически реалии [см. - Петров, Плохов 1993:63–69]. Попытки же «зажима» нескольких культурных типов в пределах определенной археологической культуры лишь затруднит исследование **динамики** функционирования различных традиций некогда «живых» культур. Выделение же археологической культуры на основе **одной** традиции, не коррелирующей во времени и пространстве с другими, попросту не имеет смысла - термин «археологическая культура» выступает, в таком случае, лишь в качестве заменителя понятия «культурная традиция». Именно так выглядит отмеченное выше уточнение В.Я.Конецким значения термина «культура сопок», который просто приравнивается исследователем к понятию «традиция пашенного земледелия»⁵⁵.

Чрезвычайно близко к подобному пониманию реконструкции сложной и многогранной «сети» культурных традиций стоял Г.С.Лебедев [1975:57–58], предложивший группировать артефакты в рамках каждого конкретного «комплекта памятников» во «взаимосвязанные подразделения», «ансамбли». Выявление динамики соотношения различных «ансамблей» (набора украшений, керамического комплекса и т. д.) в рамках определенного комплекта дает возможность выхода на изучение динамики культурных процессов в целом. Здесь следовало бы остановиться - каково будет соотношение различных «ансамблей» той или иной совокупности комплектов

⁵⁴ Так, Б.С.Короткевич и А.Н.Мазуркевич [1992:63–80], охарактеризовав пять вариантов днепро-двинской культуры, отметили: «...Самым перспективным для дальнейших исследований является путь еще большего дробления этой огромной и далеко не однородной культуры на варианты, регионы, группы, микрорегионы». При этом, «практически единственной чертой, отличающей ее от других городищенских культур, считается неорнаментированная, гладкостенная керамика баночных форм».

⁵⁵ В связи с этим следует также отметить выделяемую исследователями территориальную (!) корреляцию традиции сооружения сопок и погребальных традиций «культуры псковско-новгородских длинных курганов» с, соответственно, традициями пашенного переложного и подсечного земледелия [Конецкий 1984в:12–13; Носов 1988а:27–32]. Но ведь данная корреляция фиксируется лишь **в пределах ареала** распространения указанных погребальных традиций! Кроме этого в конкретно-исторических условиях она оказывается чрезвычайно непременной: «...Население культуры сопок, — отметил Е.Н.Носов [1988а:32–33], — безусловно было знакомо и с подсечным, и с пашенным земледелием и могло варьировать этими системами в зависимости от обстоятельств...»

памятников должны были бы выявить исследования археологической **конкретики**. Но, Г.С.Лебедев сделал еще один «шаг»: «Археологическая культура, - отметил он, - может быть описана как территориально-хронологическая система комплектов памятников, оставленных коллективами, ...составляющими историческую общность». И далее: «Условием существования АК как системы является ее устойчивость... и целостность (взаимосвязь и взаимообусловленность) ансамблей». Но всегда ли различные культурные традиции будут представлять собой «территориально-хронологическую систему», характеризуемую устойчивостью и целостностью? Этот вопрос Г.С.Лебедевым не рассматривается. Устойчивость системы «ансамблей» (археологической культуры) предполагается сама собой разумеющейся. А так ли это на самом деле?

«...В разных видах археологических источников..., как и в разных сторонах одного вида источников..., отражаются, - отметил М.В.Аникович [1989:121–122], - в сущности, разные виды традиций. Уже в силу этого изменения в них могли протекать с разной скоростью и в разных направлениях, разные традиции по-разному распространялись и воспринимались...» Но, в таком случае, так ли уж необходима сама по себе категория «археологическая культура»? Представление о существовании сложной многомерной «сети» культурных традиций оказывается гораздо более близким культурно-историческим реалиям, несмотря на то, что оно может оказаться и не столь «удобным» при «сортировке» археологических материалов. При этом «служебное» использование термина «археологическая культура» в изучении культурных процессов, произошедших на территории раннесредневекового Северо-Запада, представляется вполне допустимым. Так, вместо того, чтобы говорить о «наборе женских украшений, распространенном среди населения верхнего Поднепровья в последней трети I тыс. н. э. и представленном такими-то и такими-то конкретными типами», проще сказать «набор женских украшений "культуры смоленских длинных курганов"», вызвав тем самым желаемые ассоциации у слушателя (читателя).

Наконец, может возникнуть вопрос: ну, а если определенная территориально-хронологическая корреляция нескольких культурных традиций все-таки выявлена? Не соотнес ли данный «блок» традиций с археологической культурой? Однако, неправомочность представлений о существовании одной единственной (верной) типологии отмечалась уже не раз [Колпаков 1991:21, Клейн 1991:86, 106]. Та или иная культурная традиция обладает определенной спецификой не только сама по себе, но и в зависимости от той конкретной историко-культурной ситуации, в условиях которой она функционирует. В предполагаемом случае мы будем иметь дело лишь с **одним из возможных** срезов «сети» культурных традиций и отдавать предпочтение именно ему было бы неправомочно. Кроме этого, не следует забывать, что, как правило, исследователь может (если может!) выявить лишь те культурные традиции, в которых заложена потенциальная возможность археологизации, обусловленная, в свою очередь, возможностью их предметного воплощения. Но ведь, очевидно, что в рассматриваемой «сети» функционировали и традиции, лишённые такой возможности (например, обрядовые фольклорные тексты). Введение же категории «археологическая культура» в исследовательский процесс реконструкции данной «сети» в конечном счете «выносит за скобки» последней подобные традиции, что делает весьма проблематичным адекватное отражение такой реконструкцией культурных реалий.

* * *

Следует признать, что археологизированное погребальное сооружение отражает собой (и то - частично) лишь «предметный план» «акта обряда»,

сопоставляемый в логико-синтаксическом уровне языка с объектным и инструментальным дополнением [см. - Седакова 1983:3–4]. Фрагментарность же отражения обряда в данном случае представляется очевидной - совершение захоронения и возведение того или иного погребального сооружения связанного с последним является важным, но далеко не единственным этапом ритуала похорон, включающим в себя кроме этого вынос покойника из дома, поминки и т. д. Каким образом в археологическом материале следует выделять тот или иной культурный тип (типы) **погребальных** сооружений, являющийся предметным воплощением определенной погребальной традиции?

В «первом приближении» в качестве основы исследования здесь можно принять «системную стратегию» Л.С.Клейна [1979:69–72; 1991:230–231]: продвижение от культурного контекста к культурным типам («сверху вниз») и обратный («проверочный») «путь» - «снизу вверх». Впрочем, с учетом изложенного выше, в «системную стратегию» следует внести одно важное изменение - выявление культурных типов «сверху вниз» ведется от уровня культурного контекста непосредственно, минуя категорию «археологическая культура»⁵⁶.

«...Несомненно, - справедливо отметил Е.М.Колпаков [1991:21; см. также - Клейн 1991:106], - что они (создатели и пользователи артефактов - Н.П.), как и мы, сравнивали объекты с разных точек зрения. Вопрос о том, существовала ли какая-то одна особая, привилегированная точка зрения, весьма проблематичен. Ведь в зависимости от конкретной жизненной ситуации на первый план выступают разные точки зрения» [ср. - Григорьев 1972:7–9]. Речь, следовательно, должна идти о функционировании некоей «сети» культурных традиций, каждая из которых обладает определенной спецификой не только сама по себе, но и в зависимости от той конкретной историко-культурной ситуации, в условиях которой она функционирует.

В связи с этим чрезвычайно важными представляются два момента. Во-первых, при исследовании (по археологическим материалам) функционирования в культуре определенной традиции в ее предметном воплощении - культурном типе - следует учитывать полифункциональность последнего. Учет различных функций культурного типа (различных «ипостасей» культурной традиции), проведенный либо на основании прямых сведений письменных источников⁵⁷, либо на основании привлекаемых данных о функционировании сходного культурного типа в сходных (с исследуемой) этносоциальных общностях позволяет выйти на уровень реконструкции **динамики** существования культурной традиции в целом.

Во-вторых, очевидна необходимость выявления социального «статуса» той или иной традиции в культуре, ее социальной «приуроченности»⁵⁸. По справедливому

⁵⁶ Стоит обратить внимание на то, что категория «археологическая культура» вводится Л.С.Клейном [1991:120] в концепцию типологии практически без какой-либо аргументации: «...Чем определяется система контекстов? Здесь мы переходим ко второй важнейшей группировке контекстов — по *археологическим культурам*».

⁵⁷ Подобным образом (на основании сведений, содержащихся в «сагах об исландцах» и «Старшей Эдде») Г.С.Лебедевым [1991:286–292] были выделены функции меча в культуре викингов.

⁵⁸ Попутно стоит отметить, что выделение культурных традиций соотносимых с социальными лидерами тех или иных коллективов весьма актуально для реконструкции традиционно-инновационного культурного процесса в целом — ведь именно с этим общественным слоем как правило бывает связана **сознательная** трансформация общепринятых социокультурных норм, стереотипов [см. например — Высоцкий 1990:9; Щепанская 1991:26]. Последние, собственно, и представляют собой культурную традицию [см. — Маркарян 1981:80].

замечанию В.Я.Петрухина [1975б:4–5] «тенденция к **упорядочению** (выделено мною - Н.П.) обрядности связана с формирующим влиянием социальной структуры на погребальный культ».

Действительно, исходя из представления о погребальном ритуале, как о «специальном преобразовании» необходимом «для того чтобы человек стал мертвым... в **социальном** (выделено мною - Н.П.) плане» [Байбурин 1993:101; см. также - Седакова 1983:4, 10], следует признать, что само по себе «отношение к загробному миру могло быть полубезразличным или просто негативным» и, таким образом, «обстановка погребального обряда свидетельствует прежде всего не о загробной судьбе погребенного, а о его социальном статусе»⁵⁹ [Петрухин 1975б:5].

⁵⁹ Данное обстоятельство вызывает, в свою очередь, необходимость выделения «социологически детерминативных типов ритуала» [см. — Лебедев 1977а:29].

II. Формирование традиции сооружения сопок: VIII-IX вв.⁶⁰

Первоначальное формирование сопок как особого типа погребальных памятников справедливо соотносится в настоящее время многими исследователями с северным Поволховьем, которое, в свою очередь, рассматривается в качестве исходного региона распространения сопочной традиции на Северо-Западе [см. например - Конецкий 1993:22-23; Конецкий 1994а:54-55; Мачинский 1986:25, 28; Мачинский, Мачинская 1988:45-46; Носов 1992:11; см. также - Петров 1992а:110]. Подобная оценка данного региона в целом не вызывает возражений, однако, на мой взгляд, нуждается в ряде существенных уточнений.

II.1. Погребальные древности северного Поволховья VIII-IX вв.: вопросы хронологии

Связь возникновения традиции возведения сопок в северном Поволховье, как правило, аргументируется в литературе наличием здесь подобных курганных сооружений, относящихся к VIII в. За пределами же данного региона исследованные раскопками сопки в основном датируются IX-XI вв. [Конецкий 1994б:5]. Однако, нижняя хронологическая граница существования сопочной традиции требует некоторой корректировки.

К числу сопок северного Поволховья, начало сооружения которых определяется временем не позднее VIII в., В.П.Петренко [1994:88-91; см. также - 1985а:143] безоговорочно отнес только две насыпи: 5-III (южная группа сопок в урочище Сопки) и 14-II (северная группа сопок в урочище Победище). В целом ряде других случаев возможность возведения тех или иных памятников ранее IX в. (то есть - в VIII в.) лишь предполагается в связи с общей датировкой сопок VIII-X (XI) вв. Очевидно, что серьезным основанием для датировки **конкретных** сооружений данное предположение служить не может, так как базируется на материалах, происходящих из указанных выше двух насыпей. Датировка исследованной раскопками сопки предполагаемым периодом существования данной традиции в целом (в связи с отсутствием возможности получить узкую дату) равнозначна отнесению нераскопанной насыпи к этому хронологическому интервалу. Таким образом, в первую очередь следует обратиться к тем материалам, которые служат основанием для определения нижней даты сопок временем ранее IX в.

Насыпь 5-III (так называемая «Олегова могила»⁶¹; раскопки З.Д.-Ходаковского 1820 г.) датируется VIII в. по находке ангона - двушипного черешкового наконечника

⁶⁰ В данной главе предпринята попытка уточнения нижней хронологической границы существования традиции возведения сопок, формирование которой я склонен относить ко времени не ранее начала IX в. Однако, в связи с тем, что в настоящее время в литературе наиболее часто встречается иная датировка возникновения сопок (VIII в.) в названии данной главы (как и в названии монографии) использована именно эта дата. (При рассмотрении указанного вопроса в данной главе анализируются результаты раскопок и тех погребальных памятников, которые несомненно относятся к VIII в.)

⁶¹ В настоящее время название «Олегова могила» соотносится как с рассматриваемой здесь сопкой [Орлов 1955:191-192; Бессарабова 1995:26], так и с расположенной поблизости насыпью 6-II [Чернягин А-1929:4, 5, 7; Назаренко А-1970:7; см. также — Larsson 1994:22]. Однако, как показывает анализ архивных материалов и публикаций, данную соотнесенность не следует напрямую связывать с местной устной традицией — ее **истоки** восходят ко времени не ранее начала XX в. Подробное рассмотрение этого вопроса представлено в статье, находящейся в настоящее время в печати [см. — Панченко, Петров, Селин 1997*].

копья (рис. 21-22). «Учитывая тот факт, что ангон из Полой сопки, судя по описанию, связан с погребением, которое, не являясь стратиграфически самым древним, не относится и к числу поздних захоронений этой насыпи, - отметил В.П.Петренко [1994:89], - дату памятника можно определить так: возникает сооружение не позднее VIII в. и, возможно, функционирует позже, по крайней мере в IX ст.» [см. также - Волковицкий 1995:10-11; Мачинский 1995:64]. Подобная трактовка данной находки вызывает серьезные возражения.

Во-первых, судя по приводимым З.Д.-Ходаковским сведениям о раскопках сопки 5-III, ангон и кальцинированные кости были обнаружены им в **основании** насыпи: «...Выбрали всю середину, и на девятый день едва могли очистить подошву (! - Н.П.). Здесь нашлась стрела (ангон - Н.П.), ... несколько сожженных костей, и часть двойной кости от руки, ...еще кусок железа, похожий на задвижку в замке, и угли...» [Ходаковский 1839:148; см. также - Ходаковский 1844а:371-372]. Таким образом, есть все основания полагать, что встреченные находки и погребение относятся как раз к **начальному** этапу возведения сопки [ср. - Петренко 1994:17, 122]. Точности ради, следует добавить, что сообщения З.Д.-Ходаковского не позволяют считать и предположение о связи ангона с **инвентарем** упоминаемого погребения достаточно аргументированным.

Во-вторых, происходящий из указанных раскопок ангон представляется отнюдь не столь однозначным хронологическим индикатором, как это следует из монографии В.П.Петренко [1994:89]. Дело в том, что наконечники копий, относящиеся к данному типу, находились в употреблении в VIII - начале IX вв. [Артемьев 1991:183-184, 194, рис. 3:1]. По М.Атгазису [Atgazis 1974:157, 171, att. 2; ср. - Urtans 1968:81], рассматриваемый наконечник относится к типу В₂. Как отмечает исследователь, наконечники типа В (в целом) датируются VII - началом IX вв.; временем наиболее широкого их распространения является VIII в. Вариант же В₂, бытовавший «в VIII в. и около 800-го года», «чаще встречается в относительно поздних комплексах».

Таким образом, отнесение рассматриваемой находки **исключительно** к VIII в. нельзя признать правомерным. При этом следует напомнить, что начало IX в. является весьма важным рубежом в истории Ладоги и ее округи: начиная именно с этого времени в Ладоге (и, видимо, в волховско-поозерском регионе в целом) начинает доминировать группа переселенцев из зоны распространения так называемой «культуры смоленских длинных курганов», вполне сопоставимая со славянами (рис. 41) [см. - Петров 1996в:21-36]. Учет этого обстоятельства, как будет показано ниже, оказывается чрезвычайно актуальным и для изучения формирования традиции сооружения сопки.

Насыпь 14-II (раскопки Н.Е.Бранденбурга [1895:137-138, табл. VI.6, 11, 18, 20, VIII.10-11] 1883-1884 гг. и В.П.Петренко 1978 г.⁶²), более известная в литературе как сопка № 140 (по нумерации Н.Е.Бранденбурга [1895:137]; точнее - «курган СХL»), в последнее время неоднократно становилась объектом пристального внимания исследователей (рис. 23-25). Так, сравнительно недавно А.И.Волковицкий [1995:9-12], допустил **возможность** датировки первоначального этапа ее сооружения «досопочным» временем: происходящие из погребения в основании насыпи фрагменты неволинской поясной гарнитуры (имевшей широкое распространение в

⁶² Необходимо отметить, что предельно краткие сведения об исследовании этого памятника в 1978 г. приводятся лишь в публикации [Петренко 1994:126]. В соответствующей отчетной документации никаких сведений о данных раскопках мною не обнаружено — ни в архиве ИА РАН, ни в архиве ИИМК РАН [см. — Петренко А-1978а; Петренко А-1978б; Петренко А-1974а].

верхнем Прикамье в VII-VIII вв.) с учетом аналогичных находок в памятниках юго-западной Финляндии **могут быть** соотнесены с серединой - третьей четвертью VII в.⁶³ «...Отнесение насыпи № 140 к VII в., - отметил А.И.Волковицкий [1995:12], - ставит под вопрос соотнесение по крайней мере ее **нижнего яруса** (выделено мною - Н.П.) с неволинским поясом с сопочной традицией».

Этот вариант датировки возведения первоначального кургана (высотой около 0.7 м) сопки 14-II был поддержан Д.А.Мачинским [1995:62-65], полагающим, что рассматриваемый памятник отражает собой этап освоения северного Поволжья, предшествующий возникновению Ладоги в середине VIII в. и не выявленный пока достаточно отчетливо в ходе археологических исследований поселений данного региона⁶⁴. По мнению исследователя, «именно ко 2 пол. VII в. относится начало скандинавской **колонизации** (здесь и далее выделено мною - Н.П.) Поволжья» и «не позднее рубежа VII-VIII вв.» в северном Поволжье происходит формирование «**нового этносоциального организма**». С другой же стороны, «нет никаких оснований отрывать археологический комплекс, связанный с горизонтом этого погребения (речь идет о первоначальной насыпи в сопке 14-II - Н.П.) от сопочной традиции Поволжья. И земляная "платформа", и ограничивающий ее круг из положенных сплошняком камней, и треугольная каменная вымостка, и обряд как древнейшего погребения, так и следующего по времени и возведенного над ним, роднят ранний горизонт сопки 14-II со знаменитой сопкой у с. Михаила Архангела, с сопкой 4-I в урочище "Сопки", а отчасти и с древнейшими сопками 5-III ("Полая") и 15-II, которые начали создаваться не позднее VIII в.» [Мачинский 1995:64]⁶⁵.

Охарактеризованную гипотезу Д.А.Мачинского следует, на мой взгляд, признать чрезвычайно слабо аргументированной. Напомню, что в ее основе лежит лишь **один из возможных вариантов** датировки **первоначальной** насыпи сопки 14-II. По справедливому замечанию А.И.Волковицкого [1995:11], фрагменты неволинской поясной гарнитуры могли оказаться в северном Поволжье и в результате «обратного» импорта, то есть - в гораздо более позднее время⁶⁶. В пользу возможности соответствия насыпи 14-II более позднему (чем VIII в.) хронологическому интервалу косвенным образом свидетельствует само по себе расположение данного памятника

⁶³ «Время бытования этих (неволинских — Н.П.) поясов в Финляндии, — отметил Д.Л.Яблоник [1990:59] не выходит за пределы самого начала VIII в., а принимая во внимание тенденцию к удревнению хронологии вендельского периода, весьма вероятно и более ранняя дата» [см. также — Мачинский 1988:48; Богуславский, Мачинская 1993:120; Петренко 1994:88; Седов 1970:27].

⁶⁴ Вполне очевидным (хотя и недостаточно отчетливо зафиксированным в ходе археологических исследований) соответствием хронологическому интервалу третьей четверти I тыс. н. э. в поселенческих древностях данного региона являются никак не связанные ни со скандинавской колонизацией, ни с какой-либо курганной погребальной традицией селища эпохи раннего железного века — «почти во всех случаях средневековые отложения (поселений рассматриваемого региона — Н.П.) перекрывали слои с текстильной и штрихованной керамикой»; вполне допустимой верхней хронологической границей существования данной группы древностей (с учетом целого ряда находок) оказывается VI и, возможно, VII вв. [Петренко 1984:88-90].

⁶⁵ Датировка насыпи 5-III рассмотрена в данном разделе выше. Отнесение же без каких-либо комментариев сопки 15-II к числу «древнейших» (начало возведения которых связано со временем не позднее VIII в.) вызывает недоумение — по справедливому замечанию В.П.Петренко [1994:88], «вещи, принадлежащие сожжениям (в данной сопке — Н.П.), датируются весьма широко — VIII-X вв.»

⁶⁶ Попутно следует отметить отсутствие на сегодняшний день корректной периодизации раннесредневековых древностей верхнего Прикамья [см. например — Волковицкий 1995:10].

в составе северной группы сопкок урочища Победище⁶⁷ - лишь указанная группа в силу своего топографического положения в первую очередь может рассматриваться как сопочный некрополь самой Ладоги IX-X вв., а не какого-либо сельского поселения ее округа [см. - Петров 1994г:33]. С учетом же династийного характера сопкок как погребальных сооружений [см. - Белецкий 1995а:38; Белецкий 1996:30] и соответствующей взаимосвязи подобных насыпей, составляющих одну группу, предположение о возведении насыпи 14-II в «эпоху сопкок» выглядит вполне правомерным. Здесь, однако, необходимо оговорить одно важное обстоятельство.

Дело в том, что погребальный памятник, связанный с этносоциальной общностью проживавшей на центральном поселении данного региона в хронологический интервал 760-810 гг.⁶⁸, выступает достаточно отчетливо [Кузьмин 1995б:13; см. также - Петров, Фурасев 1995:48-49, рис. 1] - это грунтовый⁶⁹ могильник с погребениями по обряду трупосожжения, располагавшийся в 250 м к югу от Земляного и городища и исследованный в 1938, 1948 гг. С.Н.Орловым [1941:116-138, рис. 1-2, 4-8, табл. 3; 1960:251-253, рис. 1-3] (рис. 26). Основания для предположения о существовании каких-либо других погребальных памятников, образовывавших бы вместе с указанным поселением в рассматриваемый период единый комплект, отсутствуют⁷⁰. Таким образом, сопоставимые с поселением на месте Земляного городища прочие погребальные памятники (в данном случае - сопка 14-II) скорее всего должны быть связаны со временем (условно!) после 810 г.

Среди встреченных в верхней части сооружения 14-II «разбросанных сожженных человеческих костей» был найден бронзовый бубенчик (рис. 25-4). Чрезвычайно показательны аналогии данной находке (единственной в указанном погребении), обнаруживаемые в материалах раскопок памятников культуры смоленских длинных курганов [см. - Шмидт 1970:231; Шмидт 1982:47-48, рис. 10.7]. С другой стороны, в древностях салтово-маяцкой культуры ей соответствуют бубенчики типа 1 по С.А.Плетневой [1989:107, 109, рис. 57] - бронзовые «литые бубенчики с рифленным продольными полосами-насечкой или же граненым туловом». (Как указывает исследовательница [Плетнева 1989:107], «большие бубенчики были принадлежностью конской сбруи (в отличие от незначительных по своим размерам, являвшихся обычными пуговицами - Н.П.)»). Следует признать, что в обоих случаях отмеченные аналогии не дают возможностей для **однозначной** датировки бубенчика

⁶⁷ Соседняя с рассматриваемой насыпью сопка 14-I отнесена В.П.Петренко [1994:88] к IX-X вв.

⁶⁸ Здесь и далее я пользуюсь стратиграфией Земляного городища, разработанной С.Л.Кузьминым и А.Д.Мачинской [Кузьмин А-1988:22-31, табл. 1; Мачинский, Кузьмин, Мачинская 1986:164-166; Кузьмин, Мачинская 1989а:29-30; Кузьмин, Мачинская 1989б:142-144; см. также — Кузьмин, Петров 1990:61-62; Петров 1990:90-95]. Соотношение данной стратиграфии с другими вариантами «ярусологии» Земляного городища представлено на рис. 27.

⁶⁹ По справедливому допущению С.Л.Кузьмина [1995б:13], данный могильник мог содержать и курганные насыпи, впоследствии сnivelированные.

⁷⁰ Сложнее обстоит дело с поиском погребального памятника, соответствующего I строительному ярусу (750-760 гг.) поселения на месте Земляного городища, соотносимому со скандинавскими переселенцами. «Погребальным памятником этого времени, — отметил в 1988 г. С.Л.Кузьмин [А-1988:81], — можно считать насыпь № 140 по Н.Е.Бранденбургу». Основанием этого утверждения для С.Л.Кузьмина послужил ряд соображений о датировке фрагментов неволинской поясной гарнитуры из погребения в основании насыпи. Однако, как видно из изложенного выше, подобная оценка данного сооружения оказывается весьма спорной, хотя и может быть признана в принципе допустимой. (Стоит обратить внимание на чрезвычайную кратковременность существования данного поселка.)

из насыпи 14-II временем позднее рубежа VIII-IX вв. [см. - Плетнева 1989:109, 171, рис. 57, табл 23; Шмидт 1982:49; см. также - Седов 1970:27]. Однако, общий культурно-исторический контекст северного Поволжья этого (VIII-IX вв.) времени определенным образом свидетельствует, на мой взгляд, в пользу последней. Дело в том, что появление **полного** набора вещевого комплекса, связанного с культурой смоленских длинных курганов, соотносится в данном регионе с 810 - концом 830-х гг. [Кузьмин 1995б:14, Петров 1996в:21-36]. С другой стороны, весьма важным в рассматриваемом случае представляется и то, что с этим же хронологическим интервалом связано начало **постоянного** функционирования Волхова в качестве отрезка балтийско-волжского пути. Как убедительно показали В.А.Булкин и Д.А.Мачинский [1986:17], «Дон являлся путем, объединявшим возможности дальнейшего движения "в греки" и "в арабы"». Таким образом, не следует исключать возможности попадания рассматриваемой находки в северное Поволжье непосредственно из ареала распространения памятников салтово-маяцкой культуры. (Е.А.Шмидт [1970:228, 231] указывает на достаточно редкую встречаемость «бронзовых колокольчиков» в погребальных памятниках культуры смоленских длинных курганов; с другой же стороны, весьма важной в рассматриваемом отношении представляется допускаемая исследователем связь происхождения некоторых типов бус, относящихся к данной группе древностей, с юго-восточной Европой, в том числе - с ареалом памятников салтово-маяцкой культуры.)

Подводя итог высказанным выше наблюдениям, следует признать: однозначные аргументы в пользу датировки начала возведения сопки 14-II в VII или VIII вв. отсутствуют. Целый же ряд косвенных аргументов свидетельствует о соотносении этого памятника с несколько более поздним временем (не ранее начала IX в.). К числу подобных аргументов следует отнести и подчеркнутую Д.А.Мачинским [1995:64] чрезвычайную схожесть элементов конструкции первоначального кургана сопки 14-II и иных подобных памятников северного Поволжья, время сооружения которых (во многих случаях) вне всякого сомнения соотносится с IX-X вв. Во всяком случае рассмотренный памятник не может являться основанием для отнесения начала формирования традиции возведения сопок к более раннему (чем IX в.) времени [ср. - Кузьмин 1997:111-112].

* * *

В связи с рассматриваемым кругом вопросов, следует остановиться на отнесенной автором раскопок ко времени ранее рубежа VIII-IX вв.⁷¹, первоначальной насыпи сопкообразного кургана № 3 высотой 2.2 м (рис. 28), располагавшегося севернее д. Городище на р. Сясь (раскопки О.И.Богуславского [1988:30-32; 1994:87, 90, 92-96, рис. 12-15; см. также - Богуславский, Мачинская 1993:120] 1987-1988 гг.). Элементы ее конструкции, как уже было отмечено О.И.Богуславским [1994:96], с одной стороны, обнаруживают себе аналогии в курганных древностях Молого-Шекснинского междуречья, отражающих особую (непосредственно не связанную с сопками) погребальную традицию [см. - Башенькин, Иванищева 1988:33-34], с другой - указывают на значительные различия между данным памятником и сопками северного Поволжья [Богуславский А-1991:141].

Судя по прослеженному в стратиграфии заплыванию ровика до начала возведения верхнего яруса данного памятника, этапы сооружения кургана разделены значительным промежутком времени. К сожалению, судить о характере «итоговой» погребальной насыпи в данном случае крайне сложно - последняя почти полностью

⁷¹ В одной из публикаций [Богуславский, Мачинская 1993:120] центральное погребение первоначальной насыпи кургана № 3 датировано концом VII - началом VIII вв.

разрушена, а получение «узкой» даты для встреченных в ней находок «невозможно, поскольку нет уверенности в том, что они составляют закрытый комплекс» [Богуславский 1994:96]. Предположительно она может быть датирована второй половиной VIII - IX вв. [Богуславский 1988:31-32]. Если допустить связь верхнего яруса рассматриваемого кургана с традицией возведения сопок⁷², то последний выступает как погребальное сооружение, различные этапы функционирования которого связаны с различными этносоциальными коллективами, существовавшими в рассматриваемом регионе в различные периоды, разделенные между собой значительным хронологическим интервалом. В принципе, подобная ситуация представляется вполне допустимой, но требует при этом, на мой взгляд, некоторых комментариев.

В настоящее время известно, по крайней мере, два достоверных случая, возведения сопок на погребальных насыпях «досопочного» времени. Так, судя по погребальному инвентарю, курганное сооружение, исследованное Г.С.Лебедевым [А-1972-1973:37-39; 1978а] в 1972 г. близ д. Репьи в верхнем Полужье (рис. 29), представляет собой сопку, возведенную на погребальной насыпи культуры псковско-новгородских длинных курганов. Одиночный «сопковидный курган» (рис. 30) у д. Романово в нижнем Повеличье (раскопки С.В.Белецкого 1974-1975 гг.) автор раскопок склонен рассматривать как сооружение (так или иначе связанное с традицией сопок), возведенное на погребальной конструкции сопоставимой с эстонскими каменными могильниками [Белецкий 1986:183-184]. И, наконец, возможно, что к числу подобных же памятников относится курган № 3, располагавшийся севернее д. Городище на р. Сясь.

Думается, что охарактеризованные ситуации следует рассматривать в контексте широко распространенного явления вторичной ритуализации тех или иных артефактов, связанной со сменой населения в определенном регионе или же - с **резкой** сменой всего комплекса культурных традиций. (Определенное соответствие перечисленные памятники находят, таким образом, в зафиксированных раскопками случаях возникновения древнерусских грунтовых могильников с погребениями-ингумациями на местах расположения предварительно уничтоженных сопок.) Объяснение подобных ситуаций следует, видимо, искать в характерном для вторичной ритуализации воспроизведении «первичных» ритуалов, «их структуры, отдельных элементов этой структуры или **отдельных реалий** (выделено мною - Н.П.), персонажей, вербальных компонентов», использующемся «для актуализации стоящей за ними, закрепленной за ними мифологической семантики, необходимой при совершении каких-то магических, охранительных, лечебных или иных действий» [Толстой 1995:183]. Однако, конкретизация этого соображения в отношении приведенных выше археологических материалов весьма затруднена отсутствием необходимой информации - сведений о социальном статусе погребенных в верхних ярусах подобных курганов, данных о поселениях, соответствующих **различным** этапам возведения насыпи и т. д.

* * *

Возвращаясь к вопросу о времени формирования традиции возведения сопок в северном Поволжье, следует отметить очевидную приуроченность сопок данного региона (в целом) в первую очередь к сельским поселениям **округи** Ладоги, формирование которой, следует относить к началу IX в. [Петров 1992в]. С учетом же наличия здесь сопок надежно датированных IX в. [Петренко 1994:87-91] предположение

⁷² Реконструируемая по частично сохранившемуся первоначальному склону насыпи общая высота кургана составляет 3-4 м [Богуславский 1988:31].

о связи возникновения традиции их возведения с процессами освоения северного Поволжья выходцами из верхнего Поднепровья и сложения здесь «словенской» протогосударственной структуры [см. также - Третьяков 1966:284] представляется вполне допустимым. Необходимо, впрочем, отметить, что датировки сопочных сооружений, «зажатые» в пределах 810-х - 830-х гг., отсутствуют. Однако, общий контекст истории Поволжья в IX в. позволяет предполагать (помимо предложенного выше) лишь один вариант связи сложения сопочной традиции с этносоциальными трансформациями. Я имею в виду проникновение в данный регион скандинавов. Но «социологически детерминативным типом» (В_{1,2} - по Г.С.Лебедеву) скандинавского погребального обряда ранней стадии эпохи викингов (IX в.) является трупосожжение на месте в ладье с захоронением останков в урне или на кострище под **невысокой** курганной насыпью, иногда - с каменной оградкой по основанию (рис. 31) [Лебедев А-1972:90-91; Лебедев 1977а:25, 28-29]. Здесь, таким образом, необходимо остановиться на истоках традиции возведения сопок.

II.2. Об истоках сопочной традиции

«Обычай сооружать сопки, - полагал А.А.Спицын [1899б:149], - пришел к нам... из Скандинавии... Там подобные сооружения раскопаны... близ Упсалы». Таким образом, «северные сопки оставлены отчасти самими норманнами», но «главным образом новгородцами, перенявшими у норманнов обычай погребения в сопках...» [Спицын 1899а:309; ср. - Нидерле 1956:216-217]. Однако, А.А.Спицын [1899б:152] указал и на хронологическое несоответствие этих памятников: «...Упсальские курганы, - отметил исследователь, - повидимому, на несколько веков старше новгородских (сопок - Н.П.)». При этом, чрезвычайно важным представляется следующее замечание исследователя: «Курганы типа новгородских сопок появляются у нас не путем постепенного развития, а враз» [Спицын 1899а:309].

Ряд соображений относительно истоков сопочной традиции был высказан В.И.Равдоникасом. В 1924 г. исследователь лишь допускал возможность того, что «волховского типа сопки... действительно норманские...» [Равдоникас 1924:31, 33]. Спустя шесть лет скандинавское происхождение сопок уже представлялось В.И.Равдоникасу наиболее вероятной гипотезой: «...Die normannische Hypothese will mir als die wahrscheinlichste erscheinen...» [Raudonikas 1930:36-37]. Однако, в 1931 г. В.И.Равдоникас отметил полное отсутствие материалов, указывавших бы на скандинавское происхождение сопок: «Ingenting antrdfades, som kunde stüdjä deras rdt sannolika nordiska ursprung» [Raudonikas 1931:364]. Чрезвычайно важным представляется указание В.И.Равдоникаса на недопустимость отнесения к сопкам **всех** высоких курганов в «Советском Союзе»: «Die Frage ist desto mehr verwickelt, weil man die hohen Grabhügel fast ni der ganzen Sowjet-Union in einem Gesamtbegriff Sopki vereinigt hat, was ganz unzulässig ist» [Raudonikas 1930:36].

П.Н.Третьяков видел истоки сопочной традиции в «больших круглых курганах» верхнего Поднепровья, относимых им ко второй половине I тыс. н. э. «В области Верхнего Поднепровья имеется несколько курганов, которые напоминают сопки по форме и величине. Они и расположены подобно сопкам, по одному на отрогах речных берегов». Подобная точка зрения соответствовала высказанному «в порядке предположения» соображению о том, что «наиболее северная группировка летописных славян - словени новгородские - образовалась за счет выходцев из Верхнего Поднепровья...» [Третьяков 1966:284].

В 1968 г. свой взгляд на этническую принадлежность сопок северного Поволжья высказала Н.В.Тухтина [1968:191-192]. Датировав подобные сооружения IX-X вв., исследовательница сочла возможным признать «идентичность шведского

погребального обряда и обряда на Волхове...»⁷³ По сути дела, единственным основанием для данного утверждения явилось следующее наблюдение Н.В.Тухтиной: «Обряд сооружения каменных кладок, которые встречены в волховских сопках, не находит аналогий на нашей территории. В скандинавских же странах, особенно в Швеции, подобные сооружения были широко распространены».

Точка зрения Н.В.Тухтиной вызвала в целом справедливые критические замечания исследователей [см. - Седов 1970:29-30; Петренко 1994:37-38]. В частности, можно полностью согласиться с В.В.Седовым, отметившим, что многие элементы погребального обряда сопочных сооружений (урновые захоронения, встречаемость в захоронениях костей животных, незначительное количество погребального инвентаря), истоки которых, по мнению Н.В.Тухтиной, обнаруживаются исключительно в скандинавских материалах, были широко распространены в разнообразных раннесредневековых погребальных древностях лесной полосы Восточной Европы. Лишь каменные кладки треугольной в плане формы могут быть признаны бесспорным результатом скандинавского влияния [Седов 1970:29-30].

В.В.Седов, отметив отсутствие археологических памятников, «с которыми сопки находились бы в генетической связи, на территории славян первой половины и середины I тысячелетия н. э.», предположил, что «предки словен новгородских, двигаясь в Приильменье (из Польско-Поморского региона - Н.П.), пересекли земли балтских племен, от которых и был позаимствован обычай сооружать курганы» [Седов 1970:33; см. также - Седов 1982:65]. Вклад финно-угорского населения в формирование традиции возведения сопок в разные годы оценивался В.В.Седовым по-разному. Если в 1970 г. исследователь, указав на несущественность сходства каменных конструкций в сопках и в погребальных памятниках «прибалтийско-финских племен», лишь признал наличие в первых «более или менее значительных элементов прибалтийско-финского происхождения» [Седов 1970:31], то в монографии 1982 г. [Седов 1982:62-65] роль аборигенов Северо-Запада эпохи славянского расселения в сложении сопочной традиции (на основании, прежде всего, все тех же каменных сооружений) охарактеризована иначе: «Сопки можно считать памятниками смешанного славяно-финского населения. Словене новгородские... явились наследниками культуры местных финнов, ибо они образовались в результате метисации переселенцев, принесших славянский язык, с финноязычными соседями». Скандинавские же истоки сопок (как типа памятников) отрицались В.В.Седовым [1970:29-30; 1982:62, 64] практически безоговорочно.

Е.Н.Носов [1974:231-235], затронув проблему истоков сопочной традиции, обратил особое внимание на «большие курганы» средней полосы европейской части России, признав, однако, преждевременным любое однозначное решение относительно характера связи данных групп погребальных древностей [см. также - Носов 1982:64].

⁷³ До указанной публикации Н.В.Тухтиной представление о сопках, как о скандинавских погребальных памятниках, было широко распространено прежде всего в зарубежной литературе. (В качестве исключения можно назвать лишь **отдельные** работы А.А.Спицына и В.И.Равдоникаса — см. выше.) Так, Х.Арбман [Arbman 1955:40] полагал, что подобные сооружения («gravarna av Volchovtypen») являются скандинавскими курганами («nordiska gravhagar»). Ад.Стендер-Петерсен [Stender-Petersen 1959:123, 130-131] допускал возможность связи сопок Поволжья («Volkhov-gravhøje») с захоронениями шведских «богачей и вождей» («svenske høvdinge og rigmand»). Впрочем, по справедливому замечанию В.П.Петренко [1994:41], «высокие насыпи Поволжья, если и упоминались (в работах зарубежных исследователей 1920-х - 1950-х гг. [см. также — Arne 1917:54, Tallgren 1928:18-19, Nerman 1929:160] — Н.П.), то, как правило, попутно...»

В конце 1980-х - 1990-х гг. круг вопросов, связанный с истоками сопки, и существующие гипотезы их происхождения были достаточно подробно разобраны в ряде работ В.Я.Конечкого [см. например - 1989а; 1993]. Наиболее убедительной, по мнению исследователя, является рассматриваемая ниже скандинавская «версия» истоков сопочной традиции. В.Я.Конечкий [1993:14, 22-23] видит последние в «королевских курганах» вендельской эпохи в Швеции. Иные же предположения обоснованно были признаны В.Я.Конечким неправомерными.

Последовательно отстаивающие в настоящее время рассматриваемую точку зрения В.Я.Конечкий [1993:14, 22-23] и Д.А.Мачинский [1988:48], признавая наличие значительного хронологического разрыва между вендельскими высокими курганами Швеции VI-VII вв. [см. - Лебедев 1985а:33-35, 37, рис. 7; Хольмквист 1986:147-148] и наиболее ранними сопками Поволжья, не считают данное обстоятельство препятствием для допущения генетической преемственности отмеченных групп погребальных древностей. Так, по мнению В.Я.Конечкого, «наличие возможной лакуны не представляется принципиально важным, если учесть, что верхушка формирующихся раннеклассовых обществ для утверждения своего престижа могла ориентироваться на репрезентативные социально значимые образцы сооружений, заимствованные из цивилизаций прошлого». Д.А.Мачинский объясняет рассматриваемый хронологический разрыв тем, что «все короли рода Инглингов после Адильса (курган 550-575 гг.) погибали по "Хеймскрингле" при обстоятельствах, исключающих возможность захоронения на родине. Таким образом, идея захоронения в большом кургане сохранялась, но не реализовывалась...» Тем не менее, следует отметить, что изложенное в предыдущем разделе позволяет увеличить этот разрыв минимум на половину столетия. С другой стороны, «великие курганы» Упсалы, особенно выделяющиеся среди синхронных погребальных памятников средней Швеции по целому ряду показателей, датируются VI в. [Лебедев 1985а:35; Хольмквист 1986:148].

Сложение нового «социологически детерминативного» погребального обряда в Скандинавии в IX в. (типы В_{1,2}) убедительно было связано Г.С.Лебедевым [1977а:29]⁷⁴ с дружинами викингов. (Здесь же следует упомянуть синхронную деградацию и распад менталитета родового общества на ранней стадии эпохи викингов [Лебедев 1985а:164-165].) Подобные курганы сооружались скандинавами и в северном Поволжье в IX-X в. - я имею в виду курганный могильник в урочище «Плакун» [см. - Назаренко 1985:159-162, 164-168], возникновение которого соотносится с летописным известием о «призвании» варяжских князей в 862 г. [Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986:194-195]. (Возведение поблизости от данного могильника сопкообразной насыпи относится к концу IX - началу X вв. и связано с влиянием традиции сооружения сопки) **Массовое** же бытование традиции возведения высоких погребальных насыпей в Скандинавии эпохи викингов прекращается [Лебедев 1985а:42, 45-47, рис. 12].

Полемизируя с данной точкой зрения на общий характер развития скандинавской погребальной обрядности в рассматриваемый период, К.А.Михайлов [1996:48-49; см. также - 1995а:53-54] указывает на ряд монументальных погребальных североевропейских памятников «Гокстада, Иль де Груа, Ладбю, Лейре, Маммена,

⁷⁴ Типология и периодизация погребальных древностей Скандинавии эпохи викингов разрабатывались Г.С.Лебедевым на материалах средней Швеции. Столь узкие территориальные рамки данного исследования не могут являться поводом для отказа от того или иного сопоставления результатов последнего с памятниками Северо-Запада — элементы североевропейского происхождения здесь связаны именно с этой территорией Скандинавии [Stalsberg 1988:468; Стальсберг 1994:196; см. также — Носов А-1992:173].

Туне, Усеберга, Хедебю, Эллинге...», сооружение которых связывается с эпохой викингов [см. - Myller-Wille 1992:9, 11, abb. 6-7]⁷⁵. Однако, большинство отмеченных памятников не имеет отношения к погребальным традициям **средней Швеции** - региону, в древностях которого в первую очередь следует искать возможные истоки сопок. При этом, К.А.Михайлов [1996:48], характеризуя перечисленные курганы как «одиночные вкрапления» на территории Скандинавии, совершенно справедливо отмечает, что «в Ладоге, как и в других местах распространения сопок, отсутствуют высокие курганы скандинавского типа, которые могли бы повлиять на формирование сопочной традиции».

Таким образом, следует признать, что предположение о северо-европейских (точнее говоря - среднешведских) истоках сопок наталкивается на то же препятствие, что и гипотезы о генетической связи подобных сооружений с восточноевропейскими монументальными курганами [см. - Конецкий 1993:13-14]. Я имею в виду наличие значительного хронологического разрыва между сопоставляемыми группами древностей. Бесспорно, решающую роль здесь мог бы сыграть соответствующий типологический анализ последних. Однако, проведение подобного анализа чрезвычайно затруднено (практически - невозможно) рассмотренным в предыдущих главах многообразием конкретных предметных воплощений традиции возведения сопок [ср. - Arbman 1955:40]. В подобной ситуации признание скандинавского происхождения сопок видится неправомерным и является скорее данью общим представлениям исследователей о характере взаимодействия культурных традиций населения Северо-Запада Восточной Европы и Скандинавии, чем прослеживаемым в археологических материалах реальным положением вещей. Остается, например, неясным, почему именно вендельские курганы Швеции (а не, скажем, высокие погребальные насыпи Молого-Шекснинского междуречья) оказались, по словам В.Я.Конецкого [1993:22], «социально значимым образцом» для возводивших сопки коллективов.

Попутно хотелось бы отметить весьма перспективное, на мой взгляд, предположение П.Н.Третьякова [1966:284; см. также - Носов 1974:231-233] о возможной связи сопок с высокими курганами верхнего Поднепровья, в значительной степени соответствующее сравнительному анализу поселенческих древностей данных регионов. К сожалению, конкретизация этого наблюдения П.Н.Третьякова до сих пор представляется весьма затруднительной, в связи с чрезвычайно слабой изученностью указанных памятников [см. также - Еремеев 1994:152-154, рис. 1].

Необходимо подчеркнуть: изложенное выше ни в коем случае не является основанием для отрицания возможности тех или иных скандинавских влияний **частного** характера на сопочную традицию. Именно таким образом следует расценивать, например, зафиксированное в сопках северного Поволжья размещение накрытой плитой погребальной урны в нише каменной стенки (сопки 14-II⁷⁶),

⁷⁵ Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность К.А.Михайлову за ряд консультаций по данному вопросу.

⁷⁶ Каменную конструкцию на вершине первоначального кургана в насыпи 14-II автор раскопок [Бранденбург 1895:137] описывает следующим образом: «...Род короткой стенки, около 1 арш. выше, расположенной с З. на В. и сложенной из ряда валунов в два и три яруса; среди камней, ее составлявших, было устроено небольшое помещение, отгороженное с одной стороны вертикально поставленной плитой, и в нем был поставлен небольшой глиняный горшок, также накрытый плитой. Внутри последнего оказался другой маленький горшочек, наполненный сожженными костями ребенка...» В.П.Петренко [1994:126] почему-то полагает, что речь здесь идет о каменном «ящике». Однако, насколько можно судить по приведенному

а также - подтреугольные каменные вымостки в насыпи (сопки 4-I, 14-II). Оба отмеченных элемента монументальных сооружений данного региона обнаруживают себе ближайшие аналогии в погребальных древностях средней Швеции вендельского времени и эпохи викингов [Тухтина 1968:188-193; Седов 1970:18; см. также - Лебедев 1985а:72-73, 77-79, рис. 13-18, табл. 3; Strömberg 1961:68].

Возвращаясь к вопросу об истоках традиции возведения сопок хотелось бы обратить внимание на справедливое замечание Е.Н.Носова [1982:64; см. Также - 1992:11]: «Сопки, как своеобразный тип погребального памятника, сформировались непосредственно на территории Новгородской земли... И в иных областях мы не знаем памятников, с которыми сопки находились бы в генетической связи». Думается, что представление о необходимости погребения социального лидера в высоком кургане являлось в значительной степени универсальным, архетипическим и вполне могло формироваться в варварских обществах без каких-либо импульсов извне. Отсутствие погребальных древностей сопоставимых с сопками в качестве их непосредственных предшественников заставляет признать наиболее вероятным самостоятельное происхождение сопочной традиции, в той или иной степени вобравшей в себя различные элементы синхронной погребальной обрядности населения Северной и лесной зоны Восточной Европы. Следует особо подчеркнуть возможность «проникновения» данных элементов в традицию возведения сопок на всем протяжении ее существования. Весьма перспективным в этом отношении выглядит предпринятое недавно С.В.Бельским и А.И.Волковицким [1996:29-30] сопоставление сопок северного Поволжья и курганов юго-восточного Приладожья, позволившее исследователям говорить «и о синхронности сопок и курганов, и о реализации в них общих черт погребального ритуала».

выше описанию, Н.Е.Бранденбург сообщает о размещении урны в нише каменной стенки [см. — Пономарев А-1938:25].

III. Распространение сопок на северо-западе: IX-X вв.

Процесс распространения сопочной традиции в Приильменье и сопредельных регионах по имеющимся на сегодняшний день материалам проследить весьма сложно в связи с чрезвычайно неравномерной (в территориальном отношении) изученностью сопок. Тем не менее в настоящее время представляется допустимым высказать ряд соображений о некоторых сторонах данного процесса.

III.1. Традиция возведения сопок и формирование поселенческих структур

Возможность связи процесса формирования поселенческих структур будущей Новгородской земли в конце I тыс. н. э. с населением Поволховья и ильменского Поозерья представляется вполне вероятной. По мнению В.Я.Конецкого [1994а:55], «свою роль сыграли при этом импульсы ладожского населения, причиной которых были кризисные ситуации в Ладогe» в первой половине IX в. [см. - Мачинский, Мачинская 1988:47]. Стоит добавить, что подобные кризисные ситуации в Ладогe безусловно отражались и на населении всего волховско-поозерского региона, центром которого она являлась. «Одним из исходных очагов новгородской колонизации» считает ильменское Поозерье Г.С.Лебедев [1988:51]. Не следует исключать и возможность некоего социально-политического кризиса, вызванного «призванием» князей в 862 г. [см. - Кирпичников 1988:53; Лебедев 1985а:197; Фроянов 1992:100-101; Петров 1996в:54-57]. Следует признать, что проникновение носителей традиции возведения сопок из Поволховья в сопредельные регионы сыграло решающую роль в ее распространении на Северо-Западе.

Однако, с другой стороны, в демографическом отношении процесс формирования поселенческих структур на Северо-Западе в IX-X вв. безусловно не исчерпывался указанными миграциями - очевидно, что освоение территорий Приильменья в это время было связано и с неоднократным притоком новых групп населения из более южных регионов Восточной Европы [см. - Конецкий 1992а:127]. Таким образом, следует признать возможность сложения ситуаций, при которых возникновение и первоначальный этап функционирования того или иного поселения предшествовал восприятию данным коллективом сопочной традиции.

Высказанное выше предположение может быть подкреплено археологическими материалами, которые, несмотря на их малочисленность, представляются чрезвычайно важными. Речь идет о случаях расположения сопок в пределах зон распространения культурных отложений селищ, **в целом** синхронных «эпохе сопок».

Одиночная сопка у д. Вындин Остров (среднее Поволховье; раскопки Д.Л.Яблоника 1989 г., насыпь 23-I [см. - Петренко 1994:120, 133]) была сооружена на культурном слое мощностью до 0.25 м, содержавшем фрагменты лепной керамики конца I тыс. н. э. (в том числе - фрагменты венчиков лепных сосудов с ребром в верхней части) и существовавшем здесь «до или во время сооружения насыпи» [Яблоник А-1989:2-3, 18, 28, рис. 6, 16]. Важно отметить, что выявленные под культурным слоем «следы древней вспашки», по мнению автора раскопок, относятся ко времени после образования отложений. Об этом свидетельствует однородность последних и отсутствие в них скоплений керамики. Таким образом, распашка данного участка производилась перед возведением сопки и, возможно, входила в комплекс ритуальных действий, совершавшихся с целью соответствующей «подготовки» площадки, предназначенной для сооружения кургана⁷⁷.

⁷⁷ Следы древней распашки были прослежены на материке (под зольно-угольной прослойкой, отделявшей материк от пахотного слоя золистой супеси) при раскопках «каменного круга»

Одинокная сопка у д. Горошково (рис. 32; ильменское Поозерье; разведочные обследования Е.Н.Носова [А-1977а:23-26; А-1977б:21-22; 1991:19-20, 36, рис. 6] 1977 и 1982 гг.) располагается на северо-восточной окраине зоны распространения культурного слоя селища (частично - в пределах последней). Следует отметить, что поселение лишь частично синхронно «эпохе сопок», так как его культурные отложения содержат (помимо фрагментов лепных сосудов конца I тыс. н. э. и древнерусской гончарной керамики) фрагменты лепной посуды I тыс. до н. э. - первой половины I тыс. н. э. Однако, в разведочном шурфе, заложенном также на северо-восточной окраине зоны распространения культурного слоя селища (в 28 м к северу от сопки), Е.Н.Носовым [1991:20] были обнаружены «углубленные в материк основания двух наземных построек IX-X вв. (н. э. - Н.П.)». Следует отметить, что культурные отложения селища в целом (как перепаханный, так и непотревоженный распашкой слой), исследованные в пределах шурфа, содержали 83 фрагмента лепной керамики конца I тыс. н. э., 18 фрагментов древнерусской гончарной керамики и лишь 1 фрагмент лепной керамики эпохи раннего железа (с сетчатым орнаментом) и 1 фрагмент лепной керамики эпохи бронзы (с ямочным орнаментом) [Носов А-1977а:24]. Таким образом, есть все основания предполагать функционирование данного участка поселения в «эпоху сопок» и, следовательно, - возведение сопки на культурном слое, относящемся именно к этому времени.

Гумусированный слой поселения, содержащий фрагменты лепной керамики конца I тыс. н. э., был зафиксирован и в основании сопки № 1 [нумерация насыпей по - Носов, Плохов 1991:117, 138, рис. 1] в группе сопок у д. Золотое Колено (рис. 33-34; среднее Помостье; раскопки П.Г.Любомирова [Любомиров 1913:233-234; см. также - Любомиров А-1908] 1910 г.). Судя по описанию автора раскопок, мощность данного слоя (коричневый и серый слои «нижнего гумуса») составляла « $1\frac{3}{4}$ - $3\frac{1}{3}$ » вершка («» 0.08-0.15 м) и более. «Угольные пятна», прослеженные П.Г.Любомировым в «нижнем гумусе», по всей видимости, маркировали собой материковые ямы.

Кроме этого, как показали исследования Е.Н.Носова [А-1975:11-20, рис. 34-62], сопке № 4 (входящей в состав указанной группы) также предшествовали культурные отложения конца I тыс. н. э., частично использованные при ее сооружении. П.Г.Любомиров [1913:231] отмечал, что данная насыпь «по словам копавших ее... крестьян, сложена из чернозема». Культурный слой около юго-восточной полы сопки перед сооружением насыпи был сдвинут на край оврага [Носов, Плохов 1991:119-120].

Безусловно высказанные наблюдения не являются основанием для признания вторичности распространения сопок по отношению к поселенческим структурам этого времени на Северо-Западе **в целом**, однако, учет возможности подобной ситуации весьма важен для понимания характера их взаимосвязи.

* * *

«Малочисленность сопок, встречающихся часто не более чем по 1-3 насыпи, - отметил в 1941 г. Н.Н.Чернягин [1941:96] представляет наиболее устойчивое и непонятное явление». Подобные же наблюдения делались впоследствии В.В.Седовым [1970:10, табл. 3] и Е.Н.Носовым [1989:14]. По подсчетам Е.Н.Носова, **одна** сопка располагается при поселении в 60 % случаев, от одной до четырех

близ д. Коломо в низовьях р. Шелонь (рис. 35; раскопки В.Я.Конецкого [А-1982а:9-10; А-1982б:10об., рис. 25; 1985:41-42, рис. 2] 1982 г.). Возможно, с подобными же ритуальными действиями связаны сельскохозяйственные инструменты (серп, коса, наконечник пахотного орудия), обнаруженные в заполнении рва (рис. 36), окружавшего сопку около пос. Деревяницы в окрестностях Новгорода (раскопки В.Я.Конецкого [А-1978а:24-26; А-1978б:67, рис. 89] 1978 г.).

насыпей - более чем в 90% случаев; размеры поселений при этом, как правило, небольшие - 30-60 x 120-150 м.

Думается, что для объяснения указанного соотношения с поселениями количества сопочных насыпей в группах особую важность имеют результаты исследования комплекта памятников конца IX - первой половины X вв. в урочище Губинская Лука на Ловати (раскопки В.Я.Конецкого 1989-1991 гг.). Дело в том, что в ходе данных изысканий было **полностью** раскопано селище, функционирование которого было связано с достаточно коротким хронологическим интервалом - выявленные в материке ямы ни разу не перерезали друг друга. Как полагает автор раскопок [Конецкий 1992б:20], период существования поселка составлял «несколько десятков лет». Таким образом, раскопками был зафиксирован как бы единовременный, синхронный «срез» планиграфии поселения. (При исследованиях других подобных поселений получение такого рода результатов невозможно в связи с более длительным периодом их функционирования.) С другой стороны, В.Я.Конецкий [1994в:143] убедительно сопоставил проживавший на данном поселении коллектив с деспотической семейной общиной; погребальным памятником, связанным с лидером (лидерами?) этой общины, и являлась располагавшаяся поблизости **одиночная** сопка. Однако, селище в урочище Губинская Лука представляло собой как бы «элементарный» вариант поселения, связанный с **одной** семейной общиной (**одной** патриархальной семьей). Однако очевидно, что в это время на территории Новгородской земли существовали и поселения, сопоставимые с более сложными социальными структурами, в том числе, возможно, связанные с несколькими семейными общинами. Таковыми, видимо, и следует считать сельские поселения Приильменя, образующие единые комплекты памятников с группами из **нескольких** сопок. Следует подчеркнуть, что высказанное предположение является не более, чем рабочей гипотезой, подтверждение (или опровержение) которой возможно лишь в ходе проведения целенаправленных полевых изысканий.

III.2. О тенденциях развития сопочной традиции

В данном разделе следует рассмотреть вопрос о тех или иных возможных трансформациях традиции возведения сопок в ходе ее развития в IX-X вв. Как и при исследованиях большинства других аспектов «проблемы сопок», речь здесь может идти скорее о постановке вопроса и о фиксации лишь одного из возможных вариантов отмеченного процесса в рамках конкретного микрорегиона, чем о характеристике развития сопочной традиции на всем ареале ее распространения.

Особый интерес в связи с поставленным вопросом вызывает сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладогe, исследованная в 1971-1973 гг. В.А.Назаренко и Е.Н.Носовым⁷⁸ [Петров 1994г:23-36].

Основой для возведения сопковидной насыпи послужил уплощенный, овальный в плане курган, содержащий три погребения IX в. по обряду трупосожжения на стороне. Курган был сооружен по принципу горизонтально-вертикального сочленения нескольких секций, каждой из которых соответствовало одно погребение [см. - Петренко 1985а:143]. Е.Н.Носов справедливо, на мой взгляд, включил первоначальную погребальную насыпь в этносоциально-топографический контекст курганного могильника в урочище Плакун (рис. 37), несмотря на ряд «ярко выраженных индивидуальных черт», отличающих ее от «всех прочих скандинавских курганов Плакуна». Впоследствии на месте первоначального кургана была возведена насыпь высотой около 6 м, в верхней части которой располагалось

⁷⁸ Подробная публикация результатов раскопок предпринята Е.Н.Носовым [1985:147-155].

погребение-труположение на помосте из корабельных досок, сопровождавшееся богатым инвентарем и захоронением двух коней (рис. 38). «Тот факт, что в трех-четырёхметровых слоях насыпи над погребениями о сожжениях №№ 1-3 и ниже труположения на вершине других захоронений не обнаружено, позволяет заключить, - отметил Е.Н.Носов [1985:154], - что вся верхняя половина кургана возведена для последнего погребения». «Безусловно не впускным» считал данное погребение и В.П.Петренко [1985а:135; см. также - Богуславский, Мачинская 1993:120]. Погребенный мужчина-воин, по заключению Е.Н.Носова [1985:154-155], «был одним из скандинавских викингов, пребывавших в Ладогe». Само же погребение было датировано X в. [см. также - Петренко 1985а:146]. Следует отметить, что недавно была предложена более узкая датировка рассматриваемого труположения: 890-е - 920-е гг. [Богуславский, Мачинская 1993:120]. Характеризуя данную сопоквидную насыпь в целом, исследователь отметил: признать ее «типичной сопкой никак нельзя» [Носов 1985:155; см. также - Петров 1992а:112].

Отсутствие непосредственной связи этого погребального сооружения с традицией возведения «классических» сопок в Северном Поволховье действительно представляется очевидным. Однако, важно отметить, что сам по себе процесс («технология») строительства высокой насыпи близ урочища Плакун однозначно соотносится с «технологией» возведения сопок - наращивание высоты погребального сооружения производится за счет периодического насыпания кольцевых или полукольцевых (подковообразных) валиков о последующим заполнением грунтом пространства внутри очередного валика. Подобный процесс возведения сопок не раз фиксировался в ареале их распространения [см. например - Кузьмин 1992а:18-19, 21], в том числе - в северном Поволховье [Петренко 1985а:131-132; Кузьмин 1992в:54]. Наличие аналогичных конструктивных элементов в рассматриваемой сопоквидной насыпи маркировано, прослеживаемыми в разрезах, сегментовидными в сечении прослойками коричневой глины, иногда - с гумусными включениями. Данное обстоятельство (с учетом размеров погребального сооружения) не позволяет выносить, по крайней мере, «технологический» аспект позиции последнего за пределы собственно сопочной традиции. С другой стороны, бесспорной представляется связь погребенных в сопоквидной насыпи с этносоциальной группой населения Ладogi, оставившей курганный могильник в урочище Плакун: речь идет о ладожско-новгородской *руси*. «Противостояние» курганного могильника в урочище Плакун, являвшегося в 860-х - 950-х гг. [Богуславский, Мачинская 1993:120] местом захоронения представителей военно-административного аппарата княжеской власти, и сопок - монументальных погребальных насыпей, связанных с местной племенной верхушкой, - неоднократно отмечалось исследователями [см. Например - Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986:194-195]. Таким образом, в первом приближении можно говорить о некоей «промежуточной» позиции сопоквидной насыпи, занимаемой ею по отношению к погребальным традициям, воплощенным в курганах Плакуна (сходный этносоциальный статус погребенных), с одной стороны, и в сопках северного Поволховья (сходная «технология» возведения) - с другой.

Конкретизация рассматриваемой позиции данного погребального сооружения напрямую связана о чрезвычайно перспективной возможностью сопоставления сопоквидной насыпи и курганного могильника в урочище Плакун с тенденциями развития собственно скандинавских погребальных традиций IX-X вв. Правомерность подобного сопоставления вряд ли может вызывать сомнения. Стоит однако подчеркнуть, что речь здесь может идти лишь о сопоставлении **тенденций** развития погребальных обрядов; региональная историко-культурная специфика северного Поволховья исключает возможность поиска каких-либо однозначных соответствий.

«Социологически детерминативным типом ритуала» в Скандинавии IX в. выступают, по Г.С.Лебедеву, погребения по обряду трупосожжения на месте в ладье, с захоронением останков в урне или на кострище под курганной насыпью (иногда - с каменной оградкой по основанию) с сопровождающим погребальным инвентарем (тип В_{1,2}). По мнению исследователя, подобные захоронения отражают погребальный обряд «новых общественных сил» - дружин викингов [Лебедев 1977а:25, 28-29; Лебедев А-1972:90-91].

Данному типу скандинавских погребений полностью соответствует значительная часть курганов, исследованных в урочище Плакун (рис. 39) [Назаренко 1985:159-162, 164-168]. Помимо чисто типологического и хронологического соответствия, очевидным представляется и соответствие этносоциального «статуса» рассматриваемых погребальных сооружений. Однако, гораздо более любопытным, в рамках подобного сопоставления, является труположение в верхней части сопковидной насыпи.

Типологически данное **погребение** (вне связи с погребальным **сооружением** в целом) безусловно соотносится лишь со скандинавскими погребениями типа F - труположениями в камере со специальным уступом для захоронения верхового коня, часто - с сопровождающим женским погребением, под курганной насыпью, с разнообразным погребальным инвентарем [см. - Михайлов 1995б:65]. Появление подобной традиции в Скандинавии относится к X в. [Лебедев А-1972:190; Лебедев 1977а:25, 28]. На опубликованном Г.С.Лебедевым [1985а:82, рис. 21] схематическом разрезе погребения типа F умерший находится в сидячем положении (рис. 40). В связи с этим необходимо отметить, что, по подсчетам исследователя, известно «примерно равное число достоверных случаев» захоронений в положениях «сидя» и «лежа» среди погребений данного типа [Лебедев А-1972:190]. Однозначное же определение положения захоронения умершего в верхней части сопковидной насыпи близ урочища Плакун в силу чрезвычайно плохой сохранности погребения не представляется возможным.

С другой стороны, совершение данного погребения на помосте из корабельных досок (борт ладьи ?)⁷⁹ связывает его и с иной скандинавской традицией - труположением в ладье в грунтовой могиле, с сопровождающими захоронениями лошадей и собак, инвентарем (тип Bg). Этот тип погребений (рис. 40) также получает распространение в Скандинавии в X в. [Лебедев А-1972:144; Лебедев 1977а:25, 28]. При этом, важно отметить тесную связь, прослеживаемую между данными типами - F и Bg. По мнению Г.С.Лебедева, подобная ситуация в развитии погребальной обрядности X в. связана с тем, что «на основе слияния нового слоя вооруженного населения со старыми "династиями" образуется особая, вероятно господствующая группа». Традиция погребений в камерных могилах (тип F) выступает при этом в качестве «социологически детерминативного типа ритуала» для поздней стадии эпохи викингов (X-XI вв.) и соотносится с королевскими дружинами, формирующимися на основе дружин викингов [Лебедев 1977а:27-29].

Полагаю, что существование некоторых типологических несоответствий труположения в вершине сопковидной насыпи близ урочища Плакун сходным типам погребений в Скандинавии (и прежде всего - отсутствие очевидных следов

⁷⁹ Сам Г.С.Лебедев [1977в:185] предполагал наличие ладьи на вершине рассматриваемой сопковидной насыпи; захоронение же двух коней находилось, по мнению исследователя, у форштевня судна. Неправомерность данного предположения убедительно показал Е.Н.Носов [1985:153-154].

наличия погребальной камеры⁸⁰) непосредственно связано с «включением» данного **погребения** в «контекст» погребального **сооружения**, соотносимого с традицией возведения сопок. Причем последнее, судя по всему, не имеет в рассматриваемый период **полных** (то есть - «погребение + погребальное сооружение») аналогий в Северной Европе.

Иного мнения придерживается К.А.Михайлов [1995а:53-54; 1996:48-49], полагая, что рассматриваемый «престижный погребальный памятник» сопоставим с «одиночными вкраплениями» скандинавских высоких курганов эпохи викингов и не имеет отношения к сопочной традиции. Однако, исследователь никак не объясняет характер связи данных «одиночных вкраплений» между собой. Кроме того, К.А.Михайлов проводит сопоставление указанных древностей на «уровне» **отдельных** признаков, «вырванных» из общего контекста тех или иных **конкретных** сооружений. Так, например, приводимый в качестве аналогии насыпи в урочище Плакун «северный курган» в Еллингге (Дания) в отличие от последней был возведен **над** деревянной камерой, устроенной в небольшом, более раннем кургане [Рёсдаль 1986:136]. Наконец, следует отметить: самого по себе признания связи высокого кургана в урочище Плакун с монументальными скандинавскими погребальными сооружениями эпохи викингов явно недостаточно для **полного** отрицания возможности воздействия (в той или иной степени) традиции возведения сопок.

Таким образом, данная сопковидная насыпь может рассматриваться как отражение процесса синтеза традиции сооружения сопок и, развивающимися в едином ритме со скандинавскими, погребальными традициями ладожской **руси**, получившими свое первоначальное предметное воплощение в курганах Плакуна. В связи с этим, чрезвычайно любопытным представляется размещение труположения на вершине сопковидной насыпи, что, в свою очередь, вызывает отдаленные ассоциации с так называемыми «поверхностными» захоронениями по обряду трупосожжения на стороне в сопках.

Синтезные варианты, подобные охарактеризованному выше, были характерны для самых разных культурных традиций формирующихся в этот период раннегородских центров, каковым безусловно являлась в IX-X вв. Ладога. «"Гибридизация" культуры господствующих слоев общества раскрывается как особая качественная характеристика раннефеодальной культуры» [Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986:237]. Таким образом, выяснение «позиции» сопковидной насыпи близ урочища Плакун в «блоке» погребальных традиций северного Поволжья было бы неполным без обращения к историко-культурной подоснове отмеченного выше синтезного процесса.

Итак, погребение по обряду труположения в вершине сопковидной насыпи маркирует собой начало процесса восприятия на рубеже IX-X (в начале X) вв. представителями военно-административного аппарата княжеской власти в Ладоге (ладожская **русь**) местной (по отношению к последним) погребальной традиции возведения монументальных насыпей. Это предположение выглядит еще более вероятным с учетом того, что в 950-е гг. курганный могильник в урочище Плакун прекращает свое функционирование [Богуславский, Мачинская 1993:120; см. Также - Кирпичников 1985:23]. (В статье А.Н.Кирпичникова, И.В.Дубова и Г.С.Лебедева [1986:194] в качестве верхней хронологической границы функционирования данного

⁸⁰ Основываясь на анализе отчетной документации, К.А.Михайлов [1995б:65] полагает, что данное труположение «находилось в объемной деревянной конструкции со стенками и перекрытием». Подобное предположение представляется вполне допустимым, но отнюдь не бесспорным.

могильника указан 925 г.) Однако, очевидно, что представители отмеченной этносоциальной группы населения, видимо, продолжали пребывать, умирать и хоронить умерших в Ладогe и в более позднее время. В рассматриваемом же случае сам по себе ритуал погребения пока еще продолжает отражать собственно североeвропейские тенденции развития обрядности, однако, «технология» возведения насыпи, местоположение захоронения в ней свидетельствуют о некоем «растворении» погребальной субкультуры ладожской *русси* в сопочной традиции.

В целом, причины отмеченного выше процесса следует, надо полагать, искать в широко распространенных в рассматриваемую эпоху представлениях о некоей социальной престижности высокой погребальной насыпи. Это обстоятельство не раз отмечалось исследователями и в отношении сопок Северо-Запада [Конечский 1989a:141-144; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986:195; см. также - Петров 1993:80-81].

Думается, однако, что утрата ладожской *русью* своей самобытности на уровне погребальной субкультуры связана и с определенными трансформациями на рубеже IX-X вв. социально-политической структуры северорусского протогосударственного организма. Принципиальные изменения последней связаны с действиями Рюрика, призванного **на основе договора** местной племенной верхушкой после изгнания *варягов*, и его преемника Олега. Именно в этот период происходит, видимо, внедрение в состав военно-административного аппарата ладожско-новгородской *русси* какой-то (надо думать, более или менее значительной) части местных («словенских») социально-политических лидеров. Дальнейшие военно-политические акции Олега (поход 882 г.) приводят к окончательному включению волховской водной артерии в систему коммуникаций общегосударственного значения (так называемый *Путь из варяг в греки*), что безусловно делает данный процесс гораздо более интенсивным. В контексте этого процесса и следует рассматривать маркированное совершенным в 890-х - 920-х гг. в вершине сопоквидной насыпи близ урочища Плакун в Ладогe труположением восприятие ладожской *русью* традиции возведения сопок. Таким образом, данный памятник можно рассматривать в ряду других древнерусских «больших курганов», отражающих собой процесс консолидации этносоциальной элиты Руси в X в. [см. - Седых 1996:46]. Общая же направленность подобного восприятия (ладожская *русь* ориентируется на традиции местной племенной знати, а не наоборот) связана, как мне кажется, не столько с так называемой «лидирующей» ролью местной («словенской») социально-политической верхушки, сколько с отмечавшейся выше некоей престижностью высокой погребальной насыпи как таковой.

IV. Сопки в культуре древнерусского населения: XI-XII вв.⁸¹

Обращение к исследованию судеб традиции возведения сопок предполагает сопоставление вариантов прекращения или продолжения действия сакральных (с одной стороны) и погребальных (с другой) функций сопок. Подобное сопоставление указанных функций по отношению друг к другу на материалах **конкретных** памятников позволяет выделить **варианты** исчезновения собственно сопочной традиции и, таким образом, рассмотреть исследуемый процесс в **динамике**, дать его динамическую реконструкцию [Петров 1993:79-83].

Описанию отмеченных выше вариантов следует, однако, предпослать ряд замечаний относительно наших взглядов [см. - Панченко, Петров 1992; Панченко, Петров 1993] на характер христианизации Северо-Западной Руси и на механизм перехода населения этого региона к погребениям по обряду труположения в начале II тыс. н. э. Оба процесса, будучи тесно связанными друг с другом, имеют непосредственное отношение к исследуемому вопросу.

IV.1. О христианизации Северо-Западной Руси

Исходя из представления о язычестве варварских обществ как о сложном, зачастую противоречивом комплексе верований, распространение христианства в Северо-Западной Руси мы склонны рассматривать в качестве некоего внешнего фактора трансформации последних, которые при этом отнюдь не утрачивают своего локального характера. «Произошло, - отметил Н.И.Толстой [1987:52], - и не только и не столько "переодевание" языческих богов в христианское платье... или частичная замена названий и форм языческих праздников христианскими, сколько **значительное усложнение** (выделено мною - Н.П.) народных мифологических, нравственно-этических, художественно-эстетических представлений и средств ритуального и поэтического выражения и исполнения». Чрезвычайно важной в этом отношении видится необходимость выделения в процессе христианизации двух «уровней»: мероприятия государства, связанные с внедрением общегосударственной идеологии в коллективное сознание, недопустимо **напрямую** сопоставлять с процессом «насыщения» содержания традиционных верований христианскими элементами. (На необходимость различать «официальное христианство теологов, схоластов, высших иерархов церкви» и «другое христианство», «религиозную практику масс населения» (для католической средневековой Европы) указывал А.Я.Гуревич [1990:26].) И здесь следует остановиться на термине «двоеверие», часто используемом в литературе для характеристики процесса христианизации и сформировавшегося в результате последней культурного явления - так называемого «народного» православия.

Под «двоеверием» следует, видимо, понимать сосуществование двух (противостоящих друг другу) вер либо в сфере коллективного сознания, либо на индивидуальном уровне. Но, в первом случае, история Киевской Руси конца X - XI вв. должна была бы быть насыщена постоянными религиозными войнами. Летописные сообщения о волхвах вряд ли следует рассматривать в данном контексте. Между тем данный период отличается сравнительно мирным сосуществованием церковной **организации** и традиционных **верований** [Панченко 1990:6-8; см. также - Живов 1993:53-54; Петрухин 1996:46], что, впрочем, конечно же не исключает возможности возникновения тех или иных конфликтных ситуаций. Один из наиболее ярких

⁸¹ При написании данной главы использованы публикации, подготовленные мною в соавторстве с фольклористом А.А.Панченко (см. раздел «Библиография. Исследования и публикации»). Пользуюсь случаем выразить А.А.Панченко искреннюю признательность за совместную работу.

примеров подобного сосуществования в сфере погребальной обрядности - совершенно несообразное с христианской догматикой крещение праха усопших: «В лето 6552 (1044 г. - Н.П.). И выгребоша. 2 Князя Ярополка и Ольга. сына Святослава. и крестиша кости ею. и положиша я въ церкви святыя Богородица» (цитируется по Лаврентьевской летописи [1962:155]). (Ср. следующее известие «Саги об Эгиле» [LXXXV-LXXXVI; 1956:250]; перевод В.В.Кошкина: «Когда он (Эгиль - Н.П.) умер, Грим велел... ..отнести его на мыс Тьяльданес и насыпать там могильный холм. В этом холме Эгиля похоронили вместе с его оружием и одеянием. ... Грим был крещен в Мосфелле, когда в Исландии было введено христианство. Он велел построить там церковь, и люди рассказывают, что Тордис перевезла в нее тело Эгиля.») «Двоеверие» же индивидуального сознания (то есть - раздвоение последнего) можно охарактеризовать как психическое заболевание - шизофрению.

Здесь необходимо остановиться на исследовании В.Л.Янина [1984; см. Также - 1987], основным выводом которого является признание достоверности сведений так называемой «Иоакимовской летописи» [1962:112-113], рисующей картину «яростного сопротивления новгородцев крещению» и свидетельствующей о «насильственном крещении новгородцев». Стоит, однако, отметить, что, как показал В.Л.Янин, обе основные летописные версии крещения Новгорода (как «традиционная», повествующая о мирном принятии новой веры, так и отраженная «Иоакимовской летописью») проникают в собственно летописную традицию в течение XV в. [Янин 1984:46, 48-49, 56]. Таким образом, сугубо источниковедческие основания для признания большей достоверности известий «Иоакимовской летописи» отсутствуют. Единственным аргументом в пользу подобного предположения является «наличие в повести **отдельных** (выделено мною - Н.П.) реалистических деталей, находящих археологическое подтверждение». Это наблюдение, в свою очередь, «позволяет считать, что ее (повести - Н.П.) возникновение в середине XV в. опиралось на какую-то достаточно устойчивую древнюю традицию» [Янин 1984:56]. Стоит напомнить результаты археологических исследований, привлекаемые В.Л.Яниным. Это - выявленные на Неревском раскопе следы пожара, уничтожившего в 989 г. городскую застройку в районе расположения церкви Спаса на Разваже, местонахождение которой соотносится исследователем с храмом Преображения, упоминаемым «Иоакимовской летописью» (*церковь Преображения господня*); два невостробованные клада дирхемов, относящиеся к 27-му строительному ярусу Неревского раскопа (972-989 гг.); медный крест-тельник с изображением распятия, обнаруженный в этом же строительном ярусе Неревского раскопа и, судя по стратиграфическим наблюдениям, попавший в культурный слой ранее 989 г. (по мнению В.Л.Янина, сопоставим с известием источника о существовании в Новгороде до 989 г. общины христиан (*домы христиан*)); наконец - следы пожара, прослеженные на Троицком раскопе и датируемые рубежом 980-х - 990-х гг. [Янин 1984:54-56].

Отрицать саму по себе возможность возникновения тех или иных конфликтных ситуаций (связанных с так сказать «демонстрацией силы» и со стороны новгородцев, и со стороны крестителей - см. ниже) при крещении Новгорода безусловно не следует. Не исключено, что приводимые В.Л.Яниным археологические материалы о них и свидетельствуют. Однако, напрямую сопоставлять перечисленные выше результаты археологических раскопок (например, следы пожара 989 г. близ церкви Спаса на Разваже) с повествовательной канвой рассматриваемого летописного известия и, прежде всего, с его религиозно-эмоциональной «окраской» («Лучше нам помрети, неже боги наша дати на поругание») вряд ли правомерно.

Впервые термин *двоеверие* появляется в поучениях древнерусских книжников, где он имеет два значения. «Слово святого Феодосия игумена Печерьского монастыря

о вере крстьяньской и о латыньской» [1935:36], написанное, как полагают, в 1069 г. [см. - Еремин 1935:33; Творогов 1987а:458], раскрывает одно из них: «Аще хвалить хто чюжую веру. то обретається свою веру хуля. аще ли начнет непрестанно хвалити. и свою и чюжую то обретається таковыи двоёверецъ. близъ ёсть ёреси» (текст цитируется по списку Паисиевского сборника (конец XIV - начало XV вв.)). Второе значение рассматриваемого термина содержит «Слово некоего христороубца и ревнителя по правой вере» [1913:41], относимое большинством исследователей к домонгольскому времени [см. - Буланина 1987:428; Гальковский 1913:40]: «Яко же Илья фезвитянинъ заклавы иерея и жерца идольскыя числом 300 иже рече ревнуя поревновахъ по господи вседержители тако и се крстьянинъ не мога терпети крстьянъ дво верно живущих верующе в перуна и хорса и въ мокошь и в Сима и въ Ръгла и въ волю их же числомъ 30 сестрениць» (текст краткой редакции «Слова...» цитируется по списку «Златая чепь» (конец XIV - начало XV вв.)). Итак, если для Феодосия Печерского *двоёверецъ* - **православный христианин**, склоняющийся к католичеству, григорианству или магометанству, то анонимный автор «Слова некоего христороубца...» называет *дво верно живущими христианин*, верящих в существование (и почитающих) нехристианских богов [см. также - Петрухин 1996:45].

Очевидно, что *двоеверие* в указанных текстах выступает лишь в качестве некоей религиозно-эмоциональной оценки тех или иных отклонений (с точки зрения представителей духовенства) от православных поведенческих нормативов. (Ср. - «Один Господь, одна вера, одно крещение...» (Послание к Ефесянам св. апостола Павла; гл. 4, ст. 5).) Но, с учетом изложенного выше, вряд ли можно признать правомерным использование данного термина в историко-культурном **исследовании**. «Иерархия, - справедливо полагал Н.М.Гальковский [1916:142], - обличала народное двоеверие, но сам народ, двоеверно живший, считал себя истинно верующим, не замечая и не зная, что в его жизни много языческого».

Наиболее же предпочтительным термином (из существующих на сегодняшний день в исследовательской практике) для обозначения рассматриваемого явления представляется «народное» православие («народная вера»), под которым мы понимаем некую «сеть» комплексов традиционных верований восточного славянства, трансформировавшихся в процессе христианизации [см. также - Панченко 1996:7-8].

Важно отметить, что персонажи христианского Писания или Предания достаточно органично включались в сюжетный «каркас» традиционных верований в рамках этого процесса и воспринимались носителями последних сравнительно «безболезненно». Особую и чрезвычайно важную роль здесь сыграли апокрифы. «...Кроме убеждения в действенной силе христианского вероучения, - отмечает Т.А.Бернштам [1989:97], - ранняя церковь не обладала никакими реальными способами воздействия на архаическое коллективное сознание. И в этом деле стихийную помощь оказало "апокрифическое христианство", в котором, вследствие его полужыческого-полухристианского характера изначально были заложены возможности апелляции не только к индивидуальному, но и к коллективному сознанию. Иными словами апокриф осуществлял роль переходного звена в процессе христианизации, если так можно выразиться, в изменении стереотипа коллективного мировоззрения. И с этой точки зрения значение апокрифа на начальном этапе русской христианизации... трудно переоценить».

Для рассматриваемого круга проблем весьма любопытным представляется ряд сообщений, приуроченный древнерусской летописной традицией к 1071 г. (спор Яна

Вышатича с волхвами⁸², общение *некоего новгородца* с кудесником в *Чюди* и убийство князем Глебом Святославичем волхва в Новгороде), в значительной степени раскрывающий, на наш взгляд, механизм процесса христианизации.

Очевидно, что перечисленные известия перед «выпадением» их в письменную традицию прошли через своего рода «фильтр» сознания летописца-христианина. Содержащиеся в них сведения о местных традиционных верованиях являются результатом «внешнего» осмысления последних [см. - Душечкина 1972:90-99] - белозерские волхвы и кудесник в *Чюди* конечно же не рассматривали почитаемых ими мифологических персонажей с позиций христианских нормативов описания. («Рече има Янь. ... коему Богу веруета. она же рекоста **антихресту** (здесь и далее выделено мною - Н.П.). «Он же рече то каци суть бози ваши кде живутъ [онъ же рече] в безднахъ. суть же образом **черни. крилаты хвосты имуще**» - цитируется по Лаврентьевской летописи [1962:177, 179].) Однако, важно отметить, что само по себе существование «их богов» летописцем ни в коем случае не отрицается. Сходная ситуация прослеживается в «Саге об Олаве сыне Трюггви» (LIII, LXIV; Снорри Стурлусон. «Круг Земной» [1980:133, 139]; перевод М.И.Стеблин-Каменского): Олаву Трюггвасону повстречался «какой-то человек». («У него была шляпа с широкими полями и только один глаз»). « - Наверно, это был не человек, - сказал он (конунг Олав - Н.П.), - это был, наверно, Один, в которого язычники долго верили. Но Одину не удастся перехитрить меня». Важно при этом отметить, что, как указано в данной саге, тех, кто противился крещению, конунг Олав Трюггвасон «подвергал жестоким наказаниям, некоторых убивал...»

Мифологические персонажи местных верований лишь включаются в иную систему оппозиций, в которой отчетливо прослеживаются два «среза». Во-первых, подобные персонажи противопоставляются Богу христиан в рамках оппозиции «ваши боги» / «наш Бог» (соответственно - «свое» / «чужое», «чистое» / «нечистое» и т. д.). Во-вторых, этому противопоставлению соответствует представление о «сильном» Боге и «слабых» богах: *бози кудесника в Чюди* боятся нательного креста новгородца, они «всходятъ же и подъ небомъ **слушающе** ваших Боговъ.» (цитируется по Лаврентьевской летописи [1962:179]). Этот срез рассматриваемой системы оппозиций весьма важен для понимания механизма христианизации - то или иное соответствие оппозиции «сильный» / «слабый» христианского Бога и мифологических персонажей местных верований имело ключевое значение для достижения христианской проповедью положительных результатов. Ярким подтверждением этому является поведение князя Глеба Святославича в Новгороде. Общение князя с волхвом («а людьє вси идоша за волхва») завершилось следующим образом: «Глебъ же вынемъ топоръ роста и. и паде мертвъ **и людьє разидошася.**» (цитируется по Лаврентьевской летописи [1962:181]). «Демонстрация силы» князя-христианина (убийство волхва), таким образом, является и демонстрацией силы христианского Бога; большего для прекращения волнений среди населения Новгорода, вызванных появлением волхва в данном случае не потребовалось [ср. - Фроянов 1992:178-179].

Полностью аналогичная система оппозиций, в рамках которой Христос органично включается в ряд мифологических персонажей традиционных верований, прослеживается и в скандинавских сагах. (« - Слышал ли ты, - спросила она, - что Тор вызвал Христа на поединок, но тот не решился биться с Тором? — Я слышал, - ответил Тангбранд, - что Тор был бы лишь прахом и пеплом, если бы бог не захотел, что бы он

⁸² Стоит напомнить, что летописный рассказ о событиях 1071 г. в *Ростовьстее области*, как убедительно показал И.Я.Фроянов [1986:48], отражает "осуществление языческих аграрно-магических по характеру действ, вызванное неурожаем..." [см. также — Zguta 1974:260-265].

жил» («Сага о Ньяле», СII [1973:322]; перевод В.П.Беркова). «- Ну что, разве рыжебородый не оказался **сильнее вашего** (выделено мною - Н.П.) Христа? Это я получил за стихи, которые сочинил о моем покровителе Торе» («Сага об Эйрике Рыжем», VIII [1973:120]; перевод М.И.Стеблин-Каменского).) Стоит отметить, что привлечение данного круга источников для реконструкции механизма христианизации представляется нам весьма перспективным⁸³. Дело в том, что если в рассмотренных выше летописных текстах их событийная основа выступает лишь в качестве некоей отправной точки морально-этических рассуждений летописца-христианина, то интересующие нас сведения саг **полностью** подчинены повествовательной канве текста [см. - Стеблин-Каменский 1971:37, 89-90], что, в свою очередь позволяет предположить большую степень адекватности отражения последними реалий процесса трансформации локальных комплексов традиционных верований. Любопытно, что фиксируемая древнерусской летописной традицией (в качестве своеобразного аргумента в спорах о вере) «демонстрация силы» также находит себе полное соответствие в скандинавских сагах. («Вальгард сломал Мёрду крест и все святые знаки» («Сага о Ньяле», CVII [1973:328]; перевод В.П.Беркова [см. также - Стеблин-Каменский 1971:94-99]).

Таким образом, христианизация традиционных восточнославянских верований, приведшая к их структурному усложнению и некоей трансформации «сети» локальных комплексов сакральных представлений может рассматриваться как включение в состав последних персонажей христианского Писания и Предания в рамках «базовой» оппозиции «сильный» / «слабый».

IV.2. О распространении погребального обряда труположения на Северо-Западе

К настоящему времени в отечественной археологии сложилось достаточно устойчивое мнение о том, что переход населения Киевской Руси к совершению погребений по обряду труположения в начале II тыс. н. э. не был связан с процессом христианизации. Так, по мнению В.В.Седова [1988:49], «христианизация в XI в. существенно затронула лишь население городов Руси» и «переход от трупосожжения к ингумации (в сельских районах — Н.П.) никоим образом невозможно объяснить воздействием христианства». Как полагает А.П.Моця [1988:42], «причин замены кремации ингумацией было несколько. Только одной из них (да и то не везде) являлась христианская догма о обращении с телом умершего». Б.А.Рыбаков [1987:110-112] склонен связывать данную трансформацию с распадом старых родовых отношений и зарождением соседской общины. В XI в. церковь, по мнению исследователя [Рыбаков 1987:111], «была еще очень далека от русской деревни и едва ли могла эту смену (погребального обряда - Н.П.) организовать».

Сравнительно недавно к рассматриваемой проблеме обратился В.Я.Конецкий [1990а:76-78]. Отметив, что «влияние христианства на "материальную" сторону изменения погребального обряда, фиксируемого по данным археологии, практически неуловимо», исследователь счел возможным признать отсутствие связи между появлением в Новгородской земле погребений по обряду труположения и процессом христианизации. В числе прочих аргументов В.Я.Конецкий указывает на

⁸³ Использование соответствующих сообщений скандинавских источников для анализа рассматриваемого круга проблем выглядит вполне оправданным в свете «синхронности, синфазности, взаимной обусловленности... культурного развития» Северной и Восточной Европы в эпоху раннего средневековья [Лебедев 1985а:183]. «Типологическое сходство» процессов христианизации Руси и Скандинавии отмечалось Е.А.Мельниковой [1987:21-23].

малочисленность находок нательных крестиков в погребениях XI-XIII вв. [ср. - Рыбаков 1987:111].

Подобная оценка принципиальной трансформации погребальной обрядности населения Северо-Запада в начале II тыс. н. э. вызывает серьезные возражения.

Прежде всего следует отметить, что рассмотренный выше характер процесса христианизации Северо-Западной Руси делает вполне допустимым само по себе предположение о связи с последним распространения здесь в XI-XII вв. обряда трупоположения. Актуальность же «индивидуальной эсхатологии», определяющей отказ от кремирования тела умершего, для христианского мировоззрения представляется очевидной: «Огнь оный небесный Божества, егоже приемлют внутрь сердца своего Христиане ныне в сем веце, и который ныне их сердце управляет, когда разрушится сие тело, является; и паки собирает члены и творит воскресение разрушившихся членов. ...Сие тело, которое при разрушении в тину преобразуется, небесный огонь восстанавливает и возобновляет, и воскрешает в день оный. Ибо сей огонь, ныне внутрь нашего сердца обитающий, тогда исходит и соделовает воскресение телам» (св. Макарий Египетский, беседа XI:1 [1851:101-102]). Несмотря на то, что, по утверждению Б.А.Рыбакова [1987:111], в древнерусских церковных поучениях отсутствует тема осуждения обряда трупосожжения, летописная традиция дает недвусмысленно негативную оценку последнего: «...Творяху кладу велику и възложяхуть и на кладу **мртвца. сожьжаху.** и посемь собравше кости. вложяху в судину малу. ... еже творять Вятичи и ныне. си же творяху обычая Кривичи. **[и] прочии погании. не ведуще закона Божия. но творяще сами себе законъ**» (выделено мною - Н.П.; цитируется по Лаврентьевской летописи [1962:14]). С другой стороны, наблюдение Б.А.Рыбакова полностью соответствует предположению о появлении обряда ингумации на Руси в XI-XII вв. в связи с восприятием широкими массами населения идей христианской эсхатологии, распространявшихся **ненасильственным** путем [см. - Петрухин 1995:236-239, Петрухин 1996:46].

Вопрос заключается в другом - какие конкретные археологические материалы можно использовать для аргументации (или опровержения) данного предположения?

По верному замечанию А.Е.Мусина [1994:257], «христианизация всегда предстает как своеобразное религиозное творчество личности и общества, в котором сочетаются новые и старые представления». Таким образом, вряд ли стоит считать правомерными утверждения о «языческом» характере большинства сельских трупоположений Северо-Запада первых веков христианизации, сделанные лишь на том основании, что подобные погребения содержат свидетельства тех или иных «языческих» элементов обряда. В числе последних нередко указывают отсутствие в составе погребального инвентаря нательных крестов. Однако, необязательность помещения крестов в могилу известна для **безусловно** христианских погребений⁸⁴. «...Даже погребальный обряд боярского и великокняжеского сословия не включал в себя нательных христианских символов» [Мусин 1990:75-76; ср. - Соболев 1995:76]. То же можно сказать и о прочих «языческих» элементах обряда трупоположения на Северо-Западе - наличии погребального инвентаря, ориентировке покойника,

⁸⁴ С другой же стороны, чрезвычайно показательным представляется следующее наблюдение В.Ю.Соболева [1995:75]: «...Первые единичные предметы, связанные с христианским культом (речь в данном случае идет именно о нательных крестах — Н.П.), появляются на северо-западе Новгородской земли одновременно с появлением погребений по обряду ингумации (Удрай, Которск)...» (Подробный обзор мнений исследователей о характере использования нательных крестов в погребальном обряде населения древней Руси и причинах их отсутствия в захоронениях предпринят А.Е.Мусиным [А-1992:33-40].)

положении рук и т. д. [см. - Мусин А-1992:33-53; Мусин 1994:257]. Очевидно, что несоответствие тех или иных элементов погребения-ингумации требованиям церковного канона не может являться основанием для отказа от его интерпретации в качестве христианского. Здесь вновь уместно напомнить о различии официального христианства Киевской Руси и «народного» православия.

Необходимо также остановиться на характеристике погребальных сооружений, - курганов, жальников, грунтовых могил - содержащих рассматриваемые захоронения. Дело в том, что зачастую лишь (по крайней мере - в первую очередь) грунтовые погребения интерпретируются исследователями в качестве безусловно христианских. (Напомню, что речь в данном случае идет исключительно о погребальных **сооружениях**.)

Отсутствие принципиальных различий между жальничными и грунтовыми могильниками с погребениями-труположениями вряд ли требует развернутой аргументации. По наблюдениям В.Я.Конечского [1984а:168-169], «между грунтовыми могильниками и жальниками непреходимая граница отсутствует»: «...Жальники в какой-то мере сближаются с грунтовыми могильниками. С другой стороны, анализ материалов грунтовых могильников показывает, что населению, оставившему их, идея использования камня для обкладок могил не была уж столь чуждой» [см. Также - Конечский, Носов 1982:41]. Несколько более сложным оказывается вопрос о курганах древнерусского времени, содержащих ингумации.

С одной стороны, отрицательное отношение к курганной насыпи прослеживается в письменных источниках достаточно отчетливо. Так, в проложном житии княгини Ольги сообщается следующее: «И заповеда (Ольга - Н.П.) емоу (Святославу - Н.П.) **съ землею равно погрестися а могилы не соути** (то есть - не насыпать; выделено мною - Н.П.) ни трызнь творити...»⁸⁵ (цитируется по - Проложные жития благов. княгини Ольги [1915:8]). В «Житии Константина, Муромского князя, и его сыновей Михаила и Федора» [1860:231], составленном в 1540-х - 1560-х гг. [Дмитриева 1988:286], в рассказе о погребении князя Михаила Константиновича отражено аналогичное отношение к кургану: «**Невернии же людие**, видяще сия, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бе погребение, яко погребяему бе князю Михаилу во знакъ на востокъ лицемъ, а **могилы верхъ холмомъ не сыпаху, но равно со землею...**» (выделено мною - Н.П.; текст «Жития...» цитируется по его Средней редакции). Здесь же стоит, видимо, упомянуть и «Грамоту Новгородского архиепископа Феодосия в Воцкую пятину» [1846:58, № 43] от 8 июня 1548 г.: «...И мертвыхъ деи своихъ они кладутъ въ лесехъ по курганомъ и по коломищомъ, съ теми же арбуи, а къ церквамъ деи на погосты техъ своихъ умершихъ оне не возятъ сохранятьи...» [см. - Панченко 1992:138-141].

⁸⁵ Здесь цитируется «древняя редакция северно-русских списков Пролога» по Н.Серебрянскому (Пролог пергаменный Синодальной (Патриаршей) библиотеки № 3, XV в., под 15 июля). По мнению исследователя [Серебрянский 1915:32], данное житие «появилось... приблизительно во второй половине XIII в., и по месту своего составления должно быть отнесено к памятникам северно-русским, м. б., к новгородско-псковским» [см. также — Фет 1987:377-379].

В некоторых списках Пролога (XIV-XVI вв.), относящихся к указанной редакции (см. постраничные примечания в цитированной публикации источника), вместо **не соути** стоит **не рыти** (**не засыпати, не оуглоубити**). Очевидно, что в данном разночтении отразилась «испорченность текста в ранних, пергаменных списках жития и неумение позднейших переписчиков установить более правильное чтение...» [Серебрянский 1915:28] (ср. например: **не засыпати**, но (здесь же) — **съ землею равно**).

Особый же интерес вызывает рассматривавшийся выше «Хронографический рассказ о Словене и Русе и городе Словенске» [1977:140], связывающий «могилу... велми высокоу» (сопоставимую с сопкой) с погребением «Волхва» - «бесоугодника и чародея», а также - «Сказание о холопей войне».

Подобное отношение представителей древнерусского духовенства к возведению погребальной насыпи находит себе определенное соответствие в результатах археологических исследований в окрестностях Новгорода и на Ловати - я имею в виду выявленные В.Я.Конечким материковые останцы разрушенных сопки, на месте которых возникают древнерусские грунтовые могильники с погребениями по обряду ингумации XI-XII вв. (рис. 42). Видимо, в качестве аналогичного же примера можно привести курганный некрополь X - середины XI вв., значительная часть остатков которого была выявлена при раскопках восточной части Среднего города Пскова [см. - Милютин 1994]. Дело в том, что, как полагает С.В.Белецкий [1995б:32-33, 35-36], единовременная нивелировка курганов около середины XI в. (ранее 1044 г.), после которой «городское население перешло к захоронениям на кладбищах у христианских храмов», не была вызвана расширением городской застройки в это время. Если это действительно так, то уничтожение данного курганного могильника⁸⁶ вполне сопоставимо по времени с распространением христианства в Пскове как общегосударственной религии [см. - Белецкий 1988:8-10]. Стоит обратить внимание на одно чрезвычайно важное обстоятельство - все известные на сегодняшний день случаи сознательного уничтожения курганных сооружений, так или иначе соотносимые с первым столетием после крещения Руси, связаны либо с городским центром (Псков), либо с его ближайшей округой (окрестности Новгорода), либо с коммуникацией общегосударственного значения (р. Ловать).

В связи с рассматриваемым кругом вопросов стоит отметить недавнее наблюдение Г.С.Лебедева [1995б:66], обратившего внимание на то, что изображенные на фреске диаконника церкви св. Георгия в Старой Ладогe («Чудо св. Георгия о змие», вторая половина XII в.) холмы чрезвычайно близки сопкам северного Поволжья и лишь «с очень большой долей условности» могут быть рассмотрены как элементы ландшафта, соответствующего «исторической топографии житийного текста». Это в высшей степени интересное наблюдение к сожалению изложено исследователем в тезисной форме и нуждается в дополнительной проверке.

Однако, с другой стороны, имеющиеся материалы убеждают в том, что в рамках «народного» православия наличие курганной насыпи отнюдь не являлось неким противоречием христианскому обряду ингумации и «не связано с эволюцией предшествующих погребальных форм... Взрывообразное появление курганов в христианском обряде можно объяснить воплощением общерелигиозной идеи коммеморативного погребального сооружения, которое связано с его репрезентативностью» [Мусин 1994:257]. Один из наиболее ярких примеров подобного воплощения (связанных с рассматриваемым кругом вопросов), относящийся, судя по всему, летописной традиции эпохи позднего средневековья (начало XVII в.?), приводится И.И.Срезневским [1893:1377]: «Трупы же ихъ Лисовской повеле похранить в одномъ сто въ яму и здела ту надъ ними для своя славы курганъ велики, тои курганъ стоитъ и донине». К сожалению, выходные данные источника указаны И.И.Срезневским неверно - в тексте Никоновской летописи (на которую ссылается исследователь) выявить процитированное выше сообщение не удалось. Попытки

⁸⁶ Из 73 погребений, выявленных при исследовании некрополя, 66 было совершено по обряду кремации [Милютин 1994:133].

определить использованный И.И.Срезневским источник по другим летописным текстам также не увенчались успехом.

По справедливому замечанию А.А.Спицына [1899а:310], «принятие христианства... нисколько не помешало дальнейшему усвоению и развитию обычая сооружать погребальные курганы. Христианство и курганы идут у нас рука об руку». Представляется, что приводимые ниже материалы археологических исследований ряда погребальных памятников могут служить достаточно весомым аргументом в пользу подобной характеристики «позиции», занимаемой курганной насыпью как таковой в сельской погребальной обрядности Северо-Запада начала II тыс. н. э.

Здесь, однако, следует сделать небольшое отступление и вновь вернуться к поставленному выше вопросу - какие **конкретные** археологические материалы можно использовать для аргументации высказанного выше утверждения? Дело в том, что решение этого вопроса наталкивается на одно серьезное препятствие. Речь идет об отсутствии **массовых** погребальных памятников, которые можно было бы рассматривать в качестве некоего «промежуточного звена», соединяющего эпоху господства обряда ингумации с предшествующей⁸⁷.

Проблема соотношения различных типов погребальных памятников Северо-Запада во времени была впервые поставлена и рассмотрена А.А.Спицыным. Исследователь допускал существование двух вариантов трансформации погребальных традиций населения данного региона в конце I - начале II тыс. н. э.: если в северной части Шелонско-Ловатского водораздела прослеживался «крутой и прямой переход от сопок к жальникам», то для других территорий предполагалось наличие промежуточного звена - «курганов средней величины с сожжением и погребением (то есть, труположением - Н.П.)», сменяющихся в XII-XIV вв. жальниками [Спицын 1899б:154; см. также - Спицын 1903б:14, 16].

Необходимость активных полевых археологических исследований данного пласта погребальных древностей была отмечена Н.И.Веселовским и А.А.Спицыным в «записке», представленной в Русское археологическое общество при планировании раскопок на сезон 1899 г.: «целью раскопок 1899 года можно было бы положить определение погребальных обрядов и типов вещей у Новгородских славян между временем сопок и жальников, т.е. приблизительно за время от IX по XIII в.» [цитируется по - Рерих 1899:349-350]. Появление подобной «записки» явилось важной вехой в развитии полевой археологии Северо-Запада — целенаправленные раскопки обретают некое «проблемное обеспечение».

Раскопки курганов с погребениями по обрядам трупосожжения и труположения были проведены в 1899 г. Н.К.Рерихом. Исследователь вновь подчеркнул отсутствие подобных памятников в Старорусском уезде Новгородской губернии (север Шелонско-Ловатского водораздела) и, обратив внимание на «каменные круги» в низовьях р. Шелонь, поставил вопрос о связи последних с сопками и жальниками [Рерих 1899:350-376]. Сосуществование различных погребальных традиций объяснялось различной степенью христианизации тех или иных территорий в начале II тыс. н. э. «...Несомненная одновременность невысоких курганов и жальничных погребений невольно вызывает догадку, что количество мелких курганов Новгородской области не служит показателем временным и **племенным** (выделено мною - Н.П.), но показателем распространения и влияния христианства». «Крутой и прямой переход» от сопок к жальникам отражает, таким образом, резкое

⁸⁷ В первую очередь здесь имеются в виду памятники, относящиеся к традиции возведения сопок.

«влияние христианства»; курганная насыпь, содержащая погребение-труположение, рассматривается как отголосок языческих погребальных традиций [Рерих 1899:352-353]. Связь распространения традиции жальничных погребений и прекращения сооружения сопок с процессом христианизации предполагалась и А.А.Спицыным [1897:242-243].

Позднее Г.С.Лебедев и Е.А.Рябинин [1978:152-161], обратившись к «гипотезе Спицына-Рериха» о «переходе от сопок к жальникам без промежуточного звена (небольших курганов)», попытались выделить «памятники переходного типа» - комплексы, «в которых сочетались бы черты и сопочного и жальничного обряда». В качестве таковых исследователи отметили так называемые «каменные круги», зафиксированные в первую очередь в юго-западном Приильменье.

Кроме этого, по мнению Г.С.Лебедева и Е.А.Рябининой, «известен также и памятник, в котором сочетаются черты сопок, "каменных кругов" и жальников» - «Юрьевский жальник» у д. Горки в верховьях р. Мста, раскопанный в конце XIX в. В.С.Передольским [1893:44-54]. Ингумации в «каменных ящиках» Юрьевского жальника занимают промежуточное положение между «каменными кругами», сменяющими сопки, и жальничными труположениями.

Реконструкция Г.С.Лебедевым и Е.А.Рябининым процесса эволюции погребального обряда населения Северо-Запада также вызвала вполне оправданные возражения. Дело в том, что результаты раскопок В.С.Передольским Юрьевского жальника, как убедительно показали В.Я.Конецкий и Е.Н.Носов [1982:34-41], позволяют говорить лишь об использовании территории курганного могильника культуры длинных курганов второй половины I тыс. н. э. для совершения жальничных погребений по обряду труположения в первой половине II тыс. н. э. «Каменные круги» Приильменья в свете исследований В.Я.Конецкого (раскопки «каменного круга» у д. Коломо в низовьях р. Шелонь, 1982 г.) «должны рассматриваться как памятники культуры сопок» [Конецкий 1985:41-43; см. также - Конецкий 1994в:141-142] и, таким образом, «нет оснований рассматривать их в качестве памятников переходного типа» [Конецкий, Носов 1982:40].

Стоит отметить, что справедливое заключение Е.Н.Носова [1982:69] «о непосредственном переходе от сопок к жальничным и грунтовым погребениям при сопках» может быть существенно дополнено - некий «смысловой разрыв» безусловно существующий между памятниками содержащими захоронения по обряду трупосожжения (с одной стороны) и курганными, жальничными или грунтовыми ингумациями (с другой) заставляет, на мой взгляд, отказаться от попыток построить те или иные типологические **ряды** трансформации погребального обряда на Северо-Западе в начале II тыс. н. э. Принципиальные различия смысловой стороны обрядов кремации и ингумации (в рамках исследуемого территориально-хронологического «среза») уже отмечались исследователями [см. например - Конецкий 1990а:76-77]. О наличии данных различий со всей очевидностью свидетельствует отсутствие **массового** биритуализма на территории раннесредневекового Северо-Запада. (Иная ситуация - в Скандинавии [ср. - Петрухин 1975а:9; Лебедев 1977а].) В таком случае, особую ценность для исследуемой проблемы приобретают те памятники (точнее говоря - комплексы памятников), материалы раскопок которых позволяют проследить **обстоятельства** возникновения здесь обряда ингумации, культурно-историческую **ситуацию**, являющуюся своеобразным «фоном» рассматриваемого процесса.

В связи с высказанными выше соображениями уникальным по своим информативным возможностям представляется комплекс памятников у д. Удрай

в верхнем Полужье (рис. 43.1). Раскопками Н.И.Платоновой (1981 г.) здесь (в составе курганно-жальничного могильника Удрай-II) была исследована так называемая «каменная насыпь», оказавшаяся погребальным памятником конца X (?) - первой половины XI вв., к подножию которого примыкали жальничные захоронения [Платонова А-1988а:42-44, 195-211; см. также - Платонова-Залевская 1983:33-34; Платонова 1992:102-104] (рис. 43.2-3). Процесс формирования данного сооружения выглядел следующим образом. Склоны естественного всхолмления (высотой около 1 м) были подрезаны и укреплены мощной крепидой из валунов, уложенных в 2-5 ярусов. Впоследствии, в течение какого-то времени, на плоской вершине холма было совершено 6 захоронений по обряду труположения в материковых ямах - 4 мужских погребения в деревянных камерах, женское (над которым (после засыпки ямы) было сооружено «подобие ящика из плит») и, наконец, захоронение «маленькой девочки... в обширной яме, без следов дерева». Следует особо отметить, что камерным являлось и погребение 5, располагавшееся в центре вершины всхолмления, дополнительно окруженное второй (внутренней) подпрямоугольной каменной оградой и содержавшее в составе сопровождающего инвентаря серебряный нательный крест на кольце. В дальнейшем труположения были перекрыты курганной насыпью высотой около 1 м. Общая высота сооружения составила, таким образом, около 2 м.

Грунтовые погребения-труположения второй половины XI - первой трети XII вв. («в каменных оградках и без них») примыкали к «каменной насыпи» с западной и северной ее сторон и, как и она, располагались в «топографически наиболее ранней части» могильника. По технике кладки (широкие стенки, выложенные из валунов в несколько слоев) каменные оградки полностью соответствовали описанным выше крепидам.

Чрезвычайно важным представляется принципиальное различие характера инвентаря захоронений под «каменной насыпью» и у ее подножия, где он «значительно беднее». Труположения же совершенные на вершине всхолмления (прежде всего - камерные) сопровождалось инвентарем, соответствующим престижному обряду погребения. Здесь стоит отметить лишь наиболее показательные находки - уже упомянутый выше серебряный нательный крест на кольце, сломанный меч с клеймом рейнских мастерских на клинке (Ульфберт), железный топор, часть наборного пояса или перевязи (украшенного пластинчатыми накладками и выпуклыми сердцевидными бляшками), обломок деревянной чаши с бронзовой оковкой, несколько прямоугольных серебряных накладок от ларца (?), круглая позолоченная бляшка от ножен (?), обломок клинка меча, топорик-чекан с инкрустацией серебряными полосками, бронзовый наконечник ножен меча, наконечник сулицы, железная плеть с кольцом и привесками, железные удила, шпора каролингского типа с бронзовой инкрустацией, костяное навершие в виде головы барашка, серебряный перстень (широкосерединный, с орнаментом из напаянных проволочек), весы в бронзовом футляре, бочонковидные гирьки (обтянутые бронзой), ожерелье с большим количеством серебряных бус и привесок (рис. 43.2).

В первой половине XII в. грунтовый обряд погребения на могильнике Удрай-II начинает вытесняться курганным. Деграция последнего (до «маленького расплывчатого холмика, перекрывающего собой мощную каменную ограду») относится ко второй половине XIII - началу XIV вв.; с этим временем связано и прекращение функционирования могильника (рис. 43.3-4).

Чрезвычайно показательны в рассматриваемом отношении и результаты раскопок А.В.Арциховским [1930а:20-28; 1936:191-193] в 1929-1930 гг. курганного могильника в д. Хрепле в верховьях р. Луга. Среди погребальных насыпей, входивших в состав данной группы (рис. 44) и содержавших захоронения по обряду

труположения с западной ориентировкой (в подавляющем большинстве случаев - в материковых могильных ямах), особенно выделялся (по целому ряду показателей) «большой центральный курган» № 20 [Арциховский 1930а:21]. Под насыпью высотой 1.69 и диаметром 13 м было обнаружено два труположения в материковых ямах (мужское и женское). В погребальный инвентарь мужского захоронения входили два черешковых листовидных наконечника копий и «железная секира» с «роговым набалдашником». В ногах женского погребения кроме двух гончарных сосудов был «найден (в осколках) стеклянный сосуд... Стекло светлое, прозрачное, с синими дутыми жилками». Таким образом, курган № 20 «резко выделялся по богатству находок» среди прочих насыпей [Арциховский 1930а:22, 26-27]. Наконец следует отметить любопытную деталь конструкции самого курганного сооружения - на глубине 1 м от вершины насыпи находился «каменный венец» диаметром 6 м; «венец был концентричен кургану» [Арциховский 1936:191].

Высокий социальный статус погребенных в данном кургане был отмечен А.В.Арциховским [1930а:22]. Последние, как справедливо полагал исследователь, «пользовались... привилегированным положением в селе». Особенно важным представляется то, что данная насыпь, занимавшая центральное положение в могильнике, датируется по погребальному инвентарю концом XI - началом XII вв. и, таким образом, относится к числу наиболее ранних сооружений этого памятника (рис. 44) [см. - Платонова А-1988б:64, 131, рис. 64].

Ситуация во многом сходная с вышеописанными прослеживается по материалам раскопок курганного могильника древнерусского времени у д. Иворово в Волжско-Шошенском регионе (исследования Д.А.Крайнова) [см. - Комаров, Елкина 1976:226-238] (рис. 45). Под курганом № 2 (раскопки 1967 г.) диаметром 16 и высотой 3 м здесь была обнаружена могильная яма содержащая безынвентарное мужское труположение в белокаменном саркофаге, накрытом двускатной крышкой и датирующимся XII в. Кроме этого, на вершине кургана № 1 (раскопки 1973 г.) диаметром 8.5 и высотой 1.5 м (под которым также было выявлено труположение в материковой могильной яме) на массивном каменном основании располагался белокаменный крест, изготовленный в той же технике, что и саркофаг. Важно отметить, что на лбу погребенной в данном кургане был обнаружен фрагмент головного венчика (очелья), украшенного лицевым и золотым шитьем, на котором сохранилась часть поясной Деисусной композиции. Датировка данного погребального памятника в целом - конец XII - начало XIII вв.

Саркофаг, крест и очелье, по справедливому замечанию К.И.Комарова и А.К.Елкиной, «являются атрибутами боярского достоинства» погребенных. К сказанному стоит добавить, что и размеры кургана содержавшего мужское погребение (прежде всего, его высота - 3 м) также говорят о высоком социальном статусе умершего. Чрезвычайно показательным представляется и то, что наличие высоких курганов отличает Иворовский некрополь от курганных могильников ближайшей округи, высота насыпей в которых не превышает 1 м [Комаров, Елкина 1976:237].

Необходимо отметить, что, по мнению П.Д.Малыгина [1989:35], высота и каменные обкладки оснований данных погребальных сооружений дают возможность охарактеризовать их как «сопковидные» и связать с эволюцией традиции возведения сопки. Однако, на мой взгляд, привлечения указанных признаков явно недостаточно для подобного сопоставления, тем более, что погребальные памятники древнерусского времени, в целом, имеют в этом регионе отчетливую подоснову в соответствующих традициях «культуры длинных курганов» [см. - Малыгин 1989:35].

Для верного понимания охарактеризованных выше памятников чрезвычайно важной представляется прослеживаемая по целому ряду текстов фигура некоего культурного героя - учредителя нового (или реформатора существующего) погребального обряда. Здесь стоит привести лишь наиболее яркие и наиболее близкие к рассматриваемому территориально-хронологическому «срезу» примеры.

Снорри Стурлусон. «Круг Земной» [1980:14] (перевод М.И.Стеблин-Каменского), «Сага об Инглингах», VIII: «**Один...постановил, что всех умерших надо сжигать** (здесь и далее выделено мною - Н.П.) на костре вместе с их имуществом. ... А пепел надо бросать в море или зарывать в землю, а в память о знатных людях надо насыпать курган, а по всем ступающим людям надо ставить надгробный камень. Этот обычай долго потом держался».

Снорри Стурлусон. «Круг Земной» [1980:16] (перевод М.И.Стеблин-Каменского), «Сага об Инглингах», X: «...Когда Фрейр умер, они... перенесли его в курган... .. Когда все шведы узнали, что Фрейр умер, а благоденствие и мир сохраняются, они решили, что так будет все время, пока Фрейр в Швеции, и **не захотели сжигать его...**»

Снорри Стурлусон. «Круг Земной» [1980:9] (перевод М.И.Стеблин-Каменского), «Пролог»: «Первый век называется "веком сожжения". Тогда всех умерших сжигали и воздвигали в их память намогильные камни. **Но после того как Фрейр был погребен в кургане** в Уппсале, многие правители воздвигали в память своих родичей курганы не реже, чем намогильные камни. **А после того, как Дан Гордый, конунг датчан, велел насыпать курган** и похоронить себя в нем в облачении конунга..., многие его потомки стали делать то же самое, и тогда в Дании начался век курганов, а у шведов и норвежцев продолжался век сожжения».

Процитированные выше тексты, отражающие скандинавскую мифологию, могут быть дополнены аналогичными по содержанию примерами, относящимися к балтской мифологической традиции и рассматривавшимися в работах В.Н.Топорова [1980:16-40; 1985:101-107; 1987a:24-30].

Вставка 1262 г., сделанная западнорусским переписчиком древнерусского перевода «Хроники» Иоанна Малалы, содержит рассказ о возникновении обряда трупосожжения, основной персонаж которого - Совий - «выступает как *первый* из смертных, кто, умерев, сам на себе испробовал разные способы захоронения, оценил их и выбрал наилучший из них - *сожжение на костре*. Пройдя через это испытание, Совий стал основателем и распространителем ... этого типа похоронного обряда» [Топоров 1987a:24]. («И ныне мертва телеса своя съжигаютъ на крадах» («Оуказъ же поганской прельсти сице иже Совия богомъ нарицаютъ» [1893:359]). Цитата приводится по так называемому «Архивскому списку» (список Библиотеки Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел), представляющим собой «особого рода хронограф, возникновение которого (оригинала хронографа, а не данного списка - Н.П.) относится... к 1262 г.» [Истрин 1893:317].)

В западнорусских летописях XV-XVII вв. и в «Хронике» М. Стрыйковского содержатся тексты, повествующие о князе Швинтороге, который «сам определил место для своего сожжения и, видимо, сформулировал некоторые "нетрадиционные" условия-правила совершения похоронного обряда и выразил волю, чтобы эти правила соблюдались в отношении последующих литовских князей» [Топоров 1987a:28]. («**И просил** (Швинторог; здесь и далее выделено мною - Н.П.) **сына своего** Скирмонта, абы на том месцы было жглищо оучинено где бы его мертвого сожгли. и приказал сыну своему **абы по смерти его на том месцы где бы ег зжог и всих князей Литовских и знаменитых бояр сожено было**, и што бы вжо нигде инде телеса мертвых не были

сожены только там бо и перед тым жыгали тела мертвых на том месцы, хто где оумрет.» Цитируется по - «Кроиники великаго княжства Литовского и Жомойтскаго» [1907:251].)

Перечисленные выше примеры мифологизированных описаний установления нового (или реформирования существующего) погребального обряда свидетельствуют об особой («новационной») функции социокультурного лидера в данной сфере культуры. (Христианский же обряд трупоположения первоначально воспринимается представителями знати и лишь в дальнейшем происходит его **массовое** распространение.)

Впрочем, следует признать, что подобный характер распространения обряда трупоположения представлял собой лишь некую общую **тенденцию** трансформации погребальной сферы культуры - как показал недавно С.В.Белецкий [1995а:37-39; 1996; см. также - Кирпичников, Сарабьянов 1996:169-170], одно из **трупосожжений** в сопке 15-I (раскопки В.П.Петренко 1970 г.; северное Поволховье), судя наличию в нем подвески со знаком Рюриковичей, было совершено в **1010-1015** гг. и являлось захоронением представителя княжеской администрации. Необходимо отметить чрезвычайную важность в связи с рассматриваемым кругом вопросов места расположения данного погребения в сопке. Дело в том, что последнее (№3 по В.П.Петренко [А-1970-1971а:24-29; А-1970-1971б:38-39, 42, рис. 56-57, 60; 1977:56-58, рис. 1/1-3, 5, 2/2-10]) представляло собой скопление кальцинированных костей, примыкавшее к внешней стороны каменной обкладки насыпи. Таким образом, возникает вопрос: является ли данное скопление остатками погребения «сползшего» с вершины сопки или же оно может быть признано захоронением, **совершенным** близ подножия насыпи. Актуальность этого вопроса кажется очевидной - в случае, если захоронение находилось на вершине сооружения, речь может идти о «полноценном» функционировании сопки как погребального памятника. Изначальное же совершение рассматриваемого погребения представителя княжеской администрации (в начале XI в.) в основании насыпи свидетельствовало бы о некоей трансформации «исходного» механизма функционирования сопки. К сожалению, однозначное решение этого вопроса на основании существующей отчетной документации не представляется возможным (рис. 46).

IV.3. Исчезновение традиции возведения сопкок

В настоящее время наиболее распространенными являются две точки зрения на проблему связи исчезновения сопочной традиции и процесса появления новых типов погребальных памятников, относящихся к началу II тыс. н. э. Согласно одной из них сопки сменяются на Северо-Западе круглыми курганами с кольцевыми каменными обкладками основания насыпи и погребениями по обряду трупосожжения. В дальнейшем обряд трупосожжения вытесняется трупоположением при сохранении традиции сооружения курганов. Заключительный этап развития погребальных традиций Северо-Западной Руси в эпоху средневековья - жальничные захоронения [Седов 1982:169-180]. По мнению же В.Я.Концецкого, жальники и грунтовые могильники с погребениями по обряду трупоположения приходят на смену сопкам непосредственно. Курганы с трупоположениями восходят в своей основе к погребальным насыпям «культуры псковско-боровичских длинных курганов» [Концецкий 1984в:14; Концецкий А-1984а:193].

Следует признать, что построение подобных схем можно проводить только в одном случае - если механизм функционирования в культуре всех перечисленных типов погребальных сооружений был более или менее одинаков. Однако, вряд ли мы имеем дело в подобной ситуации в отношении традиции возведения сопкок и более

поздних типов погребальных памятников. В рассматриваемом случае наиболее правомерным и перспективным представляется анализ **конкретных** вариантов исчезновения сопочной традиции. Стоит отметить, что наиболее близко к подобному пути решения этого круга вопросов стоял Г.С.Лебедев [1981:27], полагавший, что «в каждом конкретном случае необходимо получить возможно полную картину развития культуры данного коллектива».

* * *

Наиболее «радикальный» вариант исчезновения традиции возведения сопок зафиксирован при раскопках сопки № 2 в группе сопок II у д. Сковородка в бассейне р. Плюссы (раскопки С.Л.Кузьмина [1989а:49-50] 1988 г.). «Исходное» функционирование указанного памятника выглядело следующим образом: остатки трупосожжений на стороне ссыпались **в течение какого-то времени** в дубовый ящик, располагавшийся в центре площадки (размерами 2.5 x 2.5 м) на вершине насыпи (общая высота сооружения достигала 3 м). Впоследствии ящик был сброшен со своего первоначального места, очевидно, в результате преднамеренного действия, на край площадки. (Часть кальцинированных костей вместе с деталями ящика сползла при этом вниз по склону насыпи.) После этого сопка была практически сразу же перекрыта слоем серого песка мощностью до 0.5 м, который и спас древесные остатки от разрушения.

Данный памятник (точнее говоря - погребения в дубовом ящике на вершине насыпи) датируется по вещевому и керамическому материалам второй половиной X - первой половиной XI вв. [Кузьмин 1989а:49, 1995а:88-89]. Радиоуглеродная дата самой деревянной конструкции укладывается в интервал 995-1020 гг. (определение С.Г.Попова [см. - Кузьмин 1991а:93, Кузьмин 1995а:88-89]).

Насильственное пресечение погребальных (и, видимо, сакральных) функций вышеописанной сопки (сбрасывание деревянного ящика, последовавшее за ним перекрывание действовавшего сакрально-погребального сооружения слоем песка) налицо. Данный вариант исчезновения сопочной традиции в силу его чрезвычайно «радикального» характера наиболее правомерно, видимо, связывать исключительно с воздействием неких «внешних сил» (прежде всего - представителей княжеской администрации и духовенства) на традиционные верования населения Северо-Западной Руси, возводившего сопки [см. - Петров 1993:83-84; Кузьмин 1995а:88-89; Попов 1995:100-101]. Саму же по себе возможность подобного вмешательства следует признать очевидной.

При раскопках древнерусских грунтовых могильников XI-XII вв. близ церкви Спаса на Нередице, у пос. Деревяницы в окрестностях Новгорода и около д. Шелгуново на Ловати В.Я.Конецким [А-1984б:3, 9, рис. 2, 8] были обнаружены окруженные рвами останцы, на которых располагались (сбивленные впоследствии) сопки. Разрушение сопок здесь, как и в предыдущем случае, связано, надо полагать, с участием представителей княжеской администрации и духовенства в процессе христианизации. Полное прекращение существования данных сооружений представляется очевидным, однако, возникновение на их месте грунтовых могильников говорит о некоей преемственности тех и других памятников в сфере погребальных функций.

* * *

Чрезвычайно любопытный пример уничтожения сопок представлен в результатах раскопок 1948, 1951-1952 гг. [Арциховский 1950:9; Седов 1953:92-103; Седов 1954а:105-108] в урочище Перынь под Новгородом. Как убедительно показал

В.Я.Конецкий [1995б:82-84; см. также - Клейн 1995:72-73], выявленные в ходе данных исследований рвы-подрезки, окружали собой материковые останцы сnivelированных впоследствии сопки (рис. 47).

Группа из трех (минимум!) сопок в урочище Перынь являлась крупнейшей в ильменском Поозерье. Единственным поселением, которое могло бы составлять единый комплект памятников с сопками в урочище Перынь, является селище на р. Прость. Возможность их непосредственной взаимосвязи допускалась еще С.Н.Орловым [1972:138; см. также - Носов 1990:177, 179]. Точности ради следовало бы предположить и иной вариант: поселение, связанное с сопками в Перыни могло также располагаться на месте будущего Юрьева монастыря. Однако, первоначальные культурные напластования здесь относятся лишь к XI в. [Булкин, Седых, Штендер 1985:127] (рис. 48).

Селище на р. Прость прежде всего выделяется своей площадью - 100000 кв. м [Орлов 1972:127-138; Носов 1991:15-16]; размеры прочих синхронных селищ в данном микрорегионе - от 8000 до 40600 кв. м [Носов 1991:10-37]. Существование селища в IX-X вв. не вызывает сомнений; при этом очевидно, что жизнь здесь продолжалась и в более позднее время - после X в. [Орлов 1972:137-138].

Таким образом, комплект памятников «Прость-Перынь» может рассматриваться как некий центр данного микрорегиона, связанный, надо полагать, с летописными *словами* [Петров 1996в:74-80, рис. 6].

Нивелировка сопок в урочище Перынь произошла через достаточно продолжительное время после их сооружения - поверхность рвов успела покрыться дерновым слоем [Седов 1953:93-94; Седов 1954а:105-106]. Керамический материал, происходящий из заполнения рвов, свидетельствует о функционировании данной группы сопок в качестве некоего сакрально-погребального комплекса в течение IX-X вв. [Седов 1953:98; Седов 1954а:106-107].

Уничтожением сакрально-погребального комплекса (группы сопок) в урочище Перынь, как показали раскопки, являлось тщательно продуманной акцией: ритуальные кострища во рвах, окружавших сопки, были перекопаны, а сами рвы - засыпаны в процессе одновременной нивелировки сопок [Седов 1953:94, 96, 99; Седов 1954а:107]. На первый взгляд, разрушение насыпей бесспорно следует связывать с событиями 988-989 гг. - крещением Новгорода (см. - Новгородская первая летопись [1950:159-160]). Думается, однако, что здесь следует обратить внимание на несколько более раннюю дату - 980 г., когда в урочище Перынь был установлен идол Перуна: «И пришед Добрыня къ Новугороду, постави Перуна кумиръ над рекою Волховомъ, и жряху ему людие новгородстеи акы богу» (цитируется по Новгородской первой летописи [1950:128]; см. также - Лаврентьевская летопись [1962:79]).

Л.С.Клейн [1995:72] почему-то считает, что «по летописи его (идол Перуна - Н.П.) ставили в городе, а не за городом». Однако, летописные известия не дают оснований для столь однозначного утверждения. Топографическая привязка места расположения идола Перуна, поставленного Добрыней, к урочищу Перынь в истоке Волхова вряд ли может вызывать сомнения [Строгова 1993:8-9; Носов 1984а:29-30; Носов 1990:178-179; Конецкий, Носов 1985:32]. Но, в таком случае, «Перуна кумиръ» топографически был скорее связан с княжеской резиденцией на Рюриковом городище, чем с почти сформировавшейся поселенческой структурой, развившейся на основе «предновгородских» поселков (рис. 48). Это предположение может быть подкреплено еще одним соображением.

Связь антропоморфных изображений (идолов) Перуна, прежде всего, с княжеско-дружинной социокультурной средой уже отмечалась исследователями. Подобные изображения появляются «в среде господствующего класса, где Перун становится покровителем князя и дружины, и его культ приобретает отчетливо выраженный военный характер» [Даркевич 1961:101]. Идол Перуна, поставленный Добрыней, был, таким образом, «ориентирован», в основном, на представителей княжеского военно-административного аппарата, проживавших в это время на Рюриковом городище [см. также - Носов 1990:194]. Подобная ситуация представляется вполне естественной с учетом того, что так называемая «языческая реформа» Владимира Святославича 980 г. (в связи с которой идол Перуна и устанавливается в истоке Волхова) являлась первоначальной попыткой введения общегосударственной идеологии [Страхов 1985:80; см. также - Аничков 1914:263].

Группа сопок в Перыни, как уже было отмечено выше, функционировала в качестве некоего сакрально-погребального центра словенской знати Поозерья. Таким образом, сосуществование в пределах одного сакрального центра сопок и идола Перуна допустить довольно сложно. Невозможность подобного сосуществования становится еще более очевидной с учетом чрезвычайно сложных, напряженных взаимоотношений княжеской власти и местной родоплеменной словенской знати. Все изложенное позволяет отнести разрушение группы сопок в урочище Перынь к 980 г. и связать его с основанием на этом месте культового центра представителей княжеской власти. Несмотря на то, что полное прекращение существования сопочных сооружений в данном случае очевидно, возникновение на их месте «иностранного» культового центра говорит о некоей «территориальной» преемственности отмеченных объектов в сфере сакральных функций.

Очевидно, что охарактеризованные выше события 980 г. должны были повлечь за собой утрату поселением на р. Прость статуса центра словенской знати Поозерья. (Функционирование же данного поселка как такового продолжалось и в более позднее время.) В связи с этим любопытно отметить, что в дальнейшем - на рубеже XI-XII вв. - рассматриваемое поселение входит в состав первоначальных княжеских доменальных земель под Новгородом [Янин 1981:241-249].

* * *

Весьма яркой «иллюстрацией» процесса исчезновения сопочной традиции являются рассматривавшиеся выше результаты раскопок «каменной насыпи» в курганно-жальничном могильнике Удрай-II. Необходимо обратить внимание на то, что множество деталей конструкции данного сооружения (прежде всего - мощная каменная обкладка основания), равно как и его монументальный облик в целом ассоциируются с архитектурой сопок [Платонова 1992:104; Петров 1993:85-86; Кузьмин 1995a:89-90].

Следует отметить, что погребенные в «каменной насыпи» вряд ли представляли собой «поверхностно христианизированную **местную** (выделено мною - Н.П.) знать» [см. - Платонова-Залевская 1983:33-34; Платонова 1992:102-104; Платонова А-1988a:42-44, 47-48, 195-220]. «Дружинный» инвентарь в сочетании с традицией захоронения в деревянных камерах позволяет считать погребенных представителями этносоциальной структуры иностранной по отношению к местному населению. Видимо, их появление в данном регионе было связано с процессами окняжения. Сходной точки зрения придерживается и С.Л.Кузьмин [1995a:90], по мнению которого, «каменная насыпь» «занимает... как бы конечное положение в цепочке сопочных древностей».

* * *

Продолжение функционирования сопок в качестве погребальных памятников со всей очевидностью прослеживается по материалам раскопок впускных труположений в подобных сооружениях (далее - ВТПС). Исследования, **непосредственно** посвященные данной группе древностей, до сих пор не предпринимались. Между тем, еще В.С.Пономарев [А-1938:62] справедливо заметил: «Изучая новгородские сопки, необходимо остановиться на могильниках с труположениями, расположенных подле основания некоторых из них и на многочисленных впускных погребениях, часто встречающихся в насыпях». Выделение же ВТПС в качестве особой подгруппы подобных погребений, совершавшихся в курганных насыпях данного региона, возведенных в предшествующую эпоху (вторая половина I тыс. н. э.), мы склонны считать вполне правомерным [Панченко, Петров 1996:31-32]. Монументальный внешний облик, достаточно жесткая ландшафтная приуроченность, расположение в зонах активной хозяйственной деятельности сельских жителей Северо-Запада II тыс. н. э. - все это отличает сопки от прочих погребальных древностей второй половины I тыс. н. э. и позволяет предполагать, что подобные различия (во всяком случае - на уровне визуальной идентификации) осознавались и учитывались носителями тех или иных традиций вторичного ритуального использования данных памятников.

Обращаясь к ВТПС, исследованным археологическими раскопками, необходимо сразу же отметить принципиальные различия, связанные с количеством выявленных в тех или иных сопках труположений. В ряде случаев они представлены лишь несколькими захоронениями и относятся к сравнительно раннему периоду. Таково, например, парное погребение в насыпи № 2 из группы сопок Пристань-III у д. Пристань (рис. 49), совершенное не позднее конца XII в. (раскопки С.Л.Кузьмина [1992а:20] 1989 г., бассейн р. Оредеж). Однако гораздо чаще ВТПС исчисляются десятками. Так, в насыпи I из группы сопок у б. д. Раглицы (верховья р. Луга) М.В.Шориным [1992:46-47] в 1990 г. было выявлено 79 труположений, большинство из которых относилось к XIV-XVI вв.

Очевидно, что ВТПС, близкие первому из приведенных примеров - захоронения неких людей, которые по каким-то причинам не могли быть погребены на обычном сельском кладбище: курганном, жальничном или грунтовым могильнике. То есть в подобных случаях вторичное использование сопки не было связано с общепринятым, массовым обрядом захоронения умерших членов сельской общины. С другой стороны, ВТПС, исследованные у б. д. Раглицы (как и множество других подобных погребений), свидетельствуют о том, что многие сельские кладбища первой половины II тыс. н. э. располагались именно на сопках и близ их подножий. В связи с этим стоит отметить, что к сопкам у б. д. Раглицы вплотную примыкал курганно-жальничный могильник, содержащий труположения XI-XII - XIV-XVI вв. (раскопки Т.Л.Верхорубовой 1981-1983 гг. и М.В.Шорина 1988-1990 гг. [см. - Шорин 1989:14-16; Шорин 1990:26-27]).

Существенную помощь в конкретизации высказанного выше соображения оказывает привлечение фольклорно-этнографических материалов. Фольклорная традиция, естественно, не различает погребальные памятники, принадлежащие разным археологическим группам древностей, и делит их в соответствии с характерными конструктивными признаками или по иным критериям. Так, по наблюдению И. Г. Данилова [1890:21, 23], в деревнях юга Лугского уезда высокие конические и полусферические насыпи (принадлежащие как «культуре сопок», так и «культуре псковско-новгородских длинных курганов») называли «сопками», а древнерусские курганы и жальники - «древними могилами». При этом, однако, сопки чаще всего воспринимаются как несомненно могильные сооружения.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют выделить ряд специфических обрядовых действий, соотнесенных с сопками. Они, в свою очередь, распадаются на две группы. С одной стороны, погребальные насыпи могли служить деревенскими кладбищами и даже местными святынями. (На многих сопках Новгородчины в XIX в. стояли часовни и функционировали обычные кладбища [Кулжинский 1861:151-153; Смирнов 1930:10].)

Такова, например, «Шум-гора», насыпь №5 в группе сопек Заполье-I (верхнее Полужье), с которой связывалось предание о провалившейся церкви и некоторые поверья [см. - Быстров 1879:389-393; Панченко 1995:264-265]. В первое воскресенье по Троице (неделю Всех Святых) сюда собирались жители окрестных деревень. Считалось, что в этот день сопка может исцелить от головной боли; если же опустить голову в яму на ее вершине, то удастся «услышать звон» колокола провалившейся церкви. В середине прошлого века к «Шум-горе» ходил крестный ход. Богомольцы трижды обходили вокруг насыпи с зажженными свечами, а потом поднимались на вершину и «слушали звон». В ту же яму на вершине насыпи клали деньги, лоскутки ситца и обрывки лент.

На одиночной сопке у д. Стёпаново в северной части Молого-Мстинского водораздела, по рассказам местных старожилов, в прошлом «жгли Масленицу» и «катали яички на Пасху». По словам старожилов дд. Бельково и Стёпаново, на сопки близ д. Бельково (группа сопек Бельково-IV) до недавнего времени «ходили на Пасху Христа кричать (то есть - петь пасхальный тропарь «Христос воскрес из мертвых» - Н.П.) и поминать родителей»; «на сопках этих Масленцу жгли» [полевые записи Н.И.Петрова 1996 г.].

С другой стороны, некоторые насыпи служили местом захоронения «нечистых» покойников. Так, на вершине сопки («сопка Космовского») близ д. Коровитчино на р. Ловать был похоронен застрелившийся в 1850-х годах офицер (по его-то фамилии и была названа сопка). Над могилой самоубийцы стоял деревянный крест. А у подножья той же насыпи похоронили цыганку и утонувшего татарина [Ивановский 1881:60, 64]. К 1865 г. относится следующее сообщение: «В одной из сопек (на берегу Мсты, в 1 км от Морозовского погоста Крестецкого уезда Новгородской губернии - Н.П.) сказывают старики, погребен негр, живший у помещика...» [Новгородский сборник 1865:53]. Иногда предания о покойниках в сопках принимают курьезный характер. Так, о сопке (с которой связываются и предания о «Литве») у д. Шепни (Старорусский район Новгородской области) А.А.Селин в 1992 г. записал следующее: «Сопка на кладбище. В ней захоронены китайцы. Когда-то здесь была война, напали на Советский Союз китайцы, и все они здесь захоронены».

На наш взгляд, археологические материалы (в сочетании с фольклорно-этнографическими данными) дают возможность связывать первый этап вторичного использования сопек в качестве погребальных сооружений (условно - домонгольское время) прежде всего с захоронениями «нечистых» покойников. **Достоверные** случаи выявления **массовых** ВТПС XI-XII вв. нам не известны.

Возвращаясь к приводившемуся выше примеру, отметим, что подавляющее большинство датированных этим временем труположений в могильнике у б. д. Раглицы не было связано **непосредственно** с сопочной насыпью и лишь одно (из 79!) ВТПС здесь может быть отнесено ко времени не позднее конца XII в. [Шорин 1992:46]. Федовский могильник XI-XII вв. на Мсте (раскопки А.А.Ширинского-Шихматова 1903 г.) первоначально располагался только у **оснований** сопек и лишь в XII в. захоронения по обряду труположения стали совершаться в теле одной из насыпей (рис. 50) [Конецкий 1981а:91, 95]. В сопке же у б. д. Михаила Архангела, к

внешней стороне каменной обкладки основания которой также примыкал грунтовый могильник XI-XII вв., впускные труположения отсутствовали вовсе (раскопки Н.Е.Бранденбурга [1895:140, рис. 27; см. также - Петренко 1980б:73] 1886 г., северное Поволховье). Наконец, грунтовый могильник с труположениями XI-XII вв. у пос. Деревяницы (как и ряд других памятников, относящихся к данной группе древностей) был устроен на месте разрушенной, **сознательно** сnivelированной сопки (раскопки В.Я.Конечского [1984б:40; см. также - Петров 1993:84] 1977-1979 гг., окрестности Новгорода). Видимо, население Северо-Запада в XI-XII вв. помнило о том, чем являлись сопки в предшествующую эпоху.

Изложенные выше наблюдения позволяют предположить, что лишь с XIII-XIV вв. (во всяком случае - не ранее) сопки включаются в «позитивный» контекст сельской погребальной обрядности⁸⁸. Впрочем, намеченное нами хронологическое различие статусов тех или иных ВТПС может рассматриваться лишь как **общая тенденция** развития представлений, связанных с традицией совершения труположений в сопке. Возможно, что на некоторых сопках сельские кладбища возникают уже в XII(!)-XIII вв. - 27 впускных⁸⁹ захоронений XII-XIV вв. встречены при исследовании сопки⁹⁰ у д. Репьи (рис. 51; раскопки Г.С.Лебедева [1978а:93-94, рис. 1] 1972 г., верхнее Полужье). С другой стороны, очевидно, что представления о сопке как о «нечистом» месте продолжали существовать и в новое время, и в эпоху позднего средневековья. Так, при исследовании сопковидного кургана у д. Романово (раскопки С.В.Белецкого 1974-1975 гг., окрестности Пскова) было обнаружено женское погребение, совершенное в XVI-XVII вв. на каменной вымостке, примыкавшей с внешней стороны к каменной обкладке основания насыпи (рис. 52). Положение скелета (заваленного сверху крупными камнями) возможно свидетельствует о захоронении заживо [Белецкий 1986:178, 180-182, рис. 5, 7]. Отнесение погребенной к заложным покойникам представляется, таким образом, вполне правомерным.

* * *

С момента выхода в свет (1916 г.) книги Д.К.Зеленина «Очерки русской мифологии» в отечественной этнографии утвердилось представление о том, что в народной культуре отчетливо различаются два разряда умерших: предки («родители») и нечистые («заложные») покойники. Между тем (и это явствует даже из материалов, приведенных Д.К.Зелениным), такое противопоставление оказывается не столь уж жестким. Погребальная культура восточных славян XIX-XX вв. представляет собой сложный конгломерат верований и обрядовых действий, характеризующихся и «отрицательными», и «положительными», и промежуточными эмоциональными тенденциями. Народные представления об умерших были, очевидно, амбивалентны. Восприятие «иногo» (в том числе и загробного) мира в фольклорной

⁸⁸ По мнению С.Л.Кузьмина [1992а:22], «с распространением христианства сопки сохраняли прежнюю роль: служили местом традиционного захоронения...». Подобное представление о характере вторичного ритуального использования сопок кажется нам чересчур упрощенным, особенно — если речь идет о домонгольском времени.

⁸⁹ «...Большинство репьевских труположений, — отметил Г.С.Лебедев [1978а:98], — не могут быть трактованы как впускные захоронения». К сожалению, исследователь не сопроводил это замечание какими-либо комментариями. Между тем, описание погребений и опубликованная графическая документация убеждают совершенно в обратном. Нет никаких оснований отрицать и впускной характер труположений, выявленных в ряде других подобных же памятников [см. — Лебедев, Рябинин 1978:159].

⁹⁰ Здесь и далее мы используем термин «сопка», не останавливаясь на характере связи той или иной **конкретной** высокой погребальной насыпи с сопочной традицией, так как речь идет о **вторичном** ритуальном использовании подобных памятников.

культуре может колебаться в рамках оппозиции «чистое» - «нечистое» (и сродных ей), но может быть и внеположено этому противопоставлению. Поэтому сосуществование различных традиций вторичного ритуального использования сопок в эпоху средневековья и в новое время вполне допустимо.

Так или иначе, вторичная ритуализация погребальных насыпей этого типа основана на представлении об их медиативном, пограничном положении. Такая ситуация, по-видимому, позволяла фольклорному сознанию воспроизводить и воссоздавать различные элементы раннесредневековых мифологических представлений. Можно предположить, что на протяжении всего нашего тысячелетия сопки играли не последнюю роль для того напряженного и обостренного чувства пространства, которое питало народную мифологию ландшафта.

Заключение

Сложность рассмотренного в данной работе материала вряд ли может вызывать сомнения. С одной стороны, очевидно наличие лакун в источниковой базе, обусловленное уровнем полевого исследования значительного числа высоких курганов Северо-Запада. Впрочем, заполнение подобного рода «белых пятен» в ходе дальнейших целенаправленных раскопок представляется вполне осуществимой задачей. С другой стороны, информативность данной группы погребальных древностей в значительной степени ограничена внутренне ей присущей спецификой. Здесь следует упомянуть отсутствие возможности рассматривать «поверхностные» захоронения в сопках в качестве закрытых комплексов, сложность в разделении скопления кальцинированных костей обнаруживаемых в подобных памятниках на погребения (в полном смысле этого слова) и жертвенные человеческие захоронения, чрезвычайное типологическое разнообразие сопочных сооружений. Таким образом, **любая** интерпретация памятников, относящихся к этой группе курганных древностей, с учетом сегодняшнего уровня разработки источниковой базы будет являться не более чем рабочей гипотезой.

Важно, однако, отметить, что перечисленные выше специфические характеристики сопок стали отчетливо осознаваться исследователями лишь в результате изысканий двух последних десятилетий (в том числе - в результате проверки тех или иных рабочих гипотез, не получивших впоследствии поддержки) и, таким образом, безусловно могут рассматриваться как очередной существенный шаг в осмыслении подобных погребальных сооружений. Посильным вкладом в это направление источниковедческого анализа сопочных древностей является и настоящая диссертация. На взгляд автора, предпринятое исследование позволяет считать достаточно убедительными следующие выводы.

Сопоставление ареала распространения традиции возведения сопок (даже с учетом «расплывчатости» его локализации) и территории расселения летописных **словен** следует признать неправомерными. Подобная несопоставимость отнюдь не является исключительным следствием отсутствия необходимой информации в письменных источниках или неравномерной изученности сопочных сооружений в различных микрорегионах Северо-Запада. Речь идет о нарушении методической корректности при прямолинейном сопоставлении термина письменного источника, используемого в древнерусской книжной традиции при описании событий IX-X вв., и традиции возведения монументальных сакрально-погребальных сооружений, бытование которой соотносится с «культурным пространством» Северо-Западной Руси в целом и связывается как (и прежде всего) с местной родоплеменной знатью, так и с княжеской администрацией - **русью**.

Накопленные в ходе полевых изысканий последнего десятилетия материалы свидетельствуют о том, что сопки недопустимо рассматривать в качестве определяющего показателя археологической культуры сопок. Более того - чрезвычайно сложная, динамичная историко-культурная ситуация на Северо-Западе Руси в рассматриваемый период (последняя четверть I тыс. н. э.), его насыщенность различными резкими трансформациями «сети» культурных традиций заставляют с особой осторожностью отнестись к признанию в данном случае имеющихся археологических материалов некоей **упорядоченной** совокупностью древностей (археологической культурой), отражающей культурно-исторические реалии.

Выявление собственно сопок среди всего массива высоких курганных сооружений Северо-Запада представляется возможным прежде всего для памятников исследованных раскопками, так как лишь принцип организации внутренней структуры насыпи выступает в качестве признака (группы признаков), позволяющего выделить различные самостоятельные традиции возведения больших погребальных насыпей. Однозначное же отнесение к определенной традиции того или иного конкретного высокого кургана до проведения его раскопок оказывается практически невозможным.

Значительное число исследованных раскопками сопок представляют собой сооружения, погребальные функции которых реализовывались лишь после окончательного возведения насыпи. «Поверхностные» захоронения на вершинах подобных курганов совершались неоднократно и не одновременно. Наиболее правомерное объяснение перекрывания «поверхностных» захоронений дополнительной «итоговой» насыпью - предположение о целенаправленной засыпке носителями традиции возведения сопок погребального комплекса, прекратившего свое функционирование, не исключающее впрочем возможности и иной трактовки данных элементов подобных памятников. Скопления человеческих кальцинированных костей в «теле» насыпей с учетом целого ряда косвенных аргументов можно предположительно рассматривать в качестве жертвенных захоронений. Однако, основания для **полного** исключения возможности существования традиции поэтапного возведения сопок (с совершением захоронений лидеров общин на каждом этапе) отсутствуют.

Неоднократно предпринимавшееся исследователями сопоставление сопок с сообщением «Повести временных лет» о погребениях «на столпе на путях» ни в коем случае нельзя признать правомерным. С другой стороны, реминисценции, связанные с сопками, обнаруживаются в «Хронографическом рассказе о Словене и Русе и городе Словенске» из Хронографа 1679 г., а также - в «Сказании о холопье войне». Наконец, монументальность сопок позволяет предположить их связь с отраженными в волшебных сказках представлениями о *горе*, отделяющей мир мертвых от мира живых, а также о локализации *того света* на *горе*.

Наличие особых сакральных функций сопок не может являться поводом для интерпретации их внутренней структуры в качестве предметной реализации модели мира. Сопка сама по себе выступает как один из основных ее элементов. Можно допускать выполнение подобными сооружениями функции «организаторов» сакрального «уровня» реального географического пространства. Семантическая же нагрузка элементов их «конструкции» связана со стремлением к максимально адекватному воплощению данной «составляющей» модели мира в конкретной насыпи. Объяснение отсутствия типологического единства сопок следует искать не только в том, что они отразили собой некую неустоявшуюся традицию, но и в характере дохристианских верований населения их возводившего - конкретные «составляющие» комплекса религиозных представлений восточных славян оказываются относительно едиными лишь в своих узколокальных вариантах.

Возникновение сопок в северном Поволжье соотносится со временем после рубежа VIII-IX вв. и, видимо, сопоставимо с формированием в Поволжье и ильменском Поозерье в начале IX в. новой поселенческой структуры, образованной выходцами из верхнего Поднепровья. Истоки сопочной традиции (с учетом отсутствия соответствующих материалов) вряд ли следует

связывать с какими-либо импульсами извне. Представление о необходимости погребения социального лидера в высоком кургане являлось в значительной степени универсальным, архетипическим в варварских обществах и вполне могло сформироваться в данном регионе самостоятельно.

Исчезновение традиции возведения сопки являлось многовариантным процессом, который может быть охарактеризован здесь двумя его крайними проявлениями - уничтожением сопки с последующим возникновением на ее месте грунтового могильника с погребениями-труположениями, с одной стороны, и, с другой стороны, возведением высокой курганной насыпи над безусловно христианским захоронением. Необходимо отметить, что данный процесс неразрывно связан с христианизацией Северо-Западной Руси и распространением в этом регионе погребального обряда труположения.

Особое место во вторичном ритуальном использовании сопки на протяжении всего II тыс. н. э. следует отнести впускным труположениям, представлявшим собой на первом этапе подобного использования (домонгольское время) захоронения заложных покойников. С XIII-XIV вв. сопки включаются в «позитивный» контекст сельской погребальной обрядности. Намеченное хронологическое различие может рассматриваться лишь как общая тенденция. Возможно, что на некоторых сопках сельские кладбища возникают уже в XII-XIII вв. Представления же о сопке как о «нечистом» месте существуют до сих пор. Причина «размытости» подобных представлений связана со спецификой фольклорной культуры, в которой восприятие «иног» мира может колебаться в рамках оппозиции «чистое» / «нечистое», но может располагаться и вне ее.

* * *

Неоднократно отмеченное в последнее время, отсутствие среди сопки отчетливого типологического единства (привычно ожидаемого при обращении к той или иной группе погребальных древностей) послужило поводом для высказывания предположений о соответствующем отсутствии единой традиции сооружения курганных насыпей, соотносимых с термином «сопка» [см. например - Петренко 1994:114-115]. В ходе устных дискуссий 1990-х гг., не нашедших пока отражения в публикациях, отмечалась даже перспективность отказа от самого термина. В связи с этим уместно процитировать следующее замечание П.А.Флоренского [1990:225], характеризовавшего научные термины как «какие-то границы, какие-то межмысли»: «Нет ничего легче, как нарушить эти границы и сместить межвые камни. Физически это - легчайше. Но для посвященного, они табу для нашей мысли, ибо ею же в этом значении и установлены, и мысль знает в них хранителя своего естественного достояния...» Здесь же стоит вспомнить и «позитивистскую мечту» о научной терминологии, проявляющуюся в стремлении «сделать научный язык нейтральным, "отшлифовать" его, ... очистить от неподобающих случайностей (как будто они никак не относятся к его сущности)...» [Фуко 1994:320-321]. Думается, что несостоятельность термина может быть признана лишь в случае очевидного отсутствия связи между причинами, побуждающими предполагать подобную несостоятельность, и отражаемыми этим термином реалиями.

Возвращаясь к сопкам необходимо отметить, что дальнейшие перспективы их изучения связаны, на мой взгляд, прежде всего с поиском (среди синхронных восточно- и североевропейских древностей) истоков различных конкретных элементов данных сооружений. Актуальность этого круга вопросов была отчетливо продемонстрирована еще в 1970 г. В.В.Седовым [1970:12-22, 29-33]. Подобного рода

изыскания (с учетом самостоятельного формирования сопочной традиции как таковой) позволят рассматривать сопки в контексте развития погребальной обрядности (и соответствующих традиционных дохристианских верований) населения Восточной Европы в целом.

Библиография

Источники

Афанасьев А.Н. *Народные русские сказки*. Т. I. М., 1984.

Гельмольд. *Славянская хроника*. М., 1963.

Грамота Новгородского архиепископа Феодосия в Воцкую пятину // Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1846.

[*Житие Константина, Муромского князя, и его сыновей Михаила и Федора*] / Повесть о водворении христианства в Муроме // Памятники старинной русской литературы, издаваемые... под редакцией Н.Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. 1. СПб., 1860.

[*Иларион*.] О законе Моисеомъ данеемъ, и о благодати и истинне Иисусъ Христомъ бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать (же) и истина всю землю исполни, и вера въ вся языки простресе и до нашего языка русьскаго, и похвала кагану нашему Владимиру, отъ негоже крещени быхомъ (и молитва къ Богу отъ всеа земли нашеа) / Калугин Ф.Г. Илларион, митрополит Киевский, и его церковно-учительные произведения // Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. 1. СПб., 1894.

[*Иоакимовская летопись*.] Глава 4. О истории Иоакима епископа новгородскаго. [Ответ архимандрита Мелхиседека Борсчова на письмо В.Н.Татищева от 20 мая 1748 г.] / Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. М. - Л., 1962.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.

[*Каменевич-Рвовский Т. Историческое и древнее описание и сказание всем вам есть о сем во указание о начале родов московского рода и словенороссийского превеликого народа*] // Бережков М.Н. Старый Холопий городок на Мологе и его ярмарка // Труды седьмого АС в Ярославле. 1887. Т. 1. М., 1890.

[*Кроеники великаго княжства Литовского и Жомойтскаго*.] Список Археологического общества // ПСРЛ изданное по высочайшему повелению Императорскою Археографическою комиссиею. Т. XVII. Западнорусские летописи. СПб., 1907.

Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку // ПСРЛ. Т. 1. М., 1962.

Лев Диакон. *История*. М., 1988.

Лена Салиндер' сё (Песня Лены Салиндер) / Пушкарева Е.Т. Личные песни ненцев // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990.

Летописец Переяславля Суздальского составленный в начале XIII века, (между 1214 и 1219 годов), издан К.М.Оболенским. М., 1851.

[*Макарий Египетский*.] *Преподобного Отца нашего Макария Египетского, нареченного Великим, Духовные преполезные Беседы...* Ч. I. М., 1851.

ал-Мас'уди. Мурудж аз-захаб (Золотые луга) // Матвеев А.С. О подходе к использованию сведений восточных источников о русах и славянах. СПб., 1998* (в печати).

Межевая 20 июля 1585 года поместья детей боярских Ивана Корина с товарищами Климетцкого погоста в Тесове, Вотской пятины // Самоквасов Д.Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV-XVII столетий. Т. 2. М., 1909.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. - Л., 1950.

Оуказъ же поганскои прельсти сице иже Совия богомъ нарицают // Истрин В. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893.

Проложные жития благов. княгини Ольги / Тексты // Серебрянский Н. Древне-русские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты.) М., 1915.

- Псевдо-Кесарий. Ответы на вопросы // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I-VI вв.) М., 1994.*
- Сага об Эгиле // Исландские саги. М., 1956.*
- Сага об Эйрике Рыжем // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.*
- Сага о Ньяле // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.*
- Сага о Хёрде и островитянах // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.*
- Слово блаженного Серапиона о малOVERЬЕ // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.*
- Слово Кирила недостойного мниха по пасце, похваление въскресения, и о арътусе, и о Фомине испытаньи ребр господних / Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского. IV. 3 // ТОДРЛ. XIII. М. - Л., 1957.*
- Слово некоего христолюбца и ревнителя по правой вере / Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Том II. Древне-русские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе // Записки Императорского Московского Археологического института имени императора Николая II. Т. XVIII. М., 1913.*
- Слово святого Феодосья игумена Печерьскаго монастыря о вере крстьяньской и о латыньской/ Еремин И.П. Из истории древне-русской публицистики XI века. (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах.) // ТОДРЛ. Т. II. М., 1935.*
- Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980.*
- Хронографический рассказ о Словене и Русе и городе Словенске // ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977.*

Исследования и публикации

- Александров А.А. 1988. Неуловимый погребальный обряд // АИППЗ. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков.*
- Александров А.А. 1994. Ольгинская топонимика, выбутские сопки и руссы в Псковской земле // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В.Д.Белецкого. СПб.*
- Аникович М.В. 1989. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА. № 4. М.*
- Аничков Е.В. 1914. Язычество и Древняя Русь / Христианизация варварских народов Европы. Части I и II // Записки Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. Часть СХVII. СПб.*
- Арешян Г.Е. 1978. Культурно-исторический подход к изучению этнических общностей в археологии // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван.*
- Артамонов М.И. 1967. Вопросы расселения восточных славян и советская археология // Проблемы всеобщей истории. Историографический сборник. Л.*
- Артемьев А.Р. 1991. О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле // МАНЗ. 1990. М.*
- Арциховский А. 1930а. Раскопки 1929 г. в Новгородском округе // Материалы и исследования. [Новгородский государственный музей.] Новгород.*
- Арциховский А.В. 1930б. Курганы вятичей. М.*
- Арциховский А.В. 1936. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле // СА. № 1. М. - Л.*
- Арциховский А.В. 1950. Раскопки в Новгороде // КСИИМК. Вып. XXXIII. М.*
- Аун М. 1992. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Таллинн.*

- Байбурин А.К.* 1993. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.
- Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* 1990. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.
- Башенькин А.Н.* 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. - I тыс. н. э. // Славяно-русские древности. Вып. 3. (Проблемы истории Северо-Запада Руси.) СПб.
- Башенькин А.Н., Иванищева М.В.* 1988. Раскопки сопки и курганов Усть-Бельского могильника на р. Кобоже // ННЗИА. (Тезисы научно-практической конференции.) Новгород.
- Белецкий С.В.* 1986. Курган у деревни Романово под Псковом // СА. № 3. М.
- Белецкий С.В.* 1988. К вопросу о начале распространения на Псковщине христианства // АИППЗ. Тезисы докладов к предстоящей научной конференции по теме «Древнерусское язычество и его традиции». Псков.
- Белецкий С.В.* 1995а. К проблеме выявления «узловых экспонатов» в историко-археологической экспозиции // Музей в современной культуре. Тезисы докладов на научной конференции. СПб.
- Белецкий С.В.* 1995б. Несколько замечаний о языческом некрополе Пскова // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-22 декабря 1995 г. Материалы к чтениям. СПб.
- Белецкий С.* 1996. Подвеска со знаком Рюриковичей // *Austrvegr*. Восточный путь. Журнал любителей старины. № 2. Таллинн.
- Бельский С.В., Волковицкий А.И.* 1996. К проблеме соотношения погребальных ритуалов сопки Нижнего Поволжья и курганов Юго-Восточного Приладожья // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов тематической научной конференции. Санкт-Петербург. 23-25 апреля 1996 г. СПб.
- Бержков М.Н.* 1890. Старый Холопий городок на Мологе и его ярмарка // Труды седьмого АС в Ярославле. 1887. Т. 1. М.
- Бернштам Т.А.* 1989. Русская народная культура и народная религия // СЭ. № 1. Январь - Февраль. М.
- Бессарабова З.Д.* 1995. Охранные работы сотрудников Староладожского музея в урочище «Сопки» // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-22 декабря 1995 г. Материалы к чтениям. СПб.
- Богданов К.А.* 1995. Повседневное в фольклоре // Судьбы отечественной словесности XI-XX веков. Тезисы докладов научной конференции молодых ученых и специалистов. СПб.
- Богословский Н.Г.* 1878а. Раскопка курганов в Тесове... / VIII. Двадцать четвертое заседание Комитета 17-го Августа 1878 г. / Антропологическая выставка Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 2 / Труды Антропологического Отдела, т. 4 // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете, т. XXXI. М.
- Богословский Н.Г.* 1878б. Раскопка близ деревни Родивонова / VIII. Двадцать четвертое заседание Комитета 17-го Августа 1878 г. / Антропологическая выставка Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 2 / Труды Антропологического Отдела, т. 4 // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете, т. XXXI. М.
- Богословский Н.Г.* 1878в. Раскопка близ деревни Ушерски / VIII. Двадцать четвертое заседание Комитета 17-го Августа 1878 г. / Антропологическая выставка Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 2 / Труды Антропологического Отдела, т. 4 // Известия Императорского общества любителей

естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете, т. XXXI. М.

Богуславский О.И. 1988. Древнейший погребальный памятник Юго-Восточного Приладожья // ННЗИА. (Тезисы научно-практической конференции.) Новгород.

Богуславский О.И. 1994. Новые открытия в Юго-Восточном Приладожье // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.

Богуславский О.И., Мачинская А.Д. 1993. Сясьское городище и поселения нижнего Поволховья (опыт сопоставления) // ПАВ. Вып. 6. (Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Сборник археологических статей в честь 56-летия Дмитрия Алексеевича Мачинского.) СПб.

Бранденбург Н.Е. 1890. О признаках курганных могил языческих славян в северной полосе России // Труды седьмого АС в Ярославле. 1887. Т. 1. М.

Бранденбург Н.Е. 1895. Курганы южного Приладожья // МАР. Т. 18. СПб.

Булангина Т.В. 1987. Слово некоего христороубца и ревнителя по правой вере // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI - первая половина XIV в.) Л.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. 1978. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. Л.

Булкин В.А., Мачинский Д.А. 1986. Русь конца VIII - начала X вв. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне. (Проблемы историко-культурных контактов.) Сыктывкар.

Булкин В.А., Седых В.Н., Штендер Г.М. 1985. К ранней истории Хутынского и Юрьева монастырей // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.

Буров В.А. 1993. Образ мировой горы у новгородских кривичей и словен // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). 7-9 декабря 1993 г., Москва. Тезисы докладов. М.

Быстров М. 1879. Остатки старины близ Передольского погоста, Лужского уезда, С.-Петербургской губернии // Известия Императорского археологического общества. Т. IX. Вып. 4. СПб.

Волковицкий А.И. 1995. Еще раз о пояском наборе из сопки № 140 // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-22 декабря 1995 г. Материалы к чтением. СПб.

В.Т. 1868. Ладожские древности // Известия Императорского РАО. Т. VI. Отд. 2. Разд. III (Смесь). СПб.

Высоцкий А.Л. 1990. Традиционно-инновационный процесс в археологии // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. Избранные доклады всесоюзной конференции молодых ученых. Москва, 20-23 апреля 1990 г. М.

Гальковский Н. 1913. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Том II. Древне-русские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе // Записки Императорского Московского Археологического института имени императора Николая II. Т. XVIII. М.

Гальковский Н.М. 1916. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Том I. Харьков.

[*Глазов В.Н.*]. 1903. Отчет В.Н.Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб.

Голубева Л.А. 1973. Весь и славяне на Белом озере X-XIII вв. М.

Григорьев Г.П. 1972. Культура и тип в археологии: категории анализа или реальности? // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М.

Гудим-Левкович А.Н. 1994. Методологические проблемы типологического метода в археологии // РА. № 2. М.

- Гуревич А.Я. 1972. Категории средневековой культуры. М.
- Гуревич А.Я. 1990. Народная магия и церковный ритуал // Механизмы культуры. М.
- Давидан О.И. 1976. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки // Археологический сборник. Вып. 17. Л.
- Данилов И.Г. 1890. Раскопки слушателями Института курганов в Гдовском и Лугском уездах С.-Петербургской губ. и Валдайском уезде Новгородской губ. // Сборник Археологического Института. Кн. III. СПб.
- Даркевич В.П. 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. № 4. М.
- Девонина В.А. 1994. Семантика горы в русской фольклорной традиции // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Всероссийская научная конференция 11-14 мая 1994 г. Тезисы докладов. (...) Секция 8. Этнографические проблемы духовной культуры. (...) Сыктывкар.
- Дзибель Г.В. 1996. Возможное дополнение к духовной культуре скифов // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов тематической научной конференции. Санкт-Петербург. 23-25 апреля 1996 г. СПб.
- Дмитриева Р.П. 1988. Житие Константина, Муромского князя, и его сыновей Михаила и Федора // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV - XVI в.). Часть 1. А-К. Л.
- Долуханов П.М., Носов Е.Н. 1985. Палеоландшафты и заселение территории Северо-Запада в VI-X вв. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Душечкина Е. 1972. Прения Яна Вышатича с волхвами // *Quinquagenario*. Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю.М.Лотмана. Тарту.
- Еремеев И.И. 1994. Двинско-Ловатское междуречье в погребальных памятниках последней четверти I тысячелетия н. э. // ПАВ. Вып. № 9. СПб.
- Еремеев И.И. 1995. О сопках в низовьях р. Ниши в восточном Приильменье // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 24-26 января 1995 г.) Вып. 9. Новгород.
- Еремин И.П. 1935. Из истории древне-русской публицистики XI века. (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославичу о латинянах.) // ТОДРЛ. Т. II. М.
- Еремин И.П. 1957. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. XI. М. - Л.
- Жервэ Н.Н. 1995. Петербургский археологический центр и изучение древностей Новгородской земли (XIX - начало XX вв.) // Труды семинара "Проблемы истории и историографии археологической науки". Вып. 1 (Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки). СПб.
- Живов В.М. 1993. Двоеверие и особый характер русской культурной истории // *Philologia slavica*. К 70-летию академика Н.И.Толстого. М.
- Заходер Б.Н. 1967. Каспийский Свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.
- Зеленин Д.К. 1916. Очерки русской мифологии. Выпуск первый. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг.
- Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. 1965. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1975. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. М.
- Иванов С.А. 1994. Псевдо-Кесарий // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I-VI вв.) М.
- Ивановский Л.К. 1881. Материалы для изучения курганов и жальников югозапада Новгородской губернии // Труды Второго АС в Санкт-Петербурге. Вып. 2. СПб.

- Исланова И.В.* 1995. Сопки на реке Полонуха и озере Песьво // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 24-26 января 1995 г.) Вып. 9. Новгород.
- Истрин В.* 1893. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М.
- Калинина И.В.* 1995. Принципы функционально-технологического подхода в семантических исследованиях // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. № 32. СПб.
- Калугин Ф.Г.* 1894. Илларион, митрополит Киевский, и его церковно-учительные произведения // Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вып. 1. СПб.
- Кирпичников А.Н.* 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Кирпичников А.Н.* 1988. Ладога и Ладожская земля VIII-XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1. (Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы.) Л.
- Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* 1986. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М.
- Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д.* 1996. Старая Ладога — древняя столица Руси. СПб.
- Клейн Л.С.* 1979. Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках. Л.
- Клейн Л.С.* 1990. Памяти языческого бога Рода // Язычество восточных славян. Л.
- Клейн Л.С.* 1991. Археологическая типология. Л.
- Клейн Л.С.* 1995. О древнерусских языческих святилищах // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20-24 ноября 1995 года. Часть 1. Распространение христианства в Восточной Европе. СПб. - Псков.
- Клубова О.В.* 1990. Охранные раскопки городища «Курская гора» в верховьях реки Луги // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 3. Новгород.
- Клубова О.В.* 1992а. Исследования в урочище Курская Гора в 1990 году // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Новгород.
- Клубова О.В.* 1992б. Исследования селища в урочище Курская Гора в 1990 г. // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 6. Новгород.
- Клубова О.В.* 1992в. Об исследовании комплекса памятников в урочище Курская Гора // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тезисы докладов и сообщений научной конференции. 10-12 ноября 1992 г. Новгород, 1992.
- Колпаков Е.М.* 1991. Теория археологической классификации. СПб.
- Комаров К.И., Елкина А.К.* 1976. Курганный могильник в окрестностях г. Старицы // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Концецкий В.Я.* 1980. Исследования грунтовых могильников и сопок в Приильменьи // АО 1979 года. М.
- Концецкий В.Я.* 1981а. Хронология и этапы формирования Федовского могильника // КСИА. № 166. М.
- Концецкий В.Я.* 1981б. Нередицкий могильник // КСИА. № 164. М.
- Концецкий В.Я.* 1984а. Некоторые итоги исследования древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.
- Концецкий В.Я.* 1984б. Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // НИС. № 2 (12). Л.
- Концецкий В.Я.* 1984в. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

- Конецкий В.Я.* 1985. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильмения // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Конецкий В.Я.* 1988. Население долины р. Ловать в процессе сложения первоначальной территории Новгородской земли // ННЗИА. (Тезисы научно-практической конференции.) Новгород.
- Конецкий В.Я.* 1989а. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильмения в VIII-X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. (Междисциплинарные исследования.) Л.
- Конецкий В.Я.* 1989б. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС. Вып. 3 (13). Л.
- Конецкий В.Я.* 1990а. О роли христианства в эволюции погребального обряда населения Новгородской земли в эпоху средневековья (по данным археологии) // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 3. Новгород.
- Конецкий В.Я.* 1990б. Исследования в долине реки Ловать // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 3. Новгород.
- Конецкий В.Я.* 1992а. К изучению социальных структур славянского населения Приильмения в конце I тыс. н. э. // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Новгород.
- Конецкий В.Я.* 1992б. Исследование селища в урочище Губинская Лука на р. Ловать // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Новгород.
- Конецкий В.Я.* 1992в. Новые исследования в урочище Губинская Лука // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 6. Новгород.
- Конецкий В.Я.* 1992г. К истории сельского расселения и хозяйства в долине р. Ловать в эпоху средневековья // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 6. Новгород.
- Конецкий В.Я.* 1993. Новгородские сопки в контексте этносоциальных процессов конца I - начала II тысячелетия н. э. // НИС. Вып. 4 (14). СПб. - Новгород.
- Конецкий В.Я.* 1994а. Центр и периферия Приильмения в IX-X веках: особенности социально-политического развития // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1994 г.) Вып. 8. Новгород.
- Конецкий В.Я.* 1994б. «Словене ильменские» и проблема социальной организации населения Приильмения в конце I тыс. н. э. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Новгород.
- Конецкий В.Я.* 1994в. К происхождению некоторых особенностей социального устройства древнего Новгорода // НАЧ. Новгород.
- Конецкий В.Я.* 1995а. Социальная организация населения Приильмения и формирование коренной территории Новгородской земли в конце I тыс. н. э. // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 24-26 января 1995 г.) Вып. 9. Новгород.
- Конецкий В.Я.* 1995б. Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20-24 ноября 1995 года. Часть 1. Распространение христианства в Восточной Европе. СПб. - Псков.
- Конецкий В.Я., Клубова О.В.* 1989. Работы областной экспедиции Новгородского музея // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 2. Новгород.
- Конецкий В.Я., Носов Е.Н.* 1982. Юрьевский жальник и некоторые вопросы формирования древнерусских погребальных памятников Новгородской земли // КСИА. № 171. М.
- Конецкий В.Я., Носов Е.Н.* 1985. Загадки новгородской округи. Л.
- Конецкий В.Я., Носов Е.Н.* 1995. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс. н. э. в восточных районах Новгородской земли // Славяно-русские древности. Вып. 3. (Проблемы истории Северо-Запада Руси.) СПб.

- Короткевич Б.С., Мазуркевич А.Н.* 1992. Пять вариантов днепро-двинской культуры // ПАВ. Вып. № 2. СПб.
- Котляревский А.* 1868. О погребальных обычаях языческих славян. М.
- Крейтон В.* 1913. Археологические разведки и раскопки в Псковской губ. в течение лета 1912 г. // Труды ПАО 1912-1913 г. Вып. 9. Псков.
- Кузьмин С.Л.* 1988. Археологическая карта Поплюсья и проблемы истории населения Северо-Запада Новгородской земли // ННЗИА. (Тезисы научно-практической конференции.) Новгород.
- Кузьмин С.Л.* 1989а. К вопросу о погребальной обрядности носителей культуры сопок // АИППЗ 1988. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков.
- Кузьмин С.Л.* 1989б. Культура сопок в Верхнем Поплюсье // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 2. Новгород.
- Кузьмин С.Л.* 1990а. Высокие погребальные сооружения Северо-Запада Новгородской земли 2-й половины I тыс. н. э. // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 3. Новгород.
- Кузьмин С.Л.* 1991б. Которский погост - локальный центр конца I - начала II тыс. н. э. В верховьях Плюсьы. // МАНЗ. 1990. М.
- Кузьмин С.Л.* 1992а. Оредежские сопки // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб.
- Кузьмин С.Л.* 1991а. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли) // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.
- Кузьмин С.Л.* 1992б. О социально-политической структуре Новгорода и Новгородской земли во второй половине IX - XI вв. // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Новгород.
- Кузьмин С.Л.* 1992в. Сопка у д. Новые Дубовики // АИППЗ 1991. Материалы симпозиума. Псков.
- Кузьмин С.Л.* 1994а. Об одной группе погребальных памятников второй половины I тыс. н. э. на северо-западе Новгородской земли // АИППЗ 1993. Материалы семинара. Псков.
- Кузьмин С.Л.* 1994б. Сопка у д. Новые Дубовики // Древний Псков. Исследования средневекового города. Материалы конференции. Санкт-Петербург. 20-21.05.1992. СПб.
- Кузьмин С.Л.* 1995а. Крещение и христианизация Новгородской земли: акт и процесс по данным археологии // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20-24 ноября 1995 года. Часть 1. Распространение христианства в Восточной Европе. СПб. - Псков.
- Кузьмин С.Л.* 1995б. Ладога и некоторые проблемы археологии Северо-Западной Руси // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-22 декабря 1995 г. Материалы к чтениям. СПб.
- Кузьмин С.Л.* 1997. Волховские сопки на современном этапе изучения // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения, памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20-22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям. СПб.
- Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д.* 1989а. Культурная стратиграфия Ладоги VIII-X вв. // АИППЗ 1988. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков.
- Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д.* 1989б. Ладога и ее округа в VIII-X вв. (Этапы становления северного раннесредневекового города.) // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I. М.
- Кузьмин С.Л., Петров Н.И.* 1990. «Большие дома» Северо-Западной Руси VIII-XI вв. // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 3. Новгород.

- Кузьмин С.Л., Петров А.В., Рубина Е.Б. 1988. Опыты комплексного картирования памятников археологии на Северо-Западе Новгородской земли (бассейн р. Плюсса) // АИППЗ. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков.
- Кулжинский А.И. 1861. Курганы Новгородской губернии // Известия Императорского археологического общества. Т. II. Вып. 2. СПб.
- Лебедев Г.С. 1973а. Отражение социальной структуры в археологических материалах // Философия. История. Современность. Л.
- Лебедев Г.С. 1973б. Городец под Лугой (предварительное сообщение) // КСИА. № 135. М.
- Лебедев Г.С. 1975. Системное описание археологической культуры // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л.
- Лебедев Г.С. 1977а. Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (по материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. № 148. М.
- Лебедев Г.С. 1977б. Начало Верхней Руси по данным археологии // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.
- Лебедев Г.С. 1978а. Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье // КСИА. № 155. М.
- Лебедев Г.С. 1978б. Новые данные о длинных курганах и сопках // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л.
- Лебедев Г.С. 1981. Проблема генезиса древнерусской курганной культуры // КСИА. № 166. М.
- Лебедев Г.С. 1982а. Археологическое изучение Новгородской земли // НИС. Вып. 1 (11). Л.
- Лебедев Г.С. 1982б. О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.
- Лебедев Г.С. 1983. Этногеография Восточной Европы по «Повести временных лет» // Историческая этнография: традиции и современность. (Проблемы археологии и этнографии. Вып. II.) Л.
- Лебедев Г.С. 1985а. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л.
- Лебедев Г.С. 1985б. Северные славянские племена (к постановке вопроса о связях внутри славянского мира) // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Лебедев Г.С. 1988. Итоги и перспективы изучения «Пути из варяг в греки» как основы коммуникационной сети древнерусского государства // ННЗИА. Тезисы научно-практической конференции. Новгород.
- Лебедев Г.С. 1991. Этюд о мечах викингов // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.
- Лебедев Г.С. 1992. История отечественной археологии. 1700-1917 гг. СПб.
- Лебедев Г.С. 1995а. Петербург как центр региональной археологии // Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Вып. 1 (Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки). СПб.
- Лебедев Г.С. 1995б. Сакральная топография Ладоги в «Чуде Георгия о Змие» и женская субкультура раннехристианского Севера // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-22 декабря 1995 г. Материалы к чтениям. СПб.
- Лебедев Г.С., Рябинин Е.А. 1978. Сопки и жальники // Проблемы археологии. Вып. II. Сборник статей в память профессора М.И.Артамонова. Л.
- Леви-Строс К. 1994. Неприрученная мысль // Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.
- Лесман Ю.М. 1985. Погребальный ритуал и погребальные сооружения. (К осмыслению археологического материала Восточной Европы второй половины I - первой половины II тыс. н. э.) // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. М.
- Львов А.С. 1975. Лексика «Повести временных лет». М.

- Любомиров П.* 1913. Отчет о раскопках, произведенных в 1910 г. в Новгородской и Тверской губерниях // ЗОРСА. Т. IX. СПб.
- Ляпушкин И.И.* 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII - первая половина IX в.). Историко-археологические очерки // МИА. № 152. Л.
- Мальгин П.Д.* 1989. К вопросу о славянском заселении юго-востока Новгородской земли // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 2. Новгород.
- Маркарян Э.С.* 1981. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. № 2. М.
- Матвеев А.С.* 1998* (в печати). О подходе к использованию сведений восточных источников о русах и славянах. СПб.
- Мачинский Д.А.* 1976. К вопросу о территории обитания славян в I-VI веках // Археологический сборник. 17. Л.
- Мачинский Д.А.* 1982. О времени и обстоятельствах первого появления славян на Северо-Западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья. Л.
- Мачинский Д.А.* 1986. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.
- Мачинский Д.А.* 1988. О скандинавском компоненте в составе Волховской Руси // ННЗИА. (Тезисы научно-практической конференции.) Новгород.
- Мачинский Д.А.* 1995. Первоначальные Algdeigja/Ладога и Garpar/Русь // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-22 декабря 1995 г. Материалы к чтениям. СПб.
- Мачинский Д.А., Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д.* 1986. Ранние скандинаво-славянские контакты по материалам Ладоги VIII-X вв. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I. М.
- Мачинский Д.А., Мачинская А.Д.* 1988. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII-XI вв. // Культура Русского Севера. Л.
- Мельникова Е.А.* 1987. Христианизация Древней Руси и Скандинавии: типологические параллели и взаимосвязи // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. М.
- [*Микляев А.М.*] 1970. Клейн Л.С., Миняев С.С., Пиотровский Ю.Ю., Хейфиц О.И. Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре ЛГУ // СА. № 2. М.
- Мильков В.В.* 1994. Исследование курганов древнерусского времени у с. Левоча Хвойнинского района Новгородской области // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1994 г.) Вып. 8. Новгород.
- Милютина Н.Н.* 1994. Некоторые результаты изучения древнерусского кладбища Пскова (погребальный обряд) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков.
- Михайлов К.А.* 1995а. Захоронение воина с конями на вершине плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 24-26 января 1995 г.) Вып. 9. Новгород.
- Михайлов К.А.* 1995б. Еще раз о Плакунской сопковидной насыпи // АИППЗ 1994. Материалы научного семинара. Псков.
- Михайлов К.А.* 1996. Две традиции сооружения высоких погребальных насыпей в Старой Ладоге // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов тематической научной конференции. Санкт-Петербург. 23-25 апреля 1996 г. СПб.

- Михайлова Е.Р.* 1993. О так называемых погребальных площадках в культуре длинных курганов // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1993 г.) Вып. 7. Новгород.
- Михайлова Е.Р., Кузьмин С.Л.* 1994. «Грунтовый» могильник у д. Которск // Древний Псков. Исследования средневекового города. Материалы конференции. Санкт-Петербург. 20-21.05.1992. СПб.
- Моця А.П.* 1988. Некоторые проблемы изучения восточно-славянского погребального обряда конца I - начала II тысячелетия н. э. // ННЗИА. (Тезисы научно-практической конференции.) Новгород.
- Мусин А.Е.* 1990. Предметы христианского культа из погребений Водской и Шелонской пятин Новгородской земли (XI-XV вв.) // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 3. Новгород.
- Мусин А.Е.* 1994. Христианизация Тверского края и проблемы образования Тверской епархии (историко-археологический аспект) // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь.
- Назаренко В.А.* 1985. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Назаренко В.А., Назаренко Ю.А.* 1988. «Домики мертвых» и погребальная обрядность приладожской чуди (некоторые аспекты ее представлений о загробном мире) // ННЗИА (Тезисы научно-практической конференции.) Новгород.
- Нидерле Л.* 1956. Славянские древности. М.
- Новгородский сборник.* 1865. Вып. IV. Новгород.
- Носов Е.Н.* 1974. Источники по славянской колонизации Новгородской земли // ВИД. VI. Л.
- Носов Е.Н.* 1977. Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тыс. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Носов Е.Н.* 1981а. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н. э. в Приильменье // СА. № 1. М.
- Носов Е.Н.* 1981б. Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. № 164. М.
- Носов Е.Н.* 1982. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС. Вып. 1 (11). Л.
- Носов Е.Н.* 1984а. Новгород и новгородская округа IX-X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. Вып. 2 (12). Л.
- Носов Е.Н.* 1984б. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. № 179. М.
- Носов Е.Н.* 1985. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Носов Е.Н.* 1988а. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Славяно-русские древности. Вып. 1. (Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы.) Л.
- Носов Е.Н.* 1988б. Грамота Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи на р. Ловати (историко-археологический комментарий) // ННЗИА. (Тезисы научно-практической конференции.) Новгород.
- Носов Е.Н.* 1989. Характер расселения и становление городов Северной Руси // Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря // Тезисы докладов советско-датского симпозиума. Ленинград, ноябрь 1989 г. Л.
- Носов Е.Н.* 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Носов Е.Н.* 1991. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тысячелетия н. э. (Каталог памятников) // МАНЗ. 1990. М.

- Носов Е.Н.* 1992. Новгородская земля IX-X вв. (Историко-археологические очерки.) Автореф дис. ... докт. ист. наук. СПб.
- Носов Е.Н.* 1994. Предисловие // Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб.
- Носов Е.Н., Плохов А.В.* 1991. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // МАНЗ. 1990. М.
- Орлов С.Н.* 1941. Могильник в Старой Ладоге. (Из материалов Староладожской экспедиции Истфака ЛГУ.) // Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 10, № 80. Л.
- Орлов С.Н.* 1955. Сопки волховского типа около Старой Ладоги. (Из материалов Староладожской археологической экспедиции 1940 и 1948 гг.) // СА. XXII. М.
- Орлов С.Н.* 1960. О славянском грунтовым могильнике с трупосожжением в Старой Ладоге // СА. № 2. М.
- Орлов С.Н.* 1972. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. № 2. М.
- Панченко А.А.* 1992. Новгородские святители и чудские арбуи // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Новгород.
- Панченко А.А.* 1995. «Провалившаяся церковь»: археология и фольклор // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 24-26 января 1995 г.) Вып. 9. Новгород.
- Панченко А.А.* 1996. Деревенские святыни как фольклорно-этнографический источник. (По материалам Северо-Запада России.) Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.
- Панченко А.А., Петров Н.И.* 1992. К проблеме взаимодействия язычества и христианства в Северной Руси // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. 10-12 ноября 1992 г. Новгород.
- Панченко А.А., Петров Н.И.* 1993. О содержании понятия «народное православие» // Историческое познание: традиции и новации. Тезисы Международной теоретической конференции. Ижевск, 26-28 октября 1993 г. Часть I. Ижевск.
- Панченко А.А., Петров Н.И.* 1996. Впускные труположения в сопках: археология и фольклор // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов тематической научной конференции. Санкт-Петербург. 23-25 апреля 1996 г. СПб.
- Панченко А.А., Петров Н.И., Селин А.А.* 1997* (в печати). «Дружина пирует у берега»: на границе научного и мифологического мировоззрения // Русский фольклор. Вып. 30. СПб.
- Панченко А.М.* 1990. Православие и русская культура // Acta Universitatis Szegediensis de Attila Jozsef Nominatae. Dissertationes Slavicae. Slavistische Mitteilungen. Материалы и сообщения по славяноведению. Sectio Linguistica. XXI. Szeged. [«Separatum».]
- Передольский В.С.* 1893. Бытовые остатки насельников ильменско-волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века. Объяснение Археологической выставки в Николаевском дворце в С.-Петербурге. СПб.
- Петренко В.П.* 1977. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги // КСИА. № 150. М.
- Петренко В.П.* 1980а. Восстановление сопки близ с. Старая Ладога // АО 1979 года. М.
- Петренко В.П.* 1980б. Сопка у с. Михаила-Архангела в юго-восточном Приладожье по раскопкам Н.Е.Бранденбурга в 1886 г. // КСИА. № 160. М.
- Петренко В.П.* 1984. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги // Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 11-15 мая 1981 г. Л.
- Петренко В.П.* 1985а. Классификация сопок Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Петренко В.П.* 1985б. Некоторые итоги изучения сопок Северного Поволжья // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.

- Петренко В.П.* 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб.
- Петренко В.П., Конаков Н.Д., Рогачев М.Б.* 1977. Некоторые сведения о сопках Северного Поволжья // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.
- Петров Н.И.* 1990. Некоторые городские домостроительные традиции Северо-Западной Руси X-XI вв. // Города Верхней Руси. Истоки и становление. (Материалы к научной конференции.) Торопец.
- Петров Н.И.* 1991. Сопки и жальники на востоке Новгородской земли // Проблемы материальной и духовной культуры народов СССР и зарубежных стран. Всероссийская научная студенческая конференция 28-30 марта 1991 года. Тезисы докладов. Сыктывкар.
- Петров Н.И.* 1992а. О двух традициях сооружения сопки на Северо-Западе // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Новгород.
- Петров Н.И.* 1992б. Культурно-исторические процессы в северной части Молого-Мстинского водораздела в эпоху раннего средневековья // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 6. Новгород.
- Петров Н.И.* 1992в. О времени и обстоятельствах освоения Ильменского Поозерья и Поволжья в эпоху сопки // Археология и история Пскова и Псковской земли 1992. Материалы семинара. Псков.
- Петров Н.И.* 1993. О судьбах традиции сооружения сопки в Северо-Западной Руси: археологическая конкретика и культурные реалии // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1993 г.) Вып. 7. Новгород.
- Петров Н.И.* 1994а. Сопки Северо-Западной Руси: «кости... на столпе на путех» Повести временных лет и гора волшебной сказки // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В.И.Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб.
- Петров Н.И.* 1994б. «Словене» (ильменские) и «культура сопки» // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Новгород.
- Петров Н.И.* 1994в. «Новгородские люди» IX - начала XI вв. в древнерусской летописной традиции // АИППЗ 1993. Материалы семинара. Псков.
- Петров Н.И.* 1994г. Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладогe: социокультурная позиция в «блоке» погребальных традиций Северного Поволжья // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1994 г.) Вып. 8. Новгород, 1994.
- Петров Н.И.* 1995а. К проблеме интерпретации сопки Северо-Западной Руси: летописные и фольклорные источники // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 24-26 января 1995 г.) Вып. 9. Новгород.
- Петров Н.И.* 1995б. Работы в Пестовском районе Новгородской области // АО 1994 года. М.
- Петров Н.И.* 1996а. Археологические памятники эпохи раннего средневековья в среднем течении Кушаверы // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб.
- Петров Н.И.* 1996б. Работы в Хвойнинском районе Новгородской области // АО 1995 года. М.
- Петров Н.И.* 1996в. Поволжье и ильменское Поозерье в IX-X вв. СПб.
- Петров Н.И.* 1996г. О методике раскопок курганов на Северо-Западе России // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов тематической научной конференции. Санкт-Петербург. 23-25 апреля 1996 г. СПб.
- Петров Н.И.* 1997а. Сопки в контексте культурно-исторических процессов Северо-Западной Руси (VIII-XI вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

- Петров Н.И.* 1997б. Об одной особенности традиции возведения сопок в северном Поволжье // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 11-13 ноября 1997 года. Новгород.
- Петров Н.И., Плохов А.В.* 1993. Термин «археологическая культура» и проблемы исследования культурно-исторических процессов на территории Северо-Западной Руси эпохи раннего средневековья // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1993 г.) Вып. 7. Новгород.
- Петров Н.И., Фурасьев А.Г.* 1995. Городища культуры псковских длинных курганов и Балтийско-Волжский путь // Древности Северо-Западной России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.П.Гроздилова. СПб.
- Петрухин В.Я.* 1975а. К характеристике представлений о загробном мире у скандинавов эпохи викингов (IX-XI вв.) // СЭ. № 1. М.
- Петрухин В.Я.* 1975б. Погребальный культ языческой Скандинавии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Петрухин В.Я.* 1978. О картине мира у скандинавов-язычников. (По памятным камням V-XI вв.) // СС. XXIII. Таллин.
- Петрухин В.Я.* 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск - М.
- Петрухин В.Я.* 1996. Древнерусское двоеверие: понятие и феномен // Славяноведение. № 1. Январь - Февраль. М.
- Платонова Н.И.* 1981. Две группы древнерусских памятников Верхнего Полужья // КСИА. № 166. М.
- Платонова Н.И.* 1984. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода (к проблеме формирования административной структуры) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.
- Платонова Н.И.* 1991. Укрепленные поселения Лужской волости // МАНЗ. 1990. М.
- Платонова Н.И.* 1992. Камерное погребение в кургане у д. Удрай Новгородской области // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Новгород.
- Платонова Н.И.* 1995. Новое в исследованиях Передольского погоста // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-22 декабря 1995 г. Материалы к чтением. СПб.
- Платонова Н.И.* 1996. Передольские сопки (предварительные итоги исследования) // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов тематической научной конференции. Санкт-Петербург. 23-25 апреля 1996 г. СПб.
- Платонова-Залевская Н.И.* 1983. Исследования в Верхнем Полужье // АО 1981 года. М.
- Плетнева С.А.* 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Плоткин К.М.* 1989. Округа Пскова накануне и в период становления города // Становление европейского средневекового города. М.
- Плохов А.В.* 1992. Лепная керамика центрального Приильменя и славянское расселение (к постановке проблемы) // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Новгород.
- Плохов А.В.* 1996. Еще раз о «керамике ладожского типа» // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22-23 декабря 1996 г. Материалы к чтением. СПб.
- Попов С.Г.* 1995. Переходные моменты от языческого погребального обряда к христианскому (по материалам могильников северной Псковщины) // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20-24 ноября 1995 года. Часть 1. Распространение христианства в Восточной Европе. СПб. - Псков.

- Протт В.Я.* 1986. Исторические корни волшебной сказки. Л.
- Пушкарева Е.Т.* 1990. Личные песни ненцев // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л.
- Равдоникас В.И.* 1924. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин.
- Равдоникас В.И.* 1949. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938-1947 гг.) // СА. Т. XI. М. - Л.
- Равдоникас В.И.* 1950. Старая Ладога. (Из итогов археологических исследований 1938-1947 гг.). Часть II // СА. Т. XII. М. - Л.
- Раевский Д.С.* 1985. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М.
- Разумовская Л.В.* 1963. Примечания // Гельмольд. Славянская хроника. М.
- Ревуненкова Е.В.* 1991. Мужские и женские роли в обряде охоты за головами у народов Индонезии // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.
- Репников Н.И.* 1915. Старая Ладога // Сборник новгородского общества любителей древности. Вып. 7-й, июля 1914 года. Новгород.
- Рерих Н.К.* 1899. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1-2. СПб.
- Рёсдаль Э.* 1986. Язычество, христианство и международные связи // Славяне и скандинавы. М.
- Розов Н.Н.* 1987. Иларион // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI - первая половина XIV в.) Л.
- Русанова И.П., Тимощук Б.А.* 1993. Языческие святилища древних славян. М.
- Рыбаков Б.А.* 1970. Нестор о славянских обычаях // МИА. № 176. (Древние славяне и их соседи.) М.
- Рыбаков Б.А.* 1981. Язычество древних славян. М.
- Рыбаков Б.А.* 1987. Язычество Древней Руси. М.
- Рябинин Е.А.* 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Савостина Е.А.* 1990. Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.
- Сакса А.И.* 1984. Комплекс археологических памятников у д. Ольховки (Лапинлахти) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 11-15 мая 1981 г. Л.
- Сакса А.И.* 1985. Исследование новых средневековых памятников на Карельском перешейке // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.
- Седакова О.А.* 1983. Обрядовая терминология и структура обрядового текста (погребальный обряд восточных и южных славян). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.
- Седов В.В.* 1953. Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. 1953. Вып. L. М.
- Седов В.В.* 1954а. Новые данные о языческом святилище Перуна. (По раскопкам Новгородской экспедиции 1952 г.) // КСИИМК. 1954. Вып. 53. М.
- Седов В.В.* 1954б. Кривичи и словене. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Седов В.В.* 1970. Новгородские сопки. (САИ. Вып. Е 1-8.) М.
- Седов В.В.* 1973. Ранние курганы вятичей // КСИА. № 135. М.
- Седов В.В.* 1974. Длинные курганы кривичей. (САИ. Вып. Е 1-8.) М.
- Седов В.В.* 1982. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.

Седов В.В. 1983. Раскопки славянских курганов и жальников. Инструкция // Методика полевых археологических исследований. М.

Седов В.В. 1988. Восточнославянское язычество накануне «крещения Руси» (погребальный обряд) // АИППЗ. Тезисы докладов к предстоящей научной конференции по теме «Древнерусское язычество и его традиции». Псков.

Седов В.В. 1992. Об одной особенности погребальной обрядности финно-угров // Древности славян и финно-угров. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 16-22 мая 1986 г. СПб.

Седых В.Н. 1996. Большие курганы в культуре Древней Руси // Курганы: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов тематической научной конференции. Санкт-Петербург. 23-25 апреля 1996 г. СПб.

Селин А.А. 1996. Оредежские сопки в позднесредневековых письменных источниках // Курганы: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов тематической научной конференции. Санкт-Петербург. 23-25 апреля 1996 г. СПб.

Сениченкова Т.Б. 1995. Керамика «ладожского типа» замечания по поводу одного историографического мифа // Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21-22 декабря 1995 г. Материалы к чтениям. СПб.

Серебрянский Н. 1915. Древне-русские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты.) М.

Смирнов С. 1930. Археологическая экспедиция на реку Ловать летом 1928 года // Материалы и исследования Новгородского музея. I. Новгород.

Соболев В.Ю. 1995. Привески с христианской символикой в погребальных памятниках Северо-Запада Новгородской земли // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20-24 ноября 1995 года. Часть 2. Христианство и древнерусская культура. СПб. - Псков.

Соколов Н.И. 1879. Журнал курганных раскопок, произведенных... на Лыбутской местности (в даче дер. Ерусалимской Сидоровской волости Псковского уезда) июля 11 дня 1878 года. Псков.

[*Спицын А.А.*] 1897. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении (продолжение) // ЗРАО. Т. IX. Вып. 1-2. СПб.

Спицын А.А. 1899а. Расселение древне-русских племен по археологическим данным // ЖМНП. Август. СПб.

[*Спицын А.А.*]. А.С. 1899б. Сопки и жальники // ЗРАО. Т. XI. Вып. 1-2. СПб.

[*Спицын А.А.*] А.С. 1903а. Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА. Т. V. Вып. 1. СПб.

[*Спицын А.А.*] 1903б. Гдовские курганы в раскопках В.Н.Глазова. Обработал... А.А.Спицын // МАР. № 29. СПб.

Срезневский И.И. 1893. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. **А - К**. СПб.

Срезневский И.И. 1912. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. **Р - Я (W)** и дополнения. СПб.

Стальсберг А. 1994. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII-XI вв. (по археологическим собраниям СНГ) // Археологические вести № 3. СПб.

Стеблин-Каменский М.И. 1971. Мир саги. Л.

Страхов А.Б. 1985. О своеобразии формирования восточнославянского культотпочитания и специфике соотношения в нем языческого и христианского элементов // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М.

Строгова В.П. 1991. Как говорят в Новгородском крае. Новгород.

- Строгова В.П.* 1993. Древние топонимы Новгорода и его окрестностей. Новгород.
- Сюзюмов М.Я.* 1988. Лев Диакон и его время // Лев Диакон. История. М.
- Сюзюмов М.Я., Иванов С.А.* 1988. Комментарий // Лев Диакон. История. М.
- Тараканова С.А.* 1951. Псковские курганы с трупосожжением // КСИИМК. Вып. XXXVI. М. - Л.
- Творогов О.В.* 1987а. Феодосий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI - первая половина XIV в.) Л.
- Творогов О.В.* 1987б. Летописец Переяславля Суздальского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI - первая половина XIV в.) Л.
- Творогов О.В.* 1987в. Серапион // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI - первая половина XIV в.) Л.
- Творогов О.В.* 1987г. Кирилл // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI - первая половина XIV в.) Л.
- Толочко А.П.* 1992. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев.
- Толстой Н.И.* 1987. Христианизация как фактор усложнения структуры древнеславянской духовной культуры // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. М.
- Толстой Н.И.* 1995. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.
- Топоров В.Н.* 1980. Vilnius, Wilno, Вильна: город и миф // Балто-славянские этноязыковые контакты. М.
- Топоров В.Н.* 1985. Мифологизированные описания обряда трупосожжения и его происхождение у балтов и славян // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. М.
- Топоров В.Н.* 1987а. Заметки по похоронной обрядности. (К 150-летию со дня рождения А.Н.Веселовского.) // Балто-славянские исследования 1985. М.
- Топоров В.Н.* 1987б. Гора // Мифы народов мира. Т. 1. М.
- Топоров В.Н.* 1988. Модель мира // Мифы народов мира. Т. 2. М.
- Третьяков П.Н.* 1941. Северные восточно-славянские племена // МИА. № 6. М. - Л.
- Третьяков П.Н.* 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. - Л.
- Трубачев О.Н.* 1991. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.
- Тухтина Н.В.* 1966. Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X-XII вв. // Труды ГИМ. Вып. 40. М.
- Тухтина Н.В.* 1968. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа // Славяне и Русь. М.
- Урбанавичюс В.* 1990. Погребения в озере Обеляй // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М.
- Фасмер М.* 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. III. (Муза-Сят.) М.
- Фет Е.А.* 1987. Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI - первая половина XIV в.) Л.
- Флоренский П.А.* 1990. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Т. 2. М.
- Формозов А.А.* 1986. Страницы истории русской археологии. М.

- Фролов А.А. 1994. Сопка у дд. Брод - Лучки Валдайского р-на Новгородской области (результаты исследования и интерпретация) // ННЗИА. (Материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1994 г.) Вып. 8. Новгород.
- Фроянов И.Я. 1986. О языческих «переживаниях» в Верхнем Поволжье второй половины XI в. // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.
- Фроянов И.Я. 1992. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX - начала XIII столетия. СПб.
- Фуко М. 1994. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.
- Фурасьев А.Г. 1992. Современное состояние проблемы соотношения древностей типа Тушемли-Банцеровщины и псковских длинных курганов // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Тэзісы дакладау канферэнцыі прысвечанай 80-годдзю з дня нараджэння А.Р.Мітрафанава. (10-12 снежня 1992 г.) Менск.
- Хабургаев Г.А. 1979. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М.
- Харлашов Б.Н. 1994. Сопка близ деревни Ванино // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В.Д.Белецкого. СПб.
- [Ходаковский]. 1839. Отрывок из путешествия Ходаковского по России // РИС. Т. 3. Кн. 2. М.
- [Ходаковский]. Долуга-Ходаковский З. 1844а. Сопки // РИС. Т. 7. М.
- Хольмквист В. 1986. Начальные века: культура и искусство вендельского периода // Славяне и скандинавы. М.
- Цивьян Т.В. 1975. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке (на материале албанской сказки) // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895-1970). М.
- Черных Н.Б. 1985. Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.
- Чернягин Н.Н. 1941. Длинные курганы и сопки (Археологическая карта) // МИА. № 6. М. - Л.
- Шейн П.В. 1890. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. I, ч. II. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб.
- Шмидт Е.А. 1968. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М.
- Шмидт Е.А. 1970. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 7. Смоленск.
- Шмидт Е.А. 1982. Древнерусские археологические памятники Смоленской области. Ч. 1. М.
- Шорин М.В. 1989. Раскопки могильника у д. Раглицы // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 2. Новгород.
- Шорин М.В. 1990. Работы отряда областной экспедиции Новгородского музея в 1989 г. // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 3. Новгород.
- Шорин М.В. 1992. Раскопки сопки у д. Раглицы // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Новгород.
- Щепанская Т.Б. 1991. Женщина, группа, символ (на материалах молодежной субкультуры) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.
- Элиаде М. 1987. Шаманизм и космология // Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М.
- Яблоник Д.Л. 1990. О пояском наборе из сопки в урочище Победище // ННЗИА. (Тезисы научной конференции.) Вып. 3. Новгород.

- Янин В.Л. 1981. Новгородская феодальная вотчина. (Историко-генеалогическое исследование.) М.
- Янин В.Л. 1984. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город (исследования и материалы). Вып. 7. М.
- Янин В.Л. 1987. Крещение Новгорода и христианизация его населения // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси. М.
- * * *
- Arbman H. 1955. Svear i цsterviking. Stockholm.
- Arne T.J. 1917. Det stora Svitiod. Essayer om gangna tiders svensk-ryska kulturforbindelser. Stockholm.
- Atgazis M. 1974. Dzelzs iedzitna šķepu gali ar atkarpem Latvija // Arheologija un etnografija. XI. Apcerejumi par Latvijas materialas un garigas kulturas piemineklu tipologiju un hronologiju. Riga.
- Chang K.C. 1968. Toward a Science of Prehistoric Society // Settlement Archaeology. Palo Alto, California.
- Daniel G.E. 1950. A Hundred Years of Archaeology. London.
- [Gmelin J.G., Croéyre D. l'I. de la, Müller G.F.]. 1886. Высокoправительствующему сенату от отправленных в камчатскую экспедицию профессоров первый репорт [№ 403, 21 сентября 1733 г. (дела о камчатской экспедиции 1734 г., Московский Архив Министерства Юстиции)] // Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2 (1731-1735). СПб.
- [H.G. (Гюссен)]. 1713. Exacte Relation von der Von Sr. Czaarschen Majestat Petro Alexiowitz, (cum tot. tit.) an dem grossen Newa Strohm und der Ost-See Neuerbaueten Vestung und Stadt St. Petersburg, Wie auch von dem Castel Cron SchloЯ und derselben umliegenden Gegend, Ferner Relation von den Uhralten RuЯischen Gebraush der Wasser Weyhund Heiligung, Nebst einigen besondern Anmercfungen auffgezeichnet von H.G. Leipzig.
- Larsson M.G. 1994. ... Han for цsterut till Grđdarike. Nordborna och Ryssland under vikingatiden. Stockholm.
- Müller-Wille M. 1992. Monumentale Grabhügel der Vцlkerwanderungszeit in Mittel- und Nordeuropa. Bestand und Deutung / Mare Balticum. Beitrđge zur Geschichte des Ostseeraums in Mittelalter und Neuzeit // Kieler Historische Studien. Band 36.
- Nerman B. 1929. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und em Ostbaltikum in der jüngerem Eisenzeit. Stockholm.
- Panchenko A.A., Petrov N., Selin A. 1994. «Language replacement» by Priit Ligi // Fennoscandia Archaeologica. XI. Helsinki.
- Raudonikas W.J. 1930. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm.
- Raudonikas W.J. 1931. Svenskt och finskt i Gardarike. Grđvningar i Ladogaomrđdet 1930. Stockholm. [Ur Forvдnnen.]
- Schaff A. 1970. Specific Features of the Verbal Sign // Sign. Language. Culture. Paris.
- Stalsberg A. 1988. The Scandinavian Viking Age finds in Rus'. Overview and analysis // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Band 69. Mainz am Rhein.
- Stender-Petersen Ad. 1959. Runestaven fra Ladoga. Et vidnesbyrd om Ruslands prahistorie // Kuml. Arborg for jysk arkaeologisk selskab. 1958. Aarhus.
- Strömberg M. 1961. Untersuchungen zur Jüngerem Eisenzeit in Schonen. Vцlkerwanderungszeit - Wikingerzeit. I. Textband // Acta archaeologica Lundensia. Series in 4°. q 4. Lund.
- Tallgren A.M. 1928. Les provinces culturelles finnoises de l'вge de fer dans la Russie du nord // Eurasia Septentrionalis Antiqua. Journal for East European and North Asiatic Archaeology and Ethnography. III. Helsinki.

Urtans V. 1968. Latvijas iedzīvotāju sakari ar slaviem I g. t. otrajā pusē // *Arheologija un etnografija*. VIII. Latviešu kultūrvēsturiskie sakari ar slavu tautām (pec arheoloģijas, etnografijas un antropoloģijas materiāliem). Rīga.

Zguta R. 1974. The Pagan Priests of Early Russia: Some New Insights // *Slavic Review*. American Quarterly of Soviet and East European Studies. Vol. 33. Num. 2. June.

Архивные материалы

Арциховский А.В. А-1929. Раскопки курганов близ с. Хрепле Черновского района Новгородского округа на правом берегу реки Хрепелки // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 274.

Богуславский О.И. А-1991. Южное Приладожье во второй половине I - начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации). Дис. ... канд. ист. наук. СПб. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 2-Д, д. 487.

Вид Бронницкой горы близ Новагорода. А-1770. / Виды Сибирских городов... Гравированные рисунки // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Разряд XII [оттиски с медных гравировальных досок], оп. 2, ед. хр. 32.

Кирпичников А.Н., Петренко В.П. А-1972а. Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1972 г. Часть II. Раскопки на посаде и окрестностях Старой Ладогe. Л., 1973 // Архив ИА РАН. Р-1, № 4876.

Кирпичников А.Н., Петренко В.П. А-1972б. Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1972 г. Часть II. Таблицы // Архив ИА РАН. Р-1, № 4876а.

Концецкий В.Я. А-1978а. Отчет об археологических работах Новгородского музея в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 7363.

Концецкий В.Я. А-1978б. Альбом иллюстраций к отчету о работе археологического отряда Новгородского музея в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 7363а.

Концецкий В.Я. А-1979. Отчет об археологических работах Новгородского музея в 1979 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 7895.

Концецкий В.Я. А-1982а. Отчет об исследованиях Новгородского музея в 1982 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 9067.

[*Концецкий В.Я.*] А-1982б. Альбом рисунков к отчету В.Я.Концецкого за 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 9067а.

Концецкий В.Я. А-1984а. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э. Т. 1. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984 // Научная библиотека им. М.Горького при СПбГУ. Д/12227-1.

Концецкий В.Я. А-1984б. Альбом иллюстраций к диссертации (т. 2) // Научная библиотека им. М.Горького при СПбГУ. Д/12227-2.

Концецкий В.Я. А-1989. Отчет об археологических работах Новгородского музея в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1, № 13966.

Кузьмин С.Л. А-1988. Развитие градостроительной структуры и домостроительных традиций Ладогe VIII-X вв. Дипломная работа. Л. // Архив кафедры археологии СПбГУ.

Лебедев Г.С. А-1972. Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972 // Научная библиотека им. М.Горького при СПбГУ. Д/4581.

Лебедев Г.С. А-1972-1973. Отчет о работах в Лужском районе Ленинградской области СЗАЭ 1972/73 г.г. Л., 1974 // Архив ИА РАН. Р-1, № 8766.

[*Любомиров П.Г.*] А-1908. Кроки к отчету Любомирова о раскопках его на р. Мсте Новг. губ. В 1908-10 г.г. (?). отчет отсутствует // Архив ИИМК РАН. Ф. 1, оп. 1, д. 239.

[*Миллер Г.Ф.*] А-1733. Наблюдения исторические 1733 года в Новеграде // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 21, оп. 5, ед. хр. 164 [лл. 7-18].

- Мусин А.Е. А-1992. Археологические источники в изучении процесса христианизации Древней Руси. (Постановка проблемы.) Дипломная работа. СПб. // Архив кафедры археологии СПбГУ.
- [Назаренко В.А.] А-1970. [Отчет Волховского отряда СЗАЭ ЛГУ за 1970 г.] // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 1, д. 82.
- Назаренко Ю.А. А-1989. Мифологические корни обряда погребения в домах мертвых. Дипломная работа. Л. // Архив кафедры археологии СПбГУ.
- Носов Е.Н. А-1975. Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1975 году // Ведомственный научно-технический архив НГОМЗ. Ф. 1, № 1975/58.
- Носов Е.Н. А-1977а. Отчет о работе Новгородского археологического отряда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1977 году // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 1, д. 54.
- Носов Е.Н. А-1977б. [Полевые чертежи] // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 1, д. 56.
- Носов Е.Н. А-1981. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1981 году // Ведомственный научно-технический архив НГОМЗ. Ф. 1, № 1981/104.
- Носов Е.Н. А-1987. Отчет о работе Новгородской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 12191 [№ 12191а - альбом иллюстраций к отчету].
- Носов Е.Н. А-1992. Новгородская земля IX-XI вв. (Историко-археологические очерки.) Дис. ... докт. ист. наук. СПб. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 2-Д, д. 493.
- Петренко В.П. А-1970-1971а. Отчет о работах археологической экспедиции Староладожского музея за 1970-1971 гг. // Архив ИА РАН. Р-1, № 4694.
- Петренко В.П. А-1970-1971б. Альбом чертежей и фотографий к отчету о полевых исследованиях археологической экспедиции Староладожского музея за 1970-1971 гг. // Архив ИА РАН. Р-1, № 4694а.
- Петренко В.П. А-1973а. Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1973 г. Часть I. Текст. Л., 1974 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5446.
- Петренко В.П. А-1973б. Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1973 г. Часть II. Альбом иллюстраций. Л., 1974 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5446а.
- Петренко В.П. А-1974а. [Полевые чертежи. Северное Победище - 78. Насыпь 1. Разрезы] // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 1, д. 123.
- Петренко В.П. А-1974б. Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1974 году. Часть I. Текст. Л., 1975 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5472.
- Петренко В.П. А-1974в. Отчет о раскопках в Старой Ладогe и ее окрестностях в 1974 году. Часть II. Альбом иллюстраций // Архив ИА РАН. Р-1, № 5472а.
- Петренко В.П. А-1978а. Отчет о раскопках насыпи № 1 в северной части урочища «Победище» близ с. Старая Ладога в 1978 году. Часть I. Текст. Л., 1979 // Архив ИА РАН. Р-1, № 7090.
- Петренко В.П. А-1978б. Отчет о раскопках насыпи № 1 в северной части урочища «Победище» близ с. Старая Ладога в 1978 году. Часть I. Текст. Л., 1979 // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 1, д. 51.
- Петренко В.П. А-1980а. Отчет о раскопках в с. Старая Ладога и на территории Ивангородской крепости. Часть I. Текст. Л., 1981 // Архив ИА РАН. Р-1, № 8216.
- Петренко В.П. А-1980б. Отчет о раскопках в с. Старая Ладога и на территории Ивангородской крепости. Часть II. Альбом иллюстраций. Л., 1981 // Архив ИА РАН. Р-1, № 8216а.

- Петров Н.И.* А-1994. Отчет о разведочных исследованиях Новгородского отряда Верхне-Мстинской экспедиции Института археологии РАН в Пестовском районе Новгородской области в 1994 г. СПб., 1995 // Архив ИА РАН.⁹¹
- Петров Н.И.* А-1995. Отчет о разведочных исследованиях Новгородского отряда Верхне-Мстинской экспедиции Института археологии РАН в Хвойнинском районе Новгородской области в 1995 г. СПб., 1996 // Архив ИА РАН.
- Платонова Н.И.* А-1988а. Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным). Дис. ... канд. ист. наук. Л. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 2-Д, д. 419.
- Платонова Н.И.* А-1988б. [Альбом иллюстраций к дис. ... канд. ист. наук (приложение II)] // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 2-Д, д. 420.
- Пономарев В.С.* А-1938. Новгородские сопки // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 2, д. 155.
- [*Спицын А.А.*]. А-? [указания на год составления документа отсутствуют]. [Сводка сведений о древностях Новгородской губернии] // Архив ИИМК РАН. Ф. 5, д. 171.
- Третьяков П.Н.* А-1938. О работе В.С.Пономарева «Новгородские сопки» 3 п.л. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 2, д. 155.
- Чернягин Н.Н.* А-1929. Отчет по маршрутной рекогносцировке по реке Волхову // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, оп. 1, д. 122.
- [*Чернягин Н.Н.*]. А-1938а. Отчет о раскопках в Псковском округе в 1938-40 г.г Н.Н.Чернягина // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 1, д. 70.
- [*Чернягин Н.Н.*]. А-1938б. Отчет Н.Н.Чернягина о раскопках в Псковском округе в 1938 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 1, д. 70^а.
- [*Чернягин Н.Н.*]. А-1938в. Чертежи к отчету Н.Н.Чернягина о раскопках в Псковском округе в 1938-1940 годах // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 1, д. 205.
- Яблоник Д.Л.* А-1989. Отчет о работе Ленинградского областного новостроечного отряда в 1989. Л., 1990 // Архив ИА РАН. Р-1, № 14793.
- Protocollum...* А-1733. ...Academicum itineris Kamtschatkiensis. [Дневник всех событий и работ во время Камчатской экспедиции. Запись 18 августа 1733 г.] // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 21, оп. 2, ед. хр. 19.

⁹¹ Здесь и далее отсутствие необходимой информации об архивном деле связано с тем, что данная единица хранения к настоящему времени еще не прошла соответствующей регистрации в указанном архиве.

Список сокращений

- А И П П З - Археология и история Пскова и Псковской земли
- А О - Археологические открытия
- А С - Археологический съезд
- В И Д - Вспомогательные исторические дисциплины
- Г И М - Государственный Исторический музей
- Ж М Н П - Журнал Министерства народного просвещения
- З О Р С А - Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
- З Р А О - Записки Русского археологического общества
- И А Р А Н - Институт археологии Российской Академии наук
- И И М К Р А Н - Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- К С И А - Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
- К С И И М К - Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
- Л А Н о в Г У - Лаборатория археологии кафедры истории и археологии России Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого
- Л Г У - Ленинградский государственный университет
- Л О И А А Н С С С Р - Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
- М А Н З - Материалы по археологии Новгородской земли
- М А Р - Материалы по археологии России
- М И А - Материалы и исследования по археологии СССР
- Н А Ч - Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В.Арциховского. Новгород, 28 сентября - 2 октября 1992 г.
- Н Г О М З - Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
- Н И С - Новгородский исторический сборник
- Н Н З И А - Новгород и Новгородская земля. История и археология
- П А В - Петербургский археологический вестник
- П А О - Псковское археологическое общество
- П С Р Л - Полное собрание русских летописей
- Р А - Российская археология
- Р А Н - Российская Академия наук
- Р А О - Русское археологическое общество
- Р И С - Русский исторический сборник

С А - Советская археология

С А И - Свод археологических источников

С З А Э Л Г У - Северо-Западная археологическая экспедиция Ленинградского государственного университета

С П б Г У - Санкт-Петербургский государственный университет

С П б Ф Р НИИ К П Н М К Р Ф - Санкт-Петербургский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия Министерства культуры Российской Федерации

С С - Скандинавский сборник

С Э - Советская этнография

Т О Д Р Л - Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР

Summary

NICHOLAS PETROV

THE MONUMENTAL PAGAN BARROWS OF TRIBAL ELITE

at the Russian North-West During the Period 700–1100 AD

The monography is devoted to the monumental barrows, erected at the Russian North-West during the period 700-1100 AD and traditionally named in Russian archaeological literature *sopka*-barrows. The author undertakes the consecutive versatile analysis of the *sopka*-barrows as original sacral and funeral structures and considers them in a context of cultural processes, passed at the Russian North-West during the period 700-1100 AD. The reconstruction of a position occupied by the *sopka*-barrows in culture of the population, erecting them, is considered in the monography on the basis of synthesis of various kinds of sources - archaeological, written, folklore. The special place is allocated to research of disappearance of tradition of erection of the *sopka*-barrows, and also - character of their functioning in culture of the population of the given region during the period 1000-1200 AD.

Introduction. Statement of a problem. In this part of the book the general characteristic the *sopka*-barrows (the monumental barrows, which were erected at the Russian North-West during the period 700-1100 AD) is given; the first excavation the *sopka*-barrows at the 18th century is described; it is underlined necessity of study of these antiquities for a wide context of cultural processes; the basic aspect of the given book (analysis of the *sopka*-barrows as subject embodiments of the appropriate funeral tradition) is marked.

Chapter I. Sopka-barrows: the general questions of the researches. In this chapter the various groups of sources used by the author during the study the *sopka*-barrows are considered; and also - the general position of the *sopka*-barrows in the culture of the population, which erected them, is investigated.

Height of a barrow, as the basic criterion of a complete set of source base, remains while as a unique way of its preliminary formation. It is possible to agree with S.L.Kuzmin, who allocated among the high barrows of the Russian North-West two independent traditions: so-called "classical" *sopka*-barrows and the high barrows of the Pskov long barrows culture. The reference to organization of internal space of the barrows investigated with the excavations (V.Yak.Konetzky, S.L.Kuzmin) seems here the most correct way. But it appears that the clear division of not dug out high barrows is frequently an impossible task.

During the recent excavations it is obvious that there is a presence of so-called "surface" burial places (cremations, located on top of the barrow repeatedly and not once) in the majority the *sopka*-barrows (the sites Skovorodka, Jerusalimskaya, Jeroshikha, etc.). In many cases their fixing is inconvenient, sometimes - is practically impossible.

It is impossible to recognize comparison of the *sopka*-barrows with the message of the ancient Russian chronicle "Povest vremennikh let" about the graves "on a pole on the ways" ("na stolpe na putekh") as lawful. The author of the chronicle connects the graves "on a pole" with the tribes "radimichi", "vjatichi", "severjane" and, probably, "krivichi". The discrepancy of territories of inhabiting of this tribes to the territory of the *sopka*-barrows is obvious. In Ancient Russian the word "the pole" ("stolp") for a designation of earthen (or stone and earthen) mound was not used (I.I.Sreznevsky, A.S.Lvov). Probably, those researchers are closest to true (B.A.Ribakov, V.V.Sedov) that consider, that in this

message the accommodation of the graves in wooden structures (which was revealed in the field of inhabiting of the tribes "radimichi", "vjatichi", "severjane") was reflected.

Reminiscences connected with the sopka-barrows are found in "The Story about Sloven, Rus and the town Slovensk" (from the chronicle 1679): "they made very high grave, as the pagans made". The characteristics, with which this legend (and also - "The Story about the war of the slaves") allocates the "grave", correspond to the social and cultural status of the sopka-barrows during the epoch of their erection.

For definition of the position of the sopka-barrows in views of collectives, which erected them, about the world of dead it is noticed perspective the attraction of the folklore texts, first of all - magic fairy tales which (as has concluded V.N.Toporov), reflect not only the ritual initiation (by V.Yak. Propp), but also the appropriate funeral ritual. Monumentality of the sopka-barrows allows to assume their connection with the views about a mountain separating the world of dead from the world of alive, and also about localization of the world of dead on a mountain. In a magic fairy tale the ascention on a mountain is repeatedly represented as "means" of achievement by a hero of the world of dead. The top of a mountain marks border of two worlds in such cases (V.Yak. Propp). One of the elements of the widespread views about a way of the dead man to the world of dead (mountain), traced in the folklore texts, finds out thus its embodiment in the sopka-barrows. It is necessary to emphasize: the speech does not go at all about reflection in a fairy tale of some views about the sopka-barrows, connected with the collectives which erected them.

Reconstruction of the mechanism of functioning of the sopka-barrows in the culture of the population, which erected them, is connected with the answer on a question: whether the realization of funeral functions of the sopka-barrows connected only with "surface" burial places (and all previous actions on erection of a barrow only prepared its functioning as funeral monument) or it (realization) was characterized with gradual erection of the sopka-barrows, and erection of a barrow, which was provided with the graves, was its indispensable condition? The presence of the grave of a child in the sopka-barrow (the site Gubinskaya Luka) is rather important. The messages about fulfilment of the human sacrifices during 9th-10th centuries in Russia (including the infants) are in Byzantian, Arabian, Ancient Russian written sources and make to consider definition of the cremations in a barrow as the graves in the full sense of this word with extra care. Any unequivocal their interpretation is premature. It seemed that the given materials and supervisions testify only about sacrifice character of such graves. However, the final answer to this question is complicated by frequent absence of definitions of age and sex. The bases for complete exception of an opportunity of gradual erection of the sopka-barrows (with fulfilment of the graves of the leaders of communities at each stage) are absent.

The presence of special sacral functions of the sopka-barrows was marked by the researchers repeatedly. The interpretation of V.Yak.Konetzky about internal structure of the sopka-barrows as the subject realization model of the world causes objections, however. Any semiotic system correlates with mythology in archaic society, so it will be connected with model of the world in any case. The character of this connection is various. It can be the result of a conscious embodiment of model of the world, but the situations are possible, when absolutely other principles lay in its basis. So in a basis of funeral ritual the aspiration lays to influence in some way upon the border separating the world of dead from the world of alive (A.K.Bajburin, G.A.Levinton, O.A.Sedakova). The unverbale sign system, which represents model of the world, could function in culture during any significant interval of time only when it was visual perceived. An erected sopka-barrow in itself acts as one of the basic elements of model of the world. It is possible to admit performance of the function of "organizers" of sacral "level" of real geographical space with such structures. Semantics of elements the of their "construction" is connected with the aspiration to a maximum

adequate embodiment of this "section" of model of the world in particular barrow. It is necessary to search an explanation of absence of typological unity of the sopka-barrows not only that they have reflected by themselves some not settled tradition, but also in the character of the pagan religion of the population, which erected them.

Paganism of the East Slavs seems as the complex of religion, frequently contradictory. To prevailing nowadays opinions about existence of uniform pagan religion we are obliged in many respects to reform of 980 AD; particular "components" of a considered complex of appear rather uniform only in local variants (N.M.Galkovsky, A.B.Strakhov, O.N.Trubachev, etc.). A variety of particular displays of internal structure of the sopka-barrows is reflection of a similar situation also.

Last section of the chapter is devoted to a ratio of the territory of the sopka-barrows and the tribe "slovene", and also to legitimacy of association of the sopka-barrows and the subject embodiments of other cultural traditions in frameworks of "culture of the sopka-barrows".

As we can judge about it on the reports of the Ancient Russian chronicles about the events 862-944 AD the tribe "slovene" are involved in the military and political measures of the king's administration. The researchers repeatedly marked an opposition in the second half of 9th and in the first half of 10th centuries the centre of the king's administration ("Ryurik Gorodishche") and the tribe structures marked with the zones of concentration of the sopka-barrows in the basins of the rivers Msta and Luga. The absence of single centre of these structures (which took a place unlikely in case of their connection with single ethnic group) is significant. It is possible to consider only the coast of the lake Ilmen and the upper reaches of the river Volkhov as regions directly subordinated to the king's administration before the campaign of queen Olga in 947 AD. (Thus "slovene" in 862-947 AD correspond to this regions.) Not numerous of the sopka-barrows in this regions corresponds with their direct submission to the king's administration.

It is necessary to recognize, that high barrows are not a determining type of the sites for the group of antiquities called "the culture of the sopka-barrows" in the modern literature. Its materials are fixed on the settlements, near to which the sopka-barrows are absent (S.L.Kuzmin). There is a question: determining archaeological culture on a basis of "the ordered set of steady... interconnected types of the phenomena of the material world given us in the archaeological remains" (L.S.Klejn), whether we can assume existence of such "ordered set" in general? The allocation of "third and fourth" types of the sites (Y.N.Nosov, A.V.Plokhov) can make to recognize uniqueness of a combination of various cultural traditions in each particular complete set of the sites at the end. It is thought, that the reconstruction of the "network" of cultural traditions at a level of revealing of cultural types and the territorial and chronological frameworks of there existence (without an output on a level of archaeological of culture) will be more adequate to reflect cultural and historical reality.

Chapter II. Formation of the sopka-barrows tradition: 700-900 AD. During the recent researches a connection of the sites of coast of the river Volkhov and adjoining regions of "the culture of the sopka-barrows" with the upper reaches of the river Dnepr is more and more obvious. According to the specifications which have been brought in stratigraphy and chronology of Staraya Ladoga by S.L.Kuzmin and A.D.Machinskaya, the occurrence of a complete set of the elements of the culture of Smolensk long barrows in the lower reaches of the river Volkhov is connected only with 810-840 AD - the time of condensation and expansion of the building Staraya Ladoga. Thus, the sharp inflow of the population and formation of settlement structure are fixed only in the beginning of the 9th century in the lower reaches of the river Volkhov.

To time not later than 8th century V.P.Petrenko has attributed the beginning of an erection only two sopka-barrows at the lower reaches of the river Volkhov - NN 5-III and 14-II. In other cases the erection of some such barrows earlier than in the 9th century is only supposed in connection with general dating of the sopka-barrows with the 8th - 9th centuries. However, the tip of the spear from the sopka-barrow N 5-III is not so unequivocal chronological indicator. Existence of such tips concerns to a wider period - the 8-th - the beginning of the 9th centuries (M.Atgazis, A.R.Artemjev). The dating of an initial stage of an erection of the sopka-barrow N 14-II on the basis of the fragments of the belt set can be various: the similar subjects penetrate from the upper reaches of the river Kama into the Finland South-West in middle - third quarter of the 7th century, however, these finds could appear at the lower reaches of the river Volkhov and as a result of "return" import, that is - in much more later time (A.I.Volkovitzky). In connection with this circle of questions it is quite often considered initial barrow of the high funeral mound N 3 near the village Gorodishche on the river Sjas (date with time earlier than boundary of the 8-th - 9th centuries). It is necessary, however, to note, that the elements of its construction find out analogies in the barrows, situated between the rivers Mologa and Sheksna (O.I.Boguslavsky), which reflect special funeral tradition directly not connected with the sopka-barrows (A.N.Bashenkin). Thus, the occurrence of the sopka-barrows at the lower reaches of the river Volkhov can be correlated with time not earlier than boundary of the 8-th - 9th centuries and correspond to formation new settlement structure here in the beginning of the 9th century.

The hypothesis about a Scandinavian origin of the sopka-barrows stated for the first time by A.A.Spitzin, nowadays most consistently is asserted by D.A.Machinsky and V.Yak.Konetzky. However, the significant chronological break between the high barrows of Sweden of the 6th-7th centuries and the earliest of sopka-barrows of coast of the river Volkhov is obvious. It seems, that the opinion about necessity of making of a grave of the social leader in a barrow was extremely universal and quite could be formed in barbarous societies without any pulses from the outside. It is necessary completely to agree with Y.N.Nosov, believing, that the sopka-barrows, as an original type of a the funeral construction, were generated directly in territory of Novgorod Land. Thus at all it is not necessary to exclude an opportunity of influence on the tradition of the sopka-barrows synchronous to it Scandinavian funeral rituals. Just thus it is necessary to regard, for example, the fixed in the sopka-barrows of the lower reaches of the river Volkhov accommodation of a funeral urn covered with plate in a niche of a stone wall, and also - triangular stone pavements in a barrow.

Chapter III. Distribution of the sopka-barrows tradition at the North-West Rus: 800-1000 AD. In this chapter the process of penetration of the sopka-barrows from the lower reaches of the river Volkhov in the basin of the lake Ilmen and nearest regions is considered. (The reconstruction of this process is extremely complicated with uneven investigation of the sopka-barrows.) The fixed in a number of cases (the sites Vindin Ostrov, Goroshkovo, Zolotoje Koleno) the erection of the sopka-barrows on cultural layers of the end of the I millennium AD is represented significant. Certainly this supervision is not the basis for a recognition of the secondary distribution of the sopka-barrows in respect of settlement structures of this time at the Russian North-West as a whole, however, the account of an opportunity of a similar situation is rather important for understanding of character of their intercommunication.

Social structure settlement connected with single sopka-barrow, as V.Yak.Konetzky has shown on the basis of results of complete research of a similar complex of the sites (Gubinskaya Luka), can be characterized as despotic family community. The dug out site is represented as the "elementary" variant such of settlement. Obviously, however, that at this

time at the Russian North-West there were the settlements, compared with more complex structures, including the structures connected with several family communities. Probably, it is necessary to consider the settlements forming the complete sets of the sites with groups from several the sopka-barrows as reflection of such communities.

The original variant of development of tradition of the sopka-barrows is presented with the high barrow near the locality Plakun in Staraya Ladoga, the principles of which construction unequivocally correspond with the sopka-barrows. The grave on the top by this barrow (inhumation on a platform from the ship boards, which was accompanied with a burial place of horses), dated by 890-920 AD (O.I.Boguslavsky, A.D.Machinskaya), is compared with Scandinavian graves of a type F (by G.S.Lebedev), connected with the royal bodyguards, formed on a basis of the collectives of vikings. This barrow reflects a beginning of process of perception by the Ladoga representatives of king's administration the tradition of the sopka-barrows.

Chapter IV. The sopka-barrows in culture of the North-West Rus population: 1000-1200 AD. Future of the sopka-barrows at the beginning of the second millennium AD is considered in a context of processes of christianization and distribution of the funeral ritual of inhumation at the Russian North-West.

The distribution of a christianity in this region is possible to consider as some external factor of transformation of the local pagan religion. Christianization of traditional religion of East Slavs, which has led to its structural complication (N.I.Tolstoy), can be considered as inclusion in the compound of it the christian characters. (The religion of East Slavs does not lose thus its the local character.) It is necessary to distinguish two levels at christianization - measures of the state connected to introduction of nation-wide ideology and process of "saturation" of traditional religion with christian elements.

In domestic archaeology there was a steady opinion that the transition of the population of Ancient Russia to the funeral ritual of inhumation was not connected with christianization (B.A.Ribakov, V.V.Sedov, V.Yak.Konetzky, A.P.Motzja, etc.). However, its character makes quite admitted the assumption about the presence of such connection. The discrepancy of some elements of an inhumation to a church canon cannot be the basis for a refusal from a recognition of it like christian (A.Y.Musin).

Frequently only earth inhumations admit certainly christian. Really, the negative attitude of a clergy to barrow is traced in written sources quite distinctly and finds conformity in the destroyed sopka-barrows, on the place of which arise the earth cemeteries of the 11th - 12th centuries arise. But in frameworks of the "mass" Orthodox Christianity the presence of barrow is not connected with the evolution of previous funeral forms. The sudden occurrence of the barrows in christian funeral ritual is possible to explain by an embodiment of general religious idea of memorial funeral construction (A.Y.Musin).

The initial perception of christian funeral ritual of inhumation by the representatives of nobility and only subsequent its mass distribution is brightly traced on the materials of excavations of the barrow cemeteries Udray-II (the "stone mound" of the end of the 10th - the first half of the 11th centuries), in the village Khreple (the "large central barrow" N 20 of the end of the 11th - 12th centuries), near the village Ivorovo (the barrow N 2 of the 12th centuries (excavations 1967) with inhumation in the sarcophagus and barrow N 1 of the end of the 12th - the beginning of the 13th centuries (excavations 1973) with a stone cross at the top). For correct understanding of such barrows it is important a figure of a cultural hero - the founder of a new (or the reformer of existing) funeral ritual. This figure is traced in the texts concerning to Scandinavian and Baltic mythological traditions (Odin, Freir, Dan Proud, Sovij, Shvintorog) and finds to itself an explanation in special ("innovatory") function of the social and cultural leader in this sphere of culture. It is necessary to note, that

the offered above scheme is not universal. As it has shown by S.V.Beletzky, one of the cremations in the sopka-barrow 15-I (in the lower reaches of the river Volkhov), judging by the presence in it of the pendant with appropriate symbol of the Rurik's successors, was accomplished in 1010-1015 AD and was represented as a burial place of the representative of king's administration.

The most "radical" variant of disappearance of the sopka-barrows tradition is fixed during the excavation of the sopka-barrow near the village Skovorodka: in 995-1020 AD the wooden box with the rests of cremations was thrown out of the top of the barrow, then it was blocked with a layer of sand. The violent suppression of the funeral (and probably sacral) functions of this sopka-barrow is obvious and corresponds with the representatives of clergy and king's administration. During the excavations of the earth cemeteries of the 11th - 12th centuries (Derevjantzi, Nereditza, Shelgunovo) the platforms (on which there were the sopka-barrows destroyed later) were discovered. In spite of the fact that the complete termination of existence of this sopka-barrows is obvious, the occurrence of the earth cemeteries on their place speaks about some continuity of the sopka-barrows and the cemeteries in the sphere of funeral functions.

The ditches discovered in the locality Perin, surrounded the platforms, on which earlier also stood the sopka-barrows (V.Yak.Konetzky). On the first view, their destruction is connected with the baptism of Novgorod in 989 AD. But it is necessary to pay attention to earlier date (980 AD) also, when Perun's idol ("Peruna kumir" - the sacral centre of king's administration) was established here. It is very difficult to consider coexistence of the sopka-barrows and Perun's idol in view of character of reform 980 AD and mutual relations of king's administration and the local nobility.

Functioning of the sopka-barrows as the funeral monuments in the second millennium AD is traced and on the revealed in them the inlet inhumations also. Sometimes they are submitted by several graves and concern to time not later than the end of 12th century (Pristan). Much more often such graves are estimated in tens and are dated with a Late Middle Ages (Raglitzi). The first stage of secondary ritual utilization of the sopka-barrows is comparable with the graves of "dirty" dead. Since 13th - 14th centuries the sopka-barrows are included in a "positive" context of the funeral rituals. This chronological distinction can be considered only as the general tendency. It is possible, that on some of the sopka-barrows the village cemeteries arise already in 12th - 13th centuries. The opinions about a sopka-barrow as about a "dirty" place exist till now. The reason of "instability" of such opinions is connected with the specificity of traditional culture, in which the perception of "other" world can change in frameworks of opposition "pure" / "dirty", but can be out of it also.

Conclusion. In this part of the book the conclusions of research are summarized and the prospects of the further study of the considered circle of problems are planned.

Иллюстрации

Рис. 1. Фрагмент оттиска с медной гравировальной доски "Вид Бронницкой горы близ Новгорода" [А-1770:8] с изображением городища и сопок около села Бронницы.

Рис. 2. Зоны распространения сопок по В.В.Седову [1970:табл. I] и Е.Н.Носову [А-1992:569, рис. 1] с дополнениями по К.М.Плоткину [1989:161-162, 175, рис. 1, 6] и уточнениями по А.Н.Башенькину [1995:6-7, рис. 1].

Рис. 3. Внутренняя структура высокой погребальной насыпи культуры псковско-новгородских длинных курганов. Разрез и план кургана № 2 из группы курганов у д. Городня в восточном Причудье (раскопки Н.Н.Чернягина [А-1938а:20-21, 63-64; А-1938б:6, 17; А-1938в:12] 1938 г.).

Условные обозначения: 1 - «скопления костей»; 2 - «глиняные горшки»; 3 - «белый песок».

Рис. 4. Внутренняя структура «классической» сопки. Разрез и план (по В.В.Седову [1982:86, табл. XX - 2-4]) сопки у д. Селяха на р. Ловать («северный Селяхский курган», раскопки Л.К.Ивановского [1881:60, 65] 1871 г.).

Условные обозначения: 1 - «речной песок»; 2 - «черноземный шатер» (погребенный дерн); 3 - скопления кальцинированных костей (1 - человеческих, 2 - животных); 4 - мелкие камни в насыпи; 5 - дерн; 6 - камни.

Рис. 5. Ров-подрезка вокруг основания сопки в урочище Губинская Лука (раскопки В.Я.Конецкого [А-1989:18, рис. 6] 1989 г.). Сечение горизонталей - через 0.2 м.

Условные обозначения: 1 - камни; 2 - зольно-углистые пятна.

Рис. 6. «Курган на стыке ландшафтов» - план и разрез (по линии В-В) насыпи № 10 в группе курганов Березицы-I, верхнее Поплюсье; раскопки С.Л.Кузьмина 1993 г. (материалы архива СПбФ РНИИ КПиН МК РФ⁹²).

Условные обозначения: 1 - дерн; 2 - оранжевый песок; 3 - слабогумусированный песок; 4 - сильногумусированный песок; 5 - желто-серый суглинок; 6 - погребенная почва; 7 - кальцинированные кости; 8 - материк; 9 - пикеты на бровках; 10 - нивелировочные отметки материка; 11 - фрагменты керамики; 12 - камни.

Рис. 7. Высокие погребальные насыпи второй половины I тыс. н. э. в северной части Молого-Мстинского водораздела (разведочные обследования Н.И.Петрова [А-1994:рис. 1б, 6, 10, 29, 32; А-1995:рис. 2а, 19, 27, 62] 1994-1995 гг.).

7.1 - схема расположения памятников около д. Климовщина.

Условные обозначения: 1 - одиночный курган второй половины I тыс. н. э., 2 - группа курганов второй половины I тыс. н. э., 3 - одиночный высокий курган второй половины I тыс. н. э., 4 - группа высоких курганов второй половины I тыс. н. э., 5 - группа высоких курганов второй половины I тыс. н. э. и курганов

⁹² В настоящее время архив СПбФ РНИИ КПиН МК РФ находится в стадии формирования; в связи с этим обстоятельством общепринятые ссылки на соответствующие единицы хранения здесь и далее отсутствуют

с погребениями-труположениями начала II тыс. н. э., 6 - селище второй половины I тыс. н. э., 7 - современное сельское кладбище.

7.2 - схема расположения памятников около дд. Стёпаново и Бельково.

Условные обозначения: 1 - селища конца I тыс. н. э. - начала II тыс. н. э., 2 - одиночный курган второй половины I тыс. н. э., 3 - группа курганов второй половины I тыс. н. э., 4 - одиночный высокий курган второй половины I тыс. н. э., 5 - одиночная сопка, 6 - группа сопок, 7 - жальник.

7.3 - планы высоких курганов около дд. Климовщина (1-4), Бельково (рис. 5, 7) и Стёпаново (рис. 6). Высота сечения горизонталей - 1 м. (1 - Климовщина-XV, 2 - Климовщина-X, 3 - Климовщина-XI, 4 - Климовщина-VIII, 5 - Бельково-IV, 6 - Стёпаново-V, 7 - Бельково-V).

Условные обозначения: 1 - ров-подрезка вокруг основания высокого кургана, 2 - выступающие из-под дернового покрытия насыпи камни, 3 - насыпи с погребениями-труположениями начала II тыс. н. э., ямы образовавшиеся от выборки грунта при возведении кургана (группа курганов Климовщина-VIII), 4 - поздние повреждения курганов.

Рис. 8. Погребения на вершинах сопок.

8.1 - деревянный ящик в верхней части сопки № 2 (группа сопок II) у д. Сквородка в верхнем Поплюсье (раскопки С.Л.Кузьмина 1988 г.; материалы архива СПбФ РНИИ КПиН МК РФ).

Условные обозначения: 1 - доски, 2 - береста, 3 - органическая масса, 4 - «слой засыпки», 5 - «поверхность пирамиды», 6 - кальцинированные кости.

8.2 - деревянные конструкции на вершинах сопок около д. Ерусалимская (нижнее Повеличье, раскопки Н.И.Соколова [1879:рис. 3, 5-6, 11-12] 1878 г.).

8.2.1-2 - «курган» 1, «вид обнаженного от бересты костра» (слева) и реконструкция сооружения (справа).

8.2.3 - «курган» 1, кальцинированные кости, зола и мелкий уголь «по снятии верхнего помоста».

Условные обозначения: 1 - кальцинированные кости, зола и мелкий уголь.

8.2.4 - план и разрез «кургана» 2.

Условные обозначения: А (на плане) - «краснорозовый песок», А (на разрезе) - «кострище» (на плане обозначено прямоугольником), Б (на плане и разрезе) - «слой красного песку».

8.3 - «погребальное домовище» в верхней части сопки около д. Ерошиха (нижнее Повеличье, раскопки В.Н.Крейтона [1913:рис. 2] 1912 г.).

Условные обозначения: а - «домовище», б - «центральное пятно темной окраски», в - «куски плиты».

8.4 - одиночная сопка в урочище "Губинская Лука" на р. Ловать; погребение (№ 1) в верхней части насыпи (раскопки В.Я.Конецкого [А-1989:20, рис. 8] 1989 г.).

Условные обозначения: 1 - скопления кальцинированных костей, 2 - дерн, 3 - песок. Цифрами на плане погребения обозначены: 1 - бусы оплавленные (- 70/- 90), 2 - керамика (- 58/- 90), 3 - спираль бронзовая (- 62), 4 - предмет железный (- 41).

Рис. 9. Берестяные погребальные урны и каменные погребальные конструкции в сопках и сопкообразных курганах.

9.1 - остатки берестяной погребальной урны; одиночный сопкообразный курган у д. Романово (раскопки С.В.Белецкого [1986:179, рис. 6/1] 1974-1975 гг.).

9.2 - берестяная погребальная урна (реконструкция); одиночный сопкообразный курган у д. Репьи в верхнем Полужье (раскопки Г.С.Лебедева [1978a:95, рис. 1/XI] 1972 г.).

9.3 - каменный ящик; сопка у д. Ключево (бассейн верхней Ловати, раскопки В.Н.Глазова [1903:46, рис. 28-29] 1901 г.).

Рис. 10. «Поверхностные» захоронения в сопках.

10.1 - одиночная сопка около д. Пристань (Пристань-I), разрез по линии «запад-восток», бассейн р. Оредеж; раскопки С.Л.Кузьмина [1992a:25, рис. 2] 1989 г.

Условные обозначения: 1 - слой распашки, 2 - погребенный дерн, 3 - моренный щебень, 4 - гумусированные слои, 5 - кости животных, 6 - кальцинированные кости, 7 - материк, 8 - уголь современных костров.

10.2 - сопка № 2 в группе сопкок Пристань-III, разрез по линии «юг-юго-восток - север-северо-запад», бассейн р. Оредеж; раскопки С.Л.Кузьмина 1989 г. [материалы архива СПбФ РНИИ КПН МК РФ].

Условные обозначения: 1 - дерн, 2 - кальцинированные кости, 3 - красный моренный щебень, 4 - светло—желтый моренный щебень, 5 - направление слоев щебня, 6 - слой саж и золы, 7 - зола, 8 - камни, 9 - погребенная почва, 10 - заполнение ямы впускного труположения, 11 - заполнение позднего перекопа, 12 - слой пахоты, 13 - материк, 14 - серый гумусированный щебень.

10.3 - сопка 14-I в северной группе сопкок в урочище Победище, разрез по линии «юг - север», северное Поволховье; раскопки В.П.Петренко 1974-1978 гг.[Петренко 1994:50-51, рис. 13-II].

Условные обозначения: 1 - дерн, 2 - перекоп, 3 - черный гумус, 4 - темно—коричневый гумус, 5 - песок, 6 - зола, 7 - уголь, 8 - глина, 9 - суглинок, 10 - коричневый гумус, 11 - кальцинированные кости, 12 - грунтовые погребения, 13 - отдельные камни, 14 - корни деревьев, 15 - отдельные находки, 16 - материк, 17 - столб, 18 - границы вскрытого участка, 19 - реконструкция первоначальной формы насыпи.

10.4 - сопка 15-III в южной группе сопкок в урочище Победище, разрез по линии «восток - запад», северное Поволховье; раскопки В.П.Петренко 1973 г. [Петренко, Конаков, Рогачев 1977:86-87, рис. 1-II].

Условные обозначения: 1 - дерн, 2 - гумус, 3 - гумус, 4 - кальцинированные кости, 5 - песок, 6 - камни, 7 - угли, 8 - перекоп.

Рис. 11. Ситуационный план расположения комплекса памятников в урочище Губинская Лука на р. Ловать [Конецкий 1994в:139, рис. 1].

Цифрами на плане обозначены: 1 - раскоп на селище, 2 - одиночная сопка.

Рис. 12. План материковой поверхности «каменного круга» в урочище Губинская Лука на р. Ловать (раскопки В.Я.Конецкого 1990-1991 гг. [материалы ЛА НовГУ]).

Сечение горизонталей - через 5 см.

Рис. 13. Скопления кальцинированных костей, примыкающие к внешним сторонам каменных обкладок оснований сопок.

13.1 - сопка 15-V в южной группе сопок в урочище Победище (северное Поволховье; раскопки В.П.Петренко [1985а:142, рис. 8В] 1972 г.). Разрез южной половины насыпи.

Условные обозначения: 1 - суглинок, 2 - гумус, 3 - песок, 4 - переотложенный слой, 5 - уголь, 6 - зола, 7 - камни, 8 - кальцинированные кости, 9 - прокаленный песок, 10 - песок.

13.2 - сопка 15-IV в южной группе сопок в урочище Победище (северное Поволховье; раскопки В.П.Петренко [А-1973б:12-12об, рис. 14] 1973 г.). Разрез насыпи по линии «юг-север».

Условные обозначения: 1 - дерн, 2 - гумус, 3 - песок, 4 - светлый суглинок, 5 - корни, 6 - камни, 7 - кальцинированные кости, 8 - дно раскопа.

Рис. 14. Грунтовый могильник с погребениями-трупосожжениями «Которск-IX» (верхнее Поплюсье; раскопки С.Л.Кузьмина 1991 г. [материалы архива СПбФ РНИИ КПН МК РФ]).

14.1 - план материковой поверхности раскопа. Сечение горизонталей через 0.1 м.

Условные обозначения: 1 - дерн, 2 - аморфный слабогумусированный песок, 3 - материк (желтый песок), 4 - грунтовые ямки, 5 - ямы от пней, 6 - кости животных, 7 - деревянная плаха, 8 - уголь, 9 - предполагаемые контуры построек.

14.2 - элементы вещевого комплекса.

Условные обозначения: 1 - проволочное височное кольцо, 2—4 - трапециевидные подвески, 5 - фрагмент ножа, 6 - фрагмент браслета, 7 - подковообразная спиралеконечная фибула. 1—4, 6—7 - бронза, 5 - железо.

Рис. 15. Погребения-трупосожжения в теле насыпи одиночной сопки в урочище Губинская Лука на р. Ловать (раскопки В.Я.Конецкого [А-1989:20, рис. 8] 1989 г.)

Рис. 16. Разрез сопки у д. Коровитчино на р. Ловать по В.В.Седову [1982:86, табл. XX-7] (раскопки Л.К.Ивановского [1881:60, 65] 1871 г.).

Условные обозначения: 1 - «речной песок», 2 - «черноземный шатер» (погребенный дерн), 3 - скопления кальцинированных костей, 4 - дерн, 5 - камни.

Рис. 17. Разрезы сопки № 2 (группа сопок II) у д. Сковородка в верхнем Поплюсье (раскопки С.Л.Кузьмина [материалы архива СПбФ РНИИ КПН МК РФ] 1988 г.).

Условные обозначения: 1 - дерн, 2 - серый песок, 3 - погребенный дерн, 4 - желтый суглинок, 5 - моренный красный песок, 6 - материк, 7 - корни.

Рис. 18. Профиль северного участка рва насыпи (группа сопок Брод-VI) у дд. Брод-Лучки в междуречье рр. Пола и Мста (раскопки В.В.Милькова [Фролов 1994: 42, рис. 3] 1991 г.).

Условные обозначения: 1 - современный отвал, 2 — аморфный песчаный серый оползень, переходящий в пашню, 3 - плотный серый слой с угольками, 4 - рыхлый серый песок, 5 - гумусированный слой с золой и угольками, 6 - угли, 7 - серый золистый слой.

Рис. 19. Зоны концентрации сопок.

Рис. 20. Вещевые и керамические комплексы некоторых памятников «культуры сопок».

20.1 - «культура сопок» по В.В.Седову [1982:86-88, табл. XX-XXII]:

1 - двушипный наконечник дротика, железо; 2-6 - уздечные бляшки, серебро на свинцовой основе; 7 - четырехчастная пронизка, стекло и серебряная фольга; 8 - фрагмент удила с фигурным зооморфным псалием, бронза; 9-11 - крепления уздечных бляшек (см. - 2-6, 16), медь; 12 - неопределимый предмет, железо; 13 - наконечник пояса, бронза; 14 - поясная бляшка, бронза; 15 - рукоять плети, железо; 16 - уздечная бляшка, серебро на свинцовой основе; 17 - кольцообразная обтяжка, бронза; 18 - поясная бляшка, бронза; 19-20 - бляшки, бронза; 21 - пряжка, железо; 22 - бубенчик, бронза; 23 - наконечник пахотного орудия, железо; 24 - спиралеконечное височное кольцо, бронза; 25 - трапециевидная подвеска, бронза; 26 - трехчастная пронизка, стекло и серебряная фольга; 27 - светло-голубая прозрачная бусина, стекло; 28 - светло-голубая прозрачная бусина, стекло; 29 - темно-бурая бусина с васильковыми глазками, стекло; 30 - бусина, стекло; 31 - блесна, железо; 32 - рифленая бусина, глина; 33 - синяя зонная бусина, стекло; 34 - полупрозрачная зеленовато-серая глазчатая бусина с рельефными глазками (печеночно-красное ядро в желтом обрамлении), стекло; 35 - пряслице, глина; 36 - спиралька, бронза; 37 - пряслице, глина; 38 - льячка, глина; 39 - спиралька, бронза; 40 - обрывок цепочки, железо; 41 - спиралька, бронза; 42 - бусина, обожженный сердолик; 43-44 - трапециевидные подвески, бронза; 45 - цепочка, бронза; 46 - спиралька, бронза; 47 - спиральный двухоборотный перстень, бронза; 48 - туес (погребальная урна), береста (реконструкция); 49-58 - лепные керамические сосуды.

* * *

1 - северное Поволховье, сопка 5-III, раскопки З.Д.-Ходаковского 1820 г.; 2-6 - северное Поволховье, сопка 10-III, раскопки С.Н.Орлова 1940, 1948 гг.; 7 - северное Поволховье, сопка 4-II, раскопки С.Н.Орлова 1940, 1948 гг.; 8-11 - северное Поволховье, сопка 10-III, раскопки С.Н.Орлова 1940, 1948 гг.; 12 - северное Поволховье, сопка 15-VII, раскопки Н.Е.Бранденбурга 1883-1884 гг.; 13-14 - северное Поволховье, сопка 14-II, раскопки Н.Е.Бранденбурга 1883-1884 гг.; 15-16 - северное Поволховье, сопка 10-III, раскопки С.Н.Орлова 1940, 1948 гг.; 17-22 - северное Поволховье, сопка 14-II, раскопки Н.Е.Бранденбурга 1883-1884 гг.; 23-24 - северное Поволховье, поселение на месте Земляного городища в Старой Ладогe, раскопки В.И.Равдоникаса 1938-1947 гг.; 25-30 - северное Поволховье, селище около б. д. Новые Дубовики, раскопки Е.Н.Носова 1972 г.; 31-39 - среднее Помостье, селище около д. Золотое Колено, раскопки Е.Н.Носова 1974-1975 гг.; 40-42 - среднее Помостье, сопка № 1 в группе сопок около д. Золотое Колено, раскопки П.Г.Любомирова 1910 г.; 43-48 - нижнее Повеличье, одиночный сопковидный курган около д. Романово, раскопки С.В.Белецкого 1974-1975 гг. 49 - среднее Помостье, сопка № 1 в группе сопок около д. Золотое Колено, раскопки П.Г.Любомирова 1910 г.; 50 - нижнее Повеличье, группа сопок около д. Ерошиха, раскопки В.Н.Крейтона

1912 г.; 51 - северное Поволховье, сопка 14-II, раскопки Н.Е.Бранденбурга 1883-1884 гг.; 52-53 - северное Поволховье, селище около б. д. Новые Дубовики, раскопки Е.Н.Носова 1972 г.; 54-55 - среднее Помостье, селище около д. Золотое Колено, раскопки Е.Н.Носова 1974-1975 гг.; 56 - северное Поволховье, селище около б. д. Новые Дубовики, раскопки Е.Н.Носова 1972 г.; 57 - среднее Помостье, селище около д. Золотое Колено, раскопки Е.Н.Носова 1974-1975 гг.; 58 - происхождение сосуда В.В.Седовым не указано.

20.2 - Поселения ильменского Поозерья и верховьев Волхова [Носов 1990:175, 180-182, рис. 65, 68-70; см. также - Носов А-1977а: 26-27; Носов А-1981:17-21; Носов А-1987:11-16; рис. 43]:

1 - коса, железо; 2 - четырехгранный стержень (фрагмент гривны), железо; 3 - топор, железо; 4 - удила с зооморфными псаллиями, железо, латунь (инкрустация), синее кобальтовое стекло (вставки); 5 - нож с волютообразным завершением рукояти, железо; 6 - наконечник пахотного орудия, железо; 7 - двушипный наконечник стрелы, железо; 8-28 - лепные керамические сосуды.

* * *

1 - городище Холопий городок, раскопки Е.Н.Носова 1981 г.; 2 - селище I у д. Васильевское, раскопки Е.Н.Носова 1987 г.; 3-4 - городище Холопий городок, раскопки Е.Н.Носова 1981 г.; 5 - селище I у д. Васильевское, раскопки Е.Н.Носова 1987 г.; 6 - городище Холопий городок, раскопки Е.Н.Носова 1981 г.; 7 - селище I у д. Васильевское, разведочное обследование Е.Н.Носова 1977 г.; 8-28 - городище Холопий городок, раскопки Е.Н.Носова 1980-1981 гг.

20.3 - комплекс памятников (селище, «каменный круг», одиночная сопка) в урочище Губинская Лука на р. Ловать (раскопки В.Я.Конецкого 1989-1991 гг. [Конецкий А-1989:21, рис. 9; материалы ЛА НовГУ]):

1-3 - фрагменты лепных керамических сосудов; 4-5 - ножи, железо; 6 - трехчастная пронизка, стекло и золотая фольга; 7 - фрагмент спирали, бронза; 8 - нож, железо; 9 - футляр для фитиля, железо; 10 - пряжка, железо; 11 - фрагмент сошника (?), железо; 12-14 - нож и фрагменты ножей, железо; 15 - фрагмент сошника (?), железо; 16 - фрагмент браслета (?), железо; 17 - височное проволочное кольцо, бронза; 18 - перстень, бронза; 19 - перстень, серебро; 20 - фрагмент спирали, бронза; 21 - фрагмент оселка, сланец; 22 - пряслице, глина; 23 - льячка, глина; 24-26 - пряслица, глина; 27-49 - лепные керамические сосуды и их фрагменты.

* * *

1-3 - сопка, погребение № 1; 4 - сопка, насыпь; 5 - сопка, заполнение рва; 6-7 - сопка, погребение № 1; 8-49 - селище.

20.4 - комплекс поселений (городище и селище) в урочище Курская Гора в верховьях р. Луга (раскопки О.В.Клубовой 1989-1992 гг. [материалы ЛА НовГУ]):

1-2 - ножи, железо; 3 - вток копья, железо; 4 - блесна, железо; 5 - ледоходный шип, железо; 6 - литейная форма, камень; 7 - пряслице, глина; 8 - височное проволочное кольцо, бронза; 9 - височное проволочное кольцо с завитком на конце, серебро; 10 - пряслице, кость; 11 - пряслице, известняк; 12 - поясной наконечник, бронза; 13 - пинцет, бронза; 14 - трапециевидная подвеска, бронза; 15 - бубенчик; 16-21 - трапециевидные подвески, бронза; 22 - фрагмент спирали, бронза; 23-25 - накладки с заклепками, бронза; 26 - фибула, бронза; 27

- эсовидная петля, бронза; 28 - биэсовидная петля, бронза; 29 - дирхем, серебро; 30 - височное проволочное кольцо, серебро; 31 - фрагмент браслета, бронза; 32 - черная с синими глазками в белом ободке бусина, стекло; 33 - браслет, бронза; 34 - фрагмент браслета, бронза; 35 - реберчатая светло-зеленая бусина, стекло; 36 - синяя трехчастная пронизка, стекло; 37 - фрагмент спирали, бронза; 38 - голубая бусина, стекло; 39-54 - фрагменты лепных керамических сосудов.

20.5 - карта памятников «культуры сопок», вещевые и керамические комплексы которых включены в рис. 20, с указанием зон распространения сопок:

1 - урочище Сопки, центральная группа сопок (4 - I-II); 2 - урочище Сопки, южная группа сопок (5 - I-IV); 3 - поселение на месте Земляного городища Старой Ладogi; 4 - урочище Победище, северная группа (14 - I-IV); 5 - урочище Победище, южная группа (15 - I-VIII); 6 - урочище Плакун, южная группа (10 - I-III); 7 - селище около б. д. Новые Дубовики; 8 - одиночный сопковидный курган около д. Романово; 9 - группа сопок около д. Ерошиха; 10 - комплекс поселений (городище и селище) в урочище Курская Гора; 11 - селище I около д. Васильевское; 12 - комплекс памятников (селище, «каменный круг», одиночная сопка) в урочище Губинская Лука; 13 - группа сопок около д. Золотое Колено; 14 - селище около д. Золотое Колено; 15 - городище Холопий городок.

Рис. 21. План группы сопок у северной границы Старой Ладogi (6) и южной группы сопок (5) между Старой Ладogой и д. Велеша [Петренко 1985a:126-127, рис. 1Е].

Рис. 22. Ангон (1) - двушипный черешковый наконечник копья (железо) из сопки 5-III (южная группа сопок между Старой Ладogой и д. Велеша; раскопки З. Д.-Ходаковского 1820 г. [Седов 1970:табл. XVI-4]) и ангоны типов В₁ (2) и В₂ (3) по М.Атгазису [Atgazis 1974:157, att. 2 - 6-8].

Рис. 23. План северной группы сопок (14) в урочище «Победище» [Петренко 1994:8, рис. 4Г].

Рис. 24. Схематический разрез (1) по С.Н.Орлову [1955:206, рис. 18] и план (2) основания насыпи по Н.Е.Бранденбургу [1895:138, рис. 25] сопки 14-II в северной группе сопок (14) в урочище «Победище» (раскопки Н.Е.Бранденбурга 1883-1884 гг. и В.П.Петренко 1978 г.).

Рис. 25. Элементы вещевого инвентаря погребений насыпи 14-II в северной группе сопок (14) в урочище «Победище» (раскопки Н.Е.Бранденбурга 1883-1884 гг. и В.П.Петренко 1978 г. [см. - Седов 1970:табл. XV-XVI]): 1 - поясная бляха, 2 - наконечник пояса, 3 - бляшка, 4 - бубенчик; 1-4 - бронза; 1-3 - погребение № 1, 4 - погребение № 4.

Рис. 26. Грунтовый могильник с погребениями-трупосожжениями в Старой Ладogе (раскопки С.Н.Орлова [1941:табл. III - 4-5, 8; 1960:253, рис. 3] 1938, 1948 гг.).

26.1 - планы и разрезы погребений №№ 5-6.

26.2 - элементы вещевого комплекса: 1 - бляшка, бронза, 2 - спиралька, бронза, 3 - бусина, синее стекло.

Рис. (табл.) 27. Стратиграфия и хронология культурного слоя VIII-X вв. Земляного городища Старой Ладogi [Кузьмин А-1988:табл. 1-2].

Рис. 28. Сопкообразный курган № 3 у д. Городище на р. Сясь (раскопки О.И.Богуславского [1994:90, 92, 94, рис. 13-15] 1987-1988 гг.).

28.1 - план сооружений погребальной площадки.

Условные обозначения: 1 - «сгоревшее дерево», 2 - граница разрушений.

28.2 - находки из первоначальной насыпи (1-3) и центрального погребения (4):

1-2 - литейные формочки, камень; 3 - фрагмент изделия, бронза; 4 - фрагмент браслета, бронза.

Рис. 29. Сопкообразный курган у д. Репьи в верхнем Полужье (раскопки Г.С.Лебедева [1978а:94-97, рис. 1-2] 1972 гг.).

29.1 - разрезы насыпи по линиям «запад-восток» (1) и «север-юг» (2).

Условные обозначения: 1 - песок, 2 - гумусированный слой с погребенным дерном, 3 - суглинок, 4 - глина, 5 - кострища, 6 - горелое дерево, 7 - сожжение в урне, 8 - кальцинированные кости на кострище.

29.2.1 - элементы погребального инвентаря захоронений «яруса» II.

1-3 - подвески, бронза; 4 - лепной сосуд, глина, 5 - сковорода, железо.

29.2.2 - элементы погребального инвентаря захоронений «яруса» III.

1 - трапециевидная подвеска, бронза; 2 - бляшки—скорлупки, бронза; 3 - бляшки, бронза; 4 - обоймица, бронза; 5 - пряжка, железо; 6 - браслет, бронза; 7 - скобки, бронза.

Рис. 30. Сопковидный курган у д. Романово в нижнем Повеличье (раскопки С.В.Белецкого [1986:175-177, рис. 2-4] 1974-1975 гг.).

30.1 - разрез по линии «запад-восток».

Условные обозначения: 1 - дерн, 2 - перекоп, 3 - гумусированный опесчаненный слой, 4 - песок, 5 - суглинистый слой, 6 - темно-коричневый непо потревоженный культурный слой селища, 7 - уголь, 8 - зольно-угольная прослойка, 9 - пепельно-угольная прослойка, 10 - прокаленный песок, 11 - плитняковые камни кладок, 12 - камни насыпи, 13 - щебень, 14 - пахотный слой, 15 - место захоронения жертвенного жеребенка, 16 - материк.

30.2 - погребальный инвентарь:

1 - спиралька, бронза (среди кальцинированных костей в ЮЗ части кургана под дерном), 2 - цепочка, бронза (в угольном слое, перекрывавшем плитняковую вымостку), 3 - пряслице, глина (на очаге, в центре плитняковой вымостки), 4 - трапециевидная подвеска, бронза (скопление кальцинированных костей в ЮЗ части плитняковой вымостки), 5 - спиральный двухоборотный перстень, бронза (там же), 6 - подвеска, бронза (слой плитняковой подсыпки кургана), 7 - подвеска, бронза (склон первоначальной насыпи), 8 - фрагмент пластинчатого браслета, бронза (западная сторона внутреннего пространства оградки вымостки в основании первоначальной насыпи).

Рис. 31. Схематический план и разрез скандинавского кургана типа В по Г.С.Лебедеву [1985а:74, рис. 15].

Рис. 32. План селища и одиночной сопки у д. Горошково в ильменском Поозерье по Е.Н.Носову [1991:30, 36, рис. 6]. Сечение горизонталей - через 0.5 м.

Рис. 33. План селища и группы сопки у д. Золотое Колено в среднем Помостье по Е.Н.Носову и А.В.Плохову [1991:36, 138, рис. 1].

Рис. 34. План сопки № 1 в группе сопки у д. Золотое Колено в среднем Помостье по П.Г.Любомирову [1913:321, рис. 3] (раскопки 1910 г.). Фрагменты лепной керамики и железный нож из культурного слоя поселения под сопкой по Е.Н.Носову и А.В.Плохову [1991:136, 139, рис. 2 - 5-7].

Рис. 35. План и разрез (по линии «запад-восток») «каменного круга» у д. Коломо в низовьях р. Шелонь (раскопки В.Я.Конецкого [1985:42, рис. 2] 1982 г.).

Условные обозначения: 1 - дерн, 2 - золистая супесь, 3 - зольно-угольный слой, 4 - материк, 5 - камни, 6 - обожженные камни, 7 - следы древней распашки, 8 - остатки блиндажа военного времени, 9— золистый слой за периметром круга, 10 - фрагменты лепной керамики.

Рис. 36. Сельскохозяйственные инструменты (1 - серп, 2 - коса, 3 - наконечник пахотного орудия), обнаруженные в заполнении рва, окружавшего сопку около пос. Деревяницы в окрестностях Новгорода (раскопки В.Я.Конецкого [А-1978б:67, рис. 89] 1978 г.).

Рис. 37. Ситуационный план местонахождения курганного могильника в урочище Плакун и сопковидной насыпи по В.А.Назаренко [1985:159, рис. 1].

Цифрами на плане обозначены: 1 - курганный могильник, 2 - сопки, 3 - сопковидная насыпь.

Рис. 38. План и разрез по линии «запад-восток» сопковидной насыпи близ урочища Плакун в Старой Ладогге; план труположения на вершине насыпи (11-Г; раскопки В.А.Назаренко 1971 г., Е.Н.Носова [1985:152, рис. 3 (вкладка), 6] 1972-1973 гг.).

Условные обозначения: 1 - границы первоначального кургана, 2 - носилки, 3 - погребения по обряду трупосожжения, 4 - дерн, 5 - аморфный гумусированный глинистый слой, 6 - перекоп, 7 - древний дерн с сохранившимися органическими остатками, 8 - коричневая глина, 9 - синяя глина, 10 - уголь, 11 - темно-серая глина, 12 - дерево (носилки), 13 - материк, 14 - гумусированная глина, 15 - кальцинированные кости, 16 - древесный тлен, 17 - кости, 18 - наконечники стрел, 19 - плашки, 20 - древесный тлен, 21 - границы перекопа.

Рис. 39. Планы и разрезы (по линии «юг-север») насыпей №№ 1 (1), 3 (2) в урочище Плакун по В.А.Назаренко [1985:160, рис. 2].

Условные обозначения: 1 - кальцинированные кости, 2 - ладейные заклепки, 3 - камни, 4 - дерево, 5 - керамика, 6 - меч.

Рис. 40. Скандинавские погребения типов F (разрез) и Bg (план) по Г.С.Лебедеву [1985а:21, 40, рис. 10, 82].

Рис. 41. IV строительный ярус поселения на месте Земляного городища в Старой Ладогге по С.Л.Кузьмину [А-1988:табл. 10-11] и А.Д.Мачинской.

41.1 - план застройки.

41.2 - элементы вещевого комплекса: 1 - бляха (бронза), 2 - бляшка-обоймица (бронза), 3 - трапецевидная подвеска (бронза), 4 - височное кольцо (бронза), 5 - спиралеконечная фибула (бронза), 6 - подвеска-уточка (кость).

Рис. 42. Древнерусские грунтовые могильники с погребениями по обряду ингумации XI-XII вв. на месте разрушенных сопок..

42.1 - комплекс памятников близ пос. Деревяницы в окрестностях Новгорода (раскопки В.Я.Конько [1984б:40, 44, рис. 1-2] 1977-1979 гг.).

42.1.1. Общий план комплекса памятников.

Условные обозначения: 1 - раскопанный участок грунтового могильника, 2 - уничтоженный карьером участок грунтового могильника в пределах раскопа, 3 - граница материкового останца сопки, 4 - территория селища.

42.1.2. Хронологические группы труположений грунтового могильника.

Условные обозначения: 1 - XI в., 2 - XI - середина XII вв., 3 - XII в., 4 - XI - XII вв., 5 - безы Inventарные погребения.

42.2 - план комплекса памятников близ церкви Спаса на Нередице в окрестностях Новгорода (раскопки В.Я.Конько [А-1979:14-15; 1981б:84, рис. 1] 1979 г.).

Условные обозначения: 1 - предполагаемая территория грунтового могильника, 2 - материковый останец сопки.

42.3 - план комплекса памятников около д. Шелгуново на р. Ловать (раскопки В.Я.Конько [А-1979:23-24] 1979 г.).

Рис. 43. «Каменная насыпь» в курганно-жальничном могильнике Удрай-II (верхнее Полужье, раскопки Н.И.Платоновой [А-1988б:31, 43, 48, 60, 98-99, 100-102, 106-107, 127-129, 131, 135-136, рис. 31, 43, 48, 60, 98-99, 100,102, 106-107] 1980-1981, 1983, 1985 гг., А.В.Тищенко и А.А.Спицына 1910 г., П.Н.Шульца и Г.П.Гроздилова 1927 г., Г.Н.Пронина 1977 г.).

43.1 - схема расположения памятников у д. Удрай (1-4 - могильники древнерусского времени (I-IV), 5-8 - селища древнерусского времени (Ia-IVa), 9 - одиночная сопка, 10 - группа из трех сопок (уничтожена), 11-12 - селища эпохи позднего средневековья (V-VI)).

Условные обозначения: 1 - группа сопок, 2 - одиночная сопка, 3 - курганно-жальничный могильник, 4 - селище.

43.2 - «каменная насыпь».

43.2.1 - план каменных конструкций и погребений; профиль.

Условные обозначения: 1 - столбовые ямки.

43.2.2 - элементы погребального инвентаря. **1** - погребение № 1; **2, 4, 9** - погребение № 2; **3, 5—8** - погребение № 4; **10—15** - погребение № 5; 1 - накладка (серебро, дерево), 2 - топор (железо, инкрустация серебром), 3 - гирьки (бронза, железо), 4 - наконечник ножен меча (бронза, остатки дерева и железа), 5 - удила (железо), 6 - навершие (кость), 7 - шпора (железо, инкрустация бронзой), 8 - весы (бронза, железо), 9 - плеть (железо), 10 - топор (железо), 11 - пряжка (бронза), 12 - нательный крест (серебро), 13 - меч с клеймом рейнских мастерских (железо, инкрустация серебром), 14 - бляшка (бронза), 15 - бляшка (бронза).

43.3 - план курганно-жальничного могильника Удрай-II.

Условные обозначения: 1 - раскопки А.В.Тищенко, 2 - раскопки А.А.Спицына, 3 - раскопки Г.Н.Пронина, 4 - раскопки Н.И.Платоновой.

43.4 - датировки комплексов, исследованных раскопками в курганно-жальничном могильнике Удрай-II.

Рис. 44. Курганный могильник в д. Хрепле в верховьях р. Луга (раскопки А.В.Арциховского 1929-1930 гг.). План могильника по А.В.Арциховскому [А-1929:28] и датировки раскопанных курганов могильника по Н.И.Платоновой [А-1988б:64, 131, рис. 64].

Рис. 45. Погребальные насыпи №№ 1-2 (раскопки Д.А.Крайнова 1973 и 1967 гг. - соответственно) в курганном могильнике у д. Иворово в Волжско-Шошенском регионе [Комаров, Елкина 1976:227, 231, 233, рис. 1/1, 3/1, 4/1-2].

45.1 - общий вид белокаменного саркофага из кургана № 2.

45.2 - курган № 1: схема памятника (вид с востока); фрагмент реконструкции головного венчика (очелья) из погребения; белокаменный крест.

Рис. 46. Погребение № 3 из сопки 15-I в северном Поволжье (раскопки В.П.Петренко [А-1970-1971б:42, рис. 60; 1977:58, рис. 2/2-10] 1970 г.).

46.1 - план погребения.

Условные обозначения: 1 - желтый песок, 2 - скопление кальцинированных костей, 3 - угли, 4 - серовато-белый песок, 5 - камни, 6 - находки, 7 - фрагменты керамики.

Цифрами на плане обозначены: 1, 2, 5, 6, 12, 14 - бочонковидные гири, 3, 7, 11, 13 - стеклянные бусы, 4 - железный предмет, 8 - бронзовая подтрапециевидная подвеска со знаком Рюриковичей, 9 - четырнадцатигранная гирька, 10 - бронзовая бляшка.

46.2 - погребальный инвентарь: 1-2, 4-5 - стеклянные бусы, 3 - бляшка, 6 - бронзовая подтрапециевидная подвеска со знаком Рюриковичей, 7-9 - весовые гири.

Рис. 47. Материковый останец сопки в урочище Перынь под Новгородом (раскопки А.В.Арциховского 1948 г. и В.В.Седова [1953:97, рис. 42] 1951-1953 гг.).

47.1 - план (цифры - нивелировочные отметки от репера),

47.2 - разрез по линии I-I'.

Условные обозначения: 1 - «углистый слой», 2 - «повреждения древнего времени», 3 - «повреждения позднейшего происхождения», 4 - «невыбранная часть фундамента монастырской стены», 5 - материк.

Рис. 48. Карта-схема верховьев Волхова и ильменского Поозерья в конце X в. [Петров 1996в:76-77, рис. 6].

Условные обозначения: 1 - христианский сакральный центр Новгородской земли (с 989 г.), 2 - «Перуна кумирь» в урочище Перынь (с 980 по 989 гг.), 3 - резиденция лидеров *словен* Поозерья (до 980 г.), 4 - укрепленное поселение представителей военно-административного аппарата княжеской власти в Поозерье, 5 - сельские поселения *словен* Поозерья, 6 - центр княжеской власти, 7 - поселенческая структура нового городского центра Новгородской земли, формирующегося в течение второй половины X в.

Цифрами на карте-схеме обозначены: 1 - Рюриково городище, 2 - Новгород, 3 - церковь Иоакима и Анны, Софийский храм и Владычный двор в Новгороде, 4 - урочище «Перынь», 5 - селище на р. Прость, 6 - городище у д. Георгий.

Рис. 49. Парное впускное труположение в северной поле сопки № 2 (группа сопок Пристань-III, бассейн р. Оредеж, раскопки С.Л.Кузьмина 1989 г. [материалы архива СПбФ РНИИ КПиН МК РФ]). Пунктиром обозначены контуры известняковых плит; цифры - нивелировочные отметки от репера.

Рис. 50. Федовский грунтовый могильник XI-XII вв. при группе сопок в верховьях р. Мста по В.Я.Конечкому [1981а:91] (раскопки А.А.Ширинского-Шихматова 1903 г.). План комплекса памятников.

Условные обозначения: 1 - погребения-труположения XI в., 2 - погребения-труположения XI - середины XII вв., 3 - погребения-труположения XII в., 4 - погребения-труположения XI - XII вв., 5 - безынварные погребения-труположения, 6 - граница раскопов.

Рис. 51. Впускные погребения-труположения в высоком кургане у д. Репьи в верхнем Полужье (раскопки Г.С.Лебедева [1978а:94-95, рис. 1/I-II] 1972 г.).

51.1 - план «нулевого яруса» по Г.С.Лебедеву,

51.2 - план «яруса 1» по Г.С.Лебедеву.

Условные обозначения: 1 - камни, 2 - труположения, 3 - гробовища.

Рис. 52. Женское погребение в восточной поле одиночного сопкообразного кургана у д. Романово в нижнем Повеличье и сопровождавший его крест-тельник (раскопки С.В.Белецкого [1986:181, рис. 7] 1974-1975 гг.).

List of illustrations

- Fig. 1.** The fragment of the engraving (18th century) with the view of the sopka-barrows near the village Bronnitsi.
- Fig. 2.** The territory of distribution of the sopka-barrows.
- Fig. 3.** The internal space of the high barrow of the Pskov long barrows culture.
- Fig. 4.** The internal space of the "classical" sopka-barrow.
- Fig. 5.** The ditch around the basis of the sopka-barrow.
- Fig. 6.** "The barrow on the joint of the landscapes".
- Fig. 7.** The high barrows of the second half of the first millennium AD at the northern part of the territory between the rivers Mologa and Msta.
- Fig. 8.** The cremations on the tops of the sopka-barrows.
- Fig. 9.** The wooden funeral urns and the stone funeral constructions in the high barrows.
- Fig. 10.** The "surface" burial places in the sopka-barrows.
- Fig. 11.** The plan of the complex of archaeological sites at the locality Gubinskaya Luka.
- Fig. 12.** The plan of the natural surface of the "stone circle" at the locality Gubinskaya Luka.
- Fig. 13.** The congestions of the bones (which has been scorched) near the external parties of the stone bases of the sopka-barrows.
- Fig. 14.** The cemetery with the cremations "Kotorsk-IX".
- Fig. 15.** The cremations in the sopka-barrow at the locality Gubinskaya Luka.
- Fig. 16.** The section of the sopka-barrow near the village Korovitchino (on the coast of the river Lovat).
- Fig. 17.** The sections of the sopka-barrow N 2 (the group of the sopka-barrows N 2) near the village Skovorodka (the upper reaches of the river Plussa).
- Fig. 18.** Profile of the northern part of the ditch of the sopka-barrow (the group of the sopka-barrows Brod-VI) near the villages Brod-Luchki (between the rivers Pola and Msta).
- Fig. 19.** The zones of concentration of the sopka-barrows.
- Fig. 20.** Things and ceramics of "the culture of the sopka-barrows".
- Fig. 21.** The plan of the groups of the sopka-barrows near Staraya Ladoga.
- Fig. 22.** The tip of the spear from the sopka-barrow N 5-III near Staraya Ladoga and its analogues.
- Fig. 23.** The plan of the northern group of the sopka-barrows at the locality Pobedishche.
- Fig. 24.** The section and the plan of the base of the sopka-barrow N 14-II in the northern group of the sopka-barrows at the locality Pobedishche.
- Fig. 25.** The elements of the funeral equipment of the graves from the sopka-barrow N 14-II in the northern group of the sopka-barrows at the locality Pobedishche.

- Fig. 26.** The cemetery with the cremations in Staraya Ladoga.
- Fig. 27.** Stratigraphy and chronology of the cultural layer (8th - 10th centuries) of Staraya Ladoga (by S.L.Kuzmin and A.D.Machinskaya).
- Fig. 28.** The high barrow N 3 near the village Gorodishche (on the coast of the river Sjas).
- Fig. 29.** The high barrow near the village Repji (the upper reaches of the river Luga).
- Fig. 30.** The high barrow near the village Romanovo (the lower reaches of the river Velikaja).
- Fig. 31.** The scheme of a Scandinavian barrow of the type B by G.S.Lebedev.
- Fig. 32.** The settlement and the sopka-barrow near the village Goroshkovo (the coast of the lake Ilmen).
- Fig. 33.** The plan of the settlement and the group of the sopka-barrows near the village Zolotoje Koleno (the middle reaches of the river Msta).
- Fig. 34.** The plan of the the sopka-barrow N 1 in the group of the sopka-barrows near the village Zolotoje Koleno (the middle reaches of the river Msta). The fragments of ceramics and the iron knife from a cultural layer of the settlement under the sopka-barrow.
- Fig. 35.** The plan and the section of the "stone circle" near the village Kolomo (the lower reaches of the river Shelon).
- Fig. 36.** Agricultural tools, found out in the ditch around the basis of the sopka-barrow near the village Derevanitzi (the environs of Novgorod).
- Fig. 37.** The barrow cemetery and the high barrow at the locality Plakun.
- Fig. 38.** The plan and the section of the high barrow near the locality Plakun in Staraya Ladoga; the plan of the inhumation on the top of the barrow.
- Fig. 39.** The barrows at the locality Plakun.
- Fig. 40.** The Scandinavian graves of the types F (the section) and Bg (the plan) by G.S.Lebedev.
- Fig. 41.** The 4th horizon of a cultural layer of Staraya Ladoga (by S.L.Kuzmin and A.D.Machinskaya).
- Fig. 42.** The cemeteries with the inhumations of the 11th - 12th centuries on the places of the destroyed sopka-barrows.
- Fig. 43.** "The stone mound" in the barrow cemetery Udray-II (the upper reaches of the river Luga).
- Fig. 44.** The group of the barrows in the village Khrepljo at the upper reaches of the river Luga.
- Fig. 45.** The materials from the excavations of the barrows in the barrow cemetery near the village Ivorovo.
- Fig. 46.** The grave N 3 from the sopka-barrow N 15-I at the lower reaches of the river Volkhov.
- Fig. 47.** The platform of the sopka-barrow in the locality Perin (the environs of Novgorod).

Fig. 48. The map of the upper reaches of the river Volkhov and the coast of the lake Ilmen during the end of 10th century.

Fig. 49. The inlet inhumation at the northern part of the sopka-barrow N 2 (the group of the sopka-barrows Pristan-III).

Fig. 50. The cemetery with the inhumations of the 11th - 12th centuries and the group of the sopka-barrows near the village Fjodovo (the upper reaches of the river Msta).

Fig. 51. The inlet inhumations in the high barrow near the village Repji (the upper reaches of the river Luga).

Fig. 52. The female inhumation at the eastern part of the high barrow near the village Romanovo (the lower reaches of the river Velikaja).

Illustrations

Figure 1

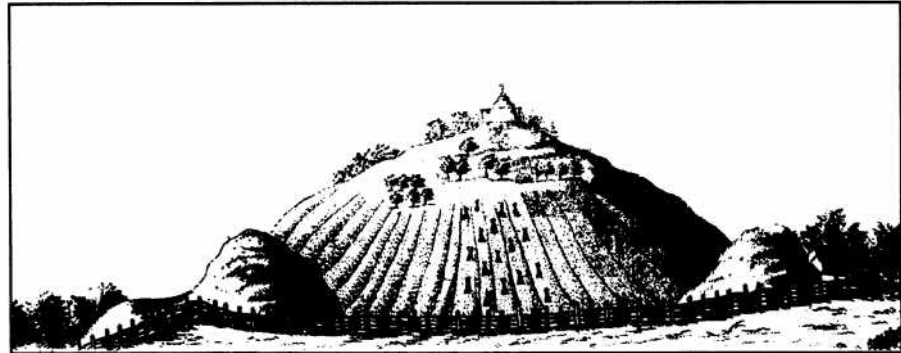

Figure 2

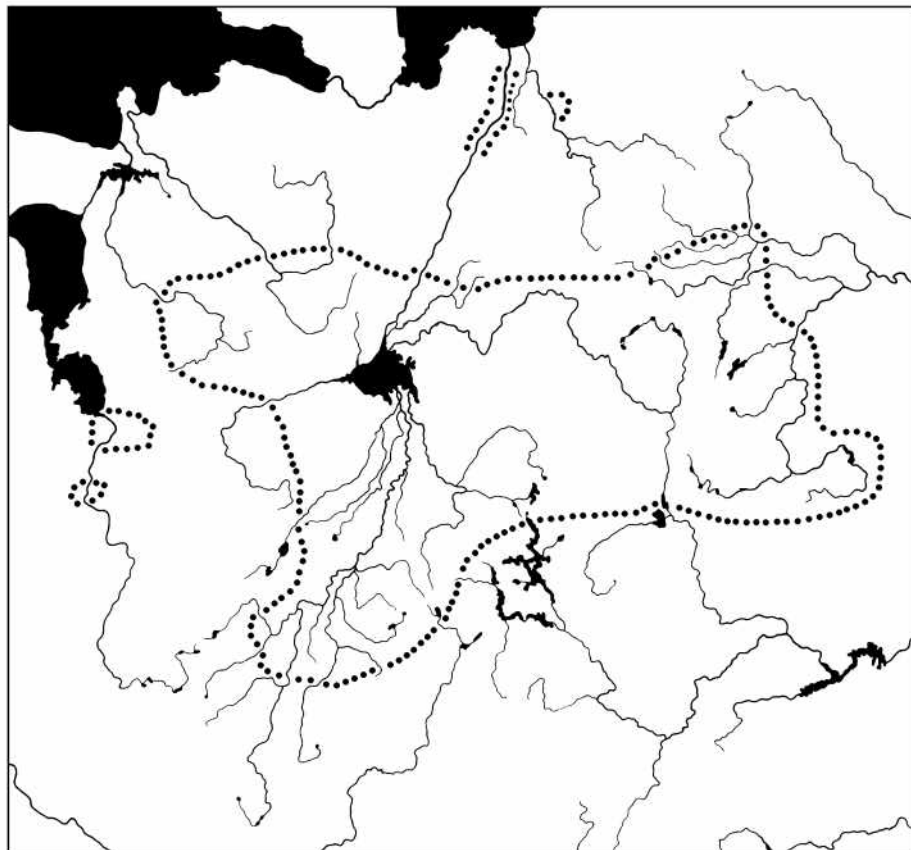

Figure 3

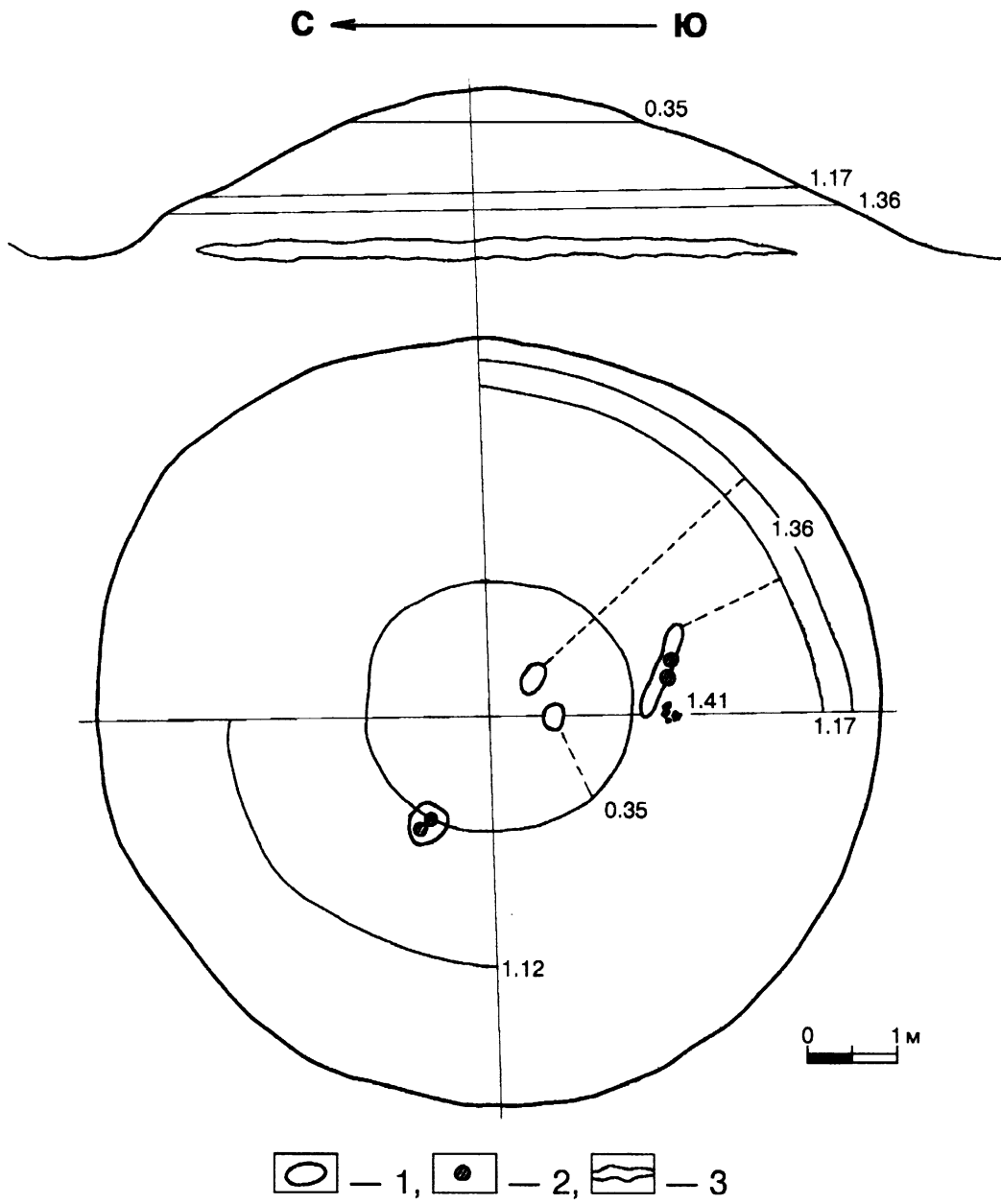

Figure 4

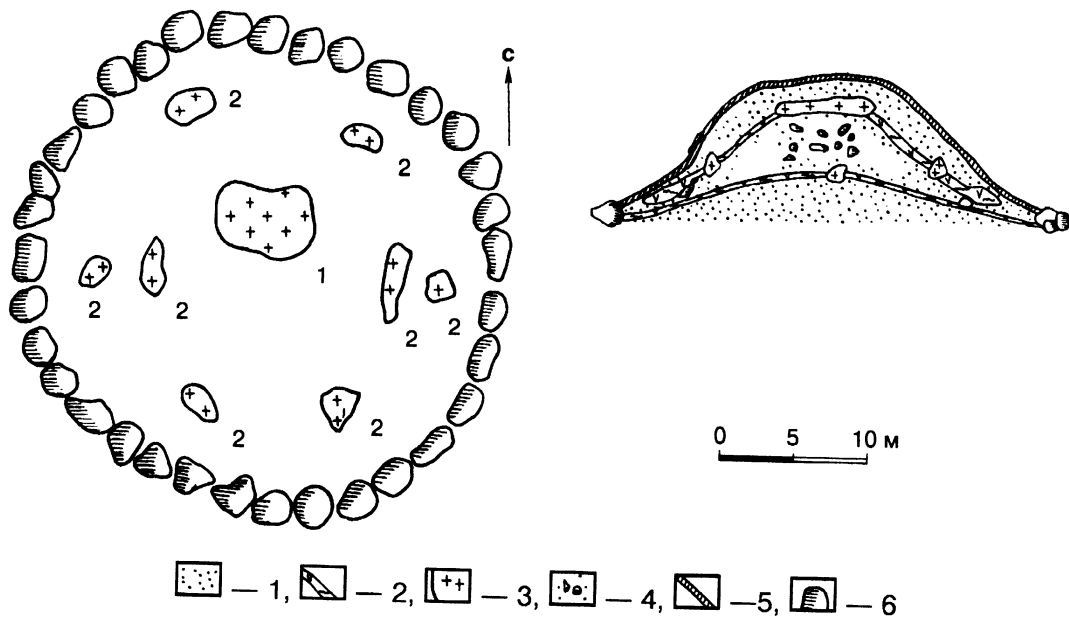

Figure 5

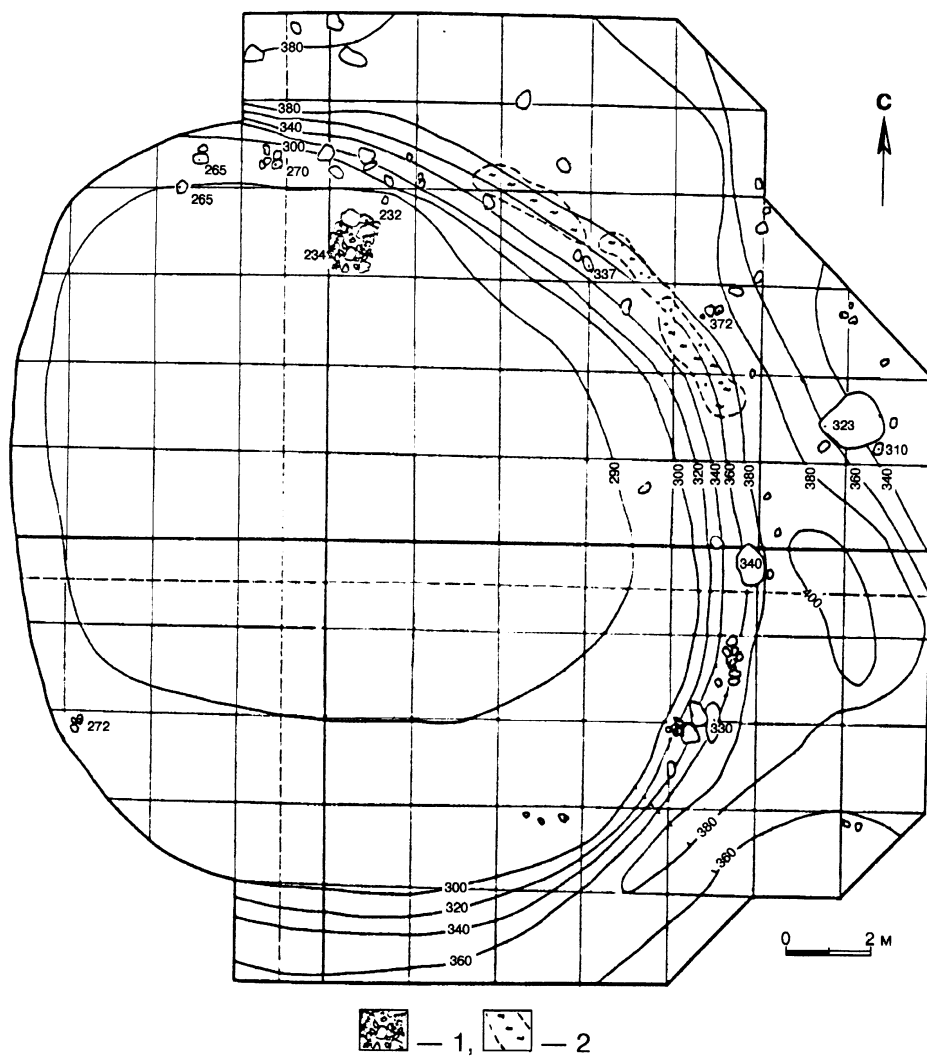
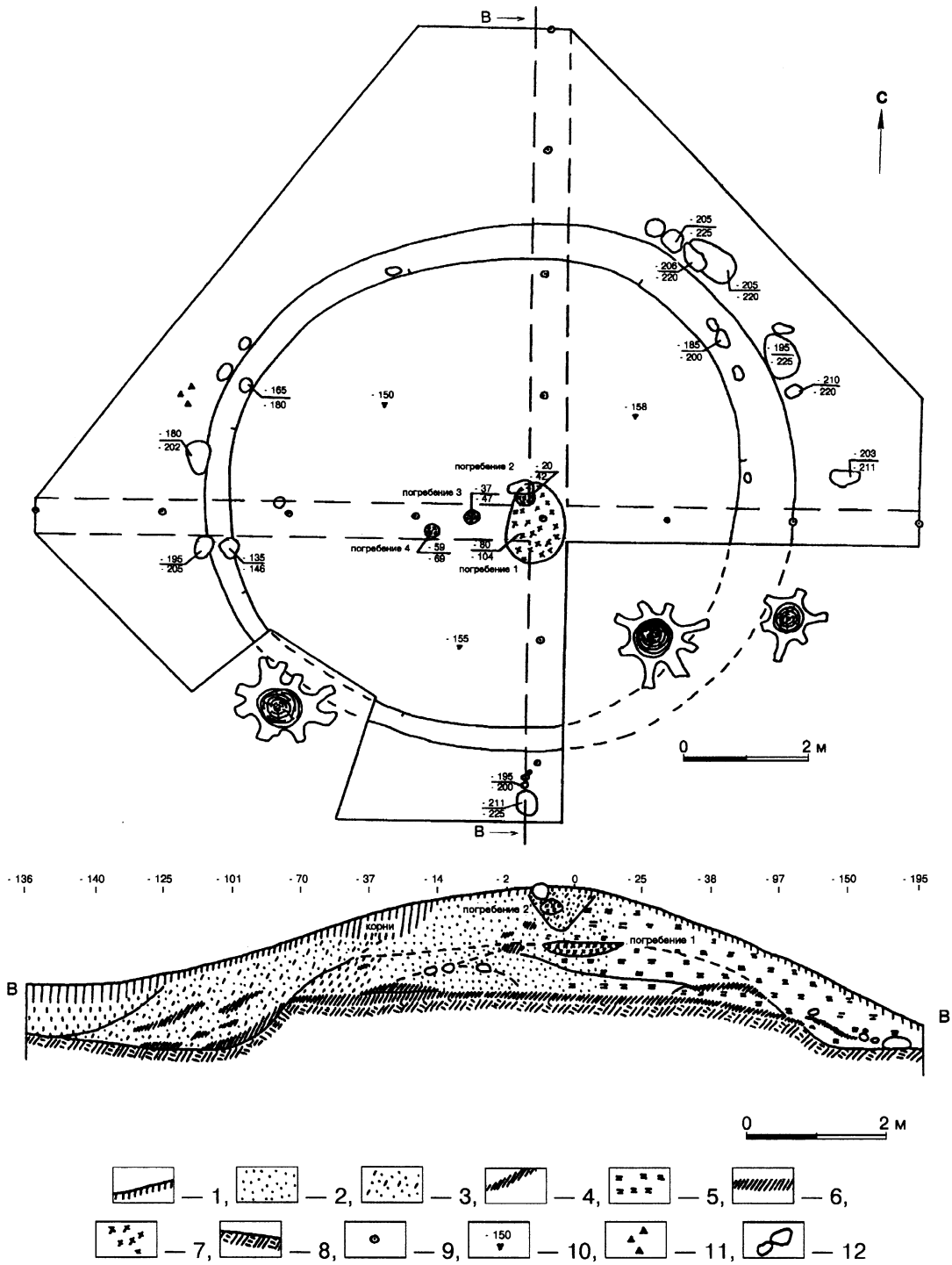
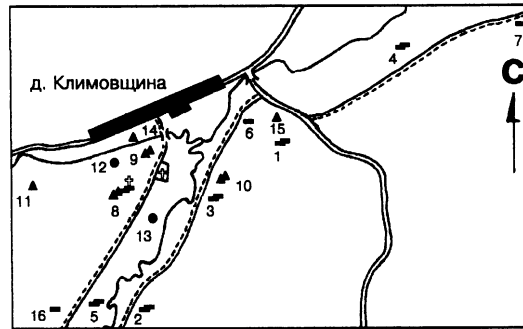

Figure 6

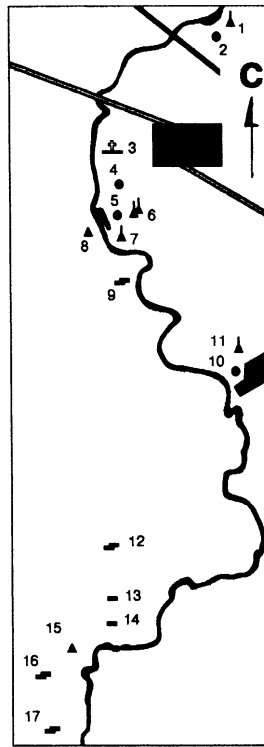

Figures 7

- ☐ — 1,
- ☐ — 2,
- ☐ — 3,
- ☐ — 4,
- ☐ — 5,
- ☐ — 6,
- ☐ — 7

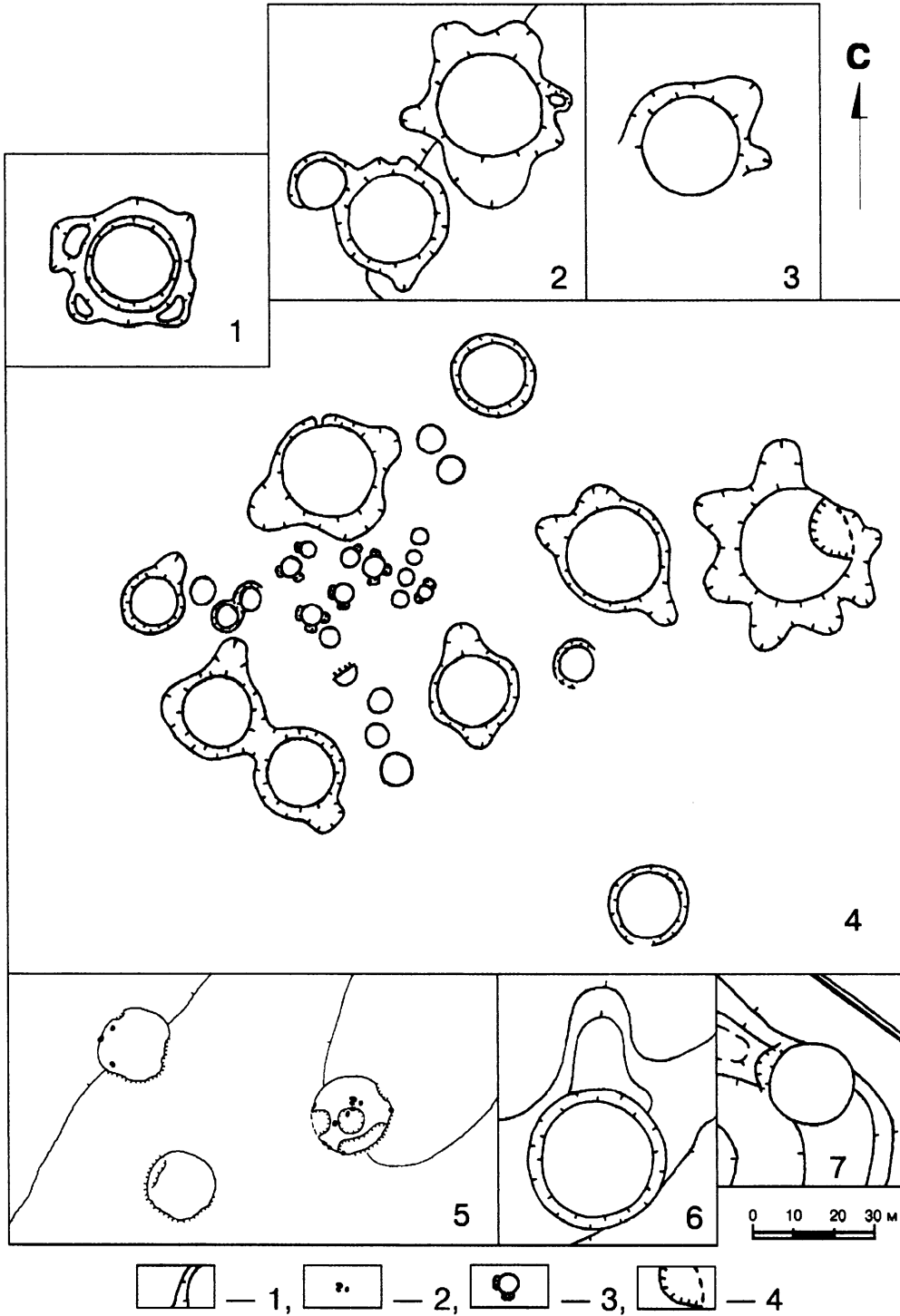
7.1

- ☐ — 1,
- ☐ — 2,
- ☐ — 3,
- ☐ — 4,
- ☐ — 5,
- ☐ — 6,
- ☐ — 7

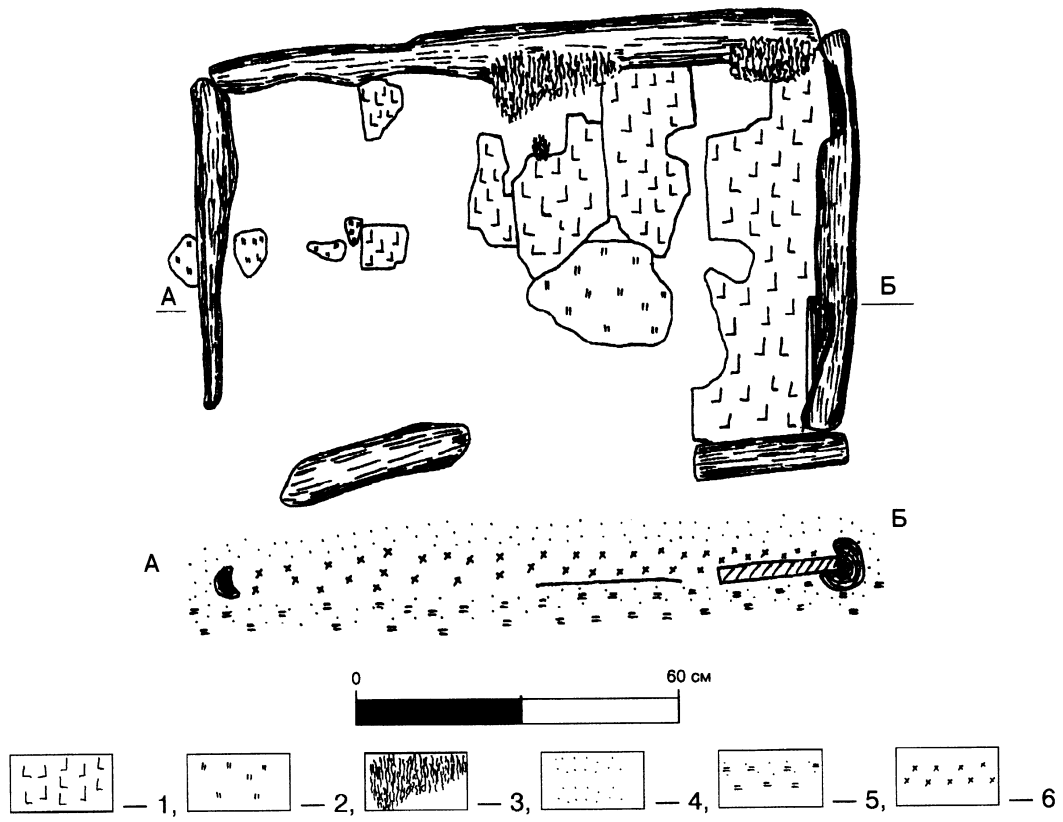
7.2

Figures 7

7.3

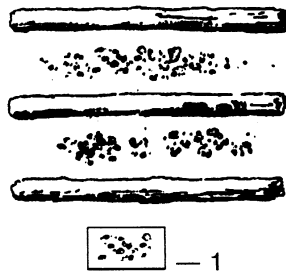
Figure 8

8.1

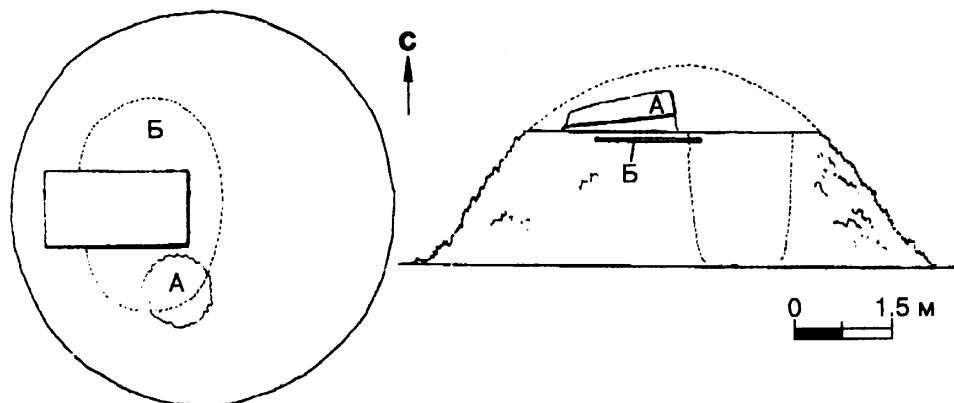

8.2.1-2

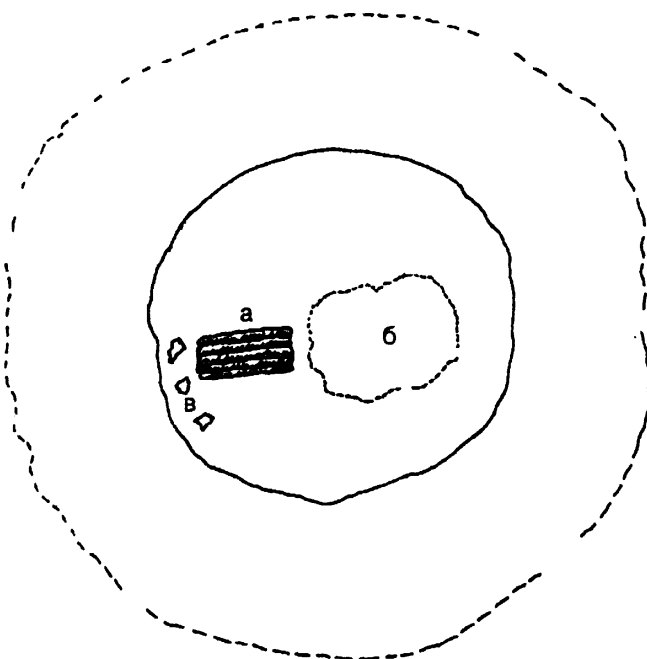
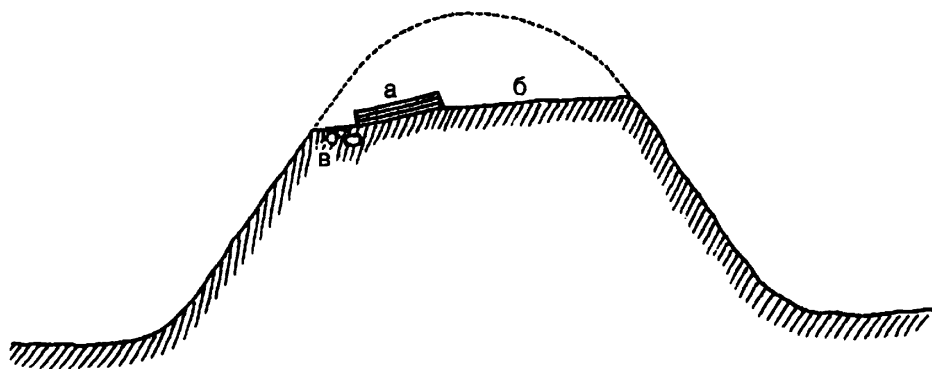

8.2.3

Figure 8

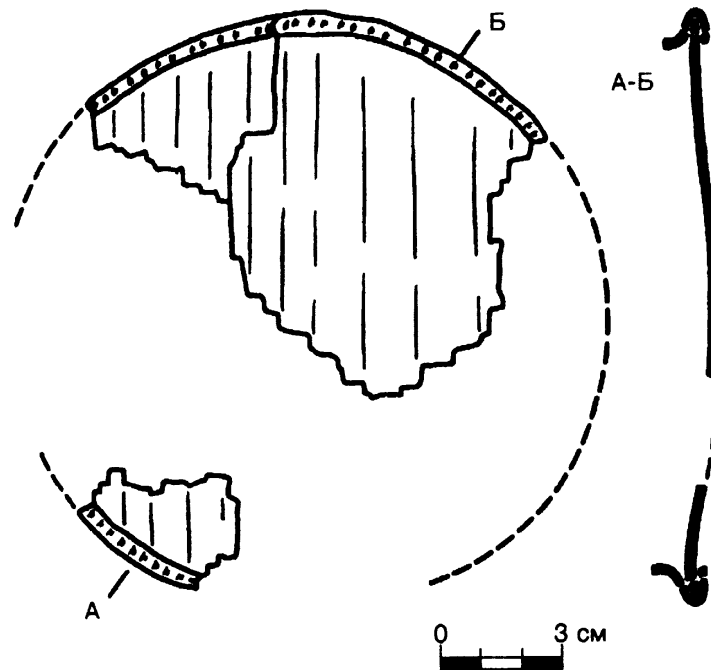

8.2.4

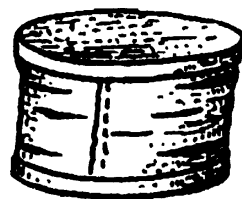

8.3

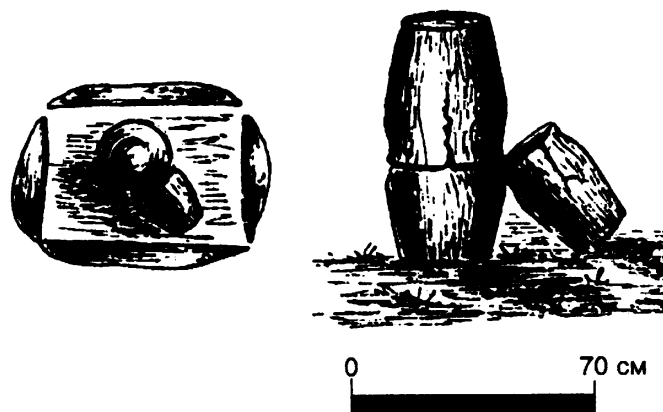
Figure 9

9.1

9.2

9.3

Figure 10

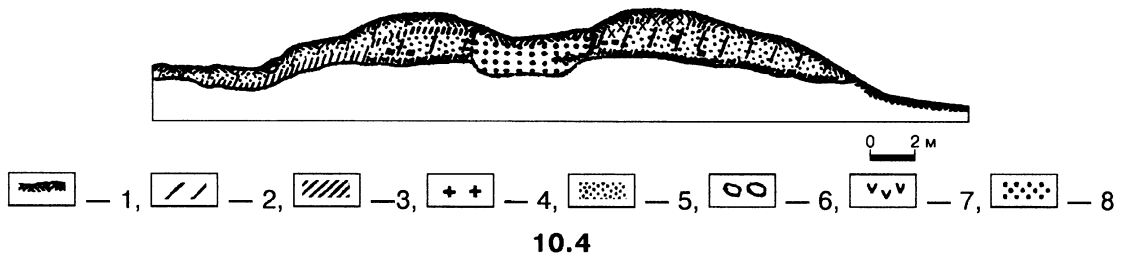
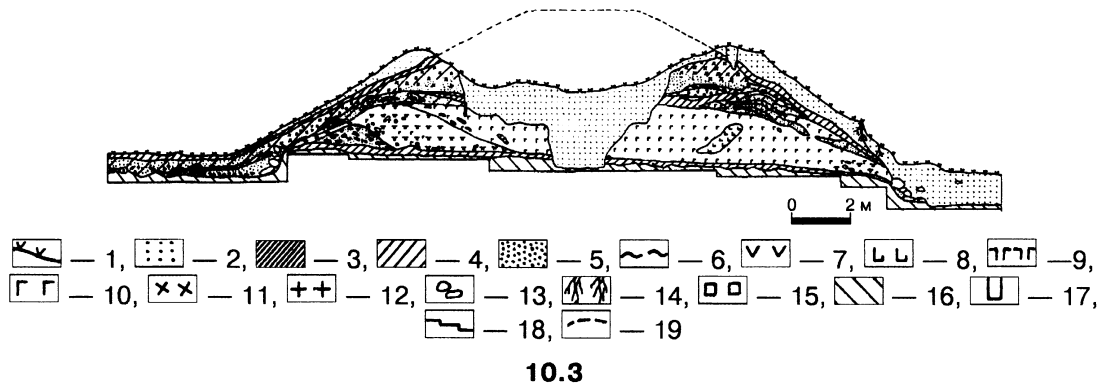
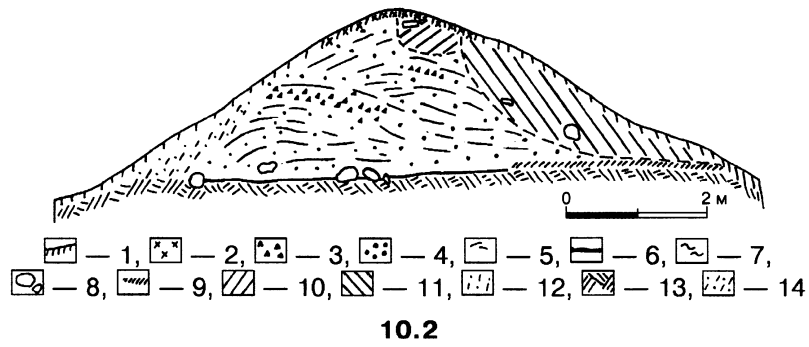
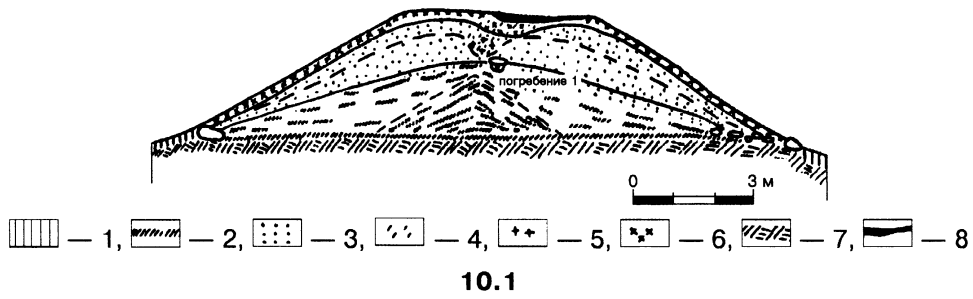

Figure 11

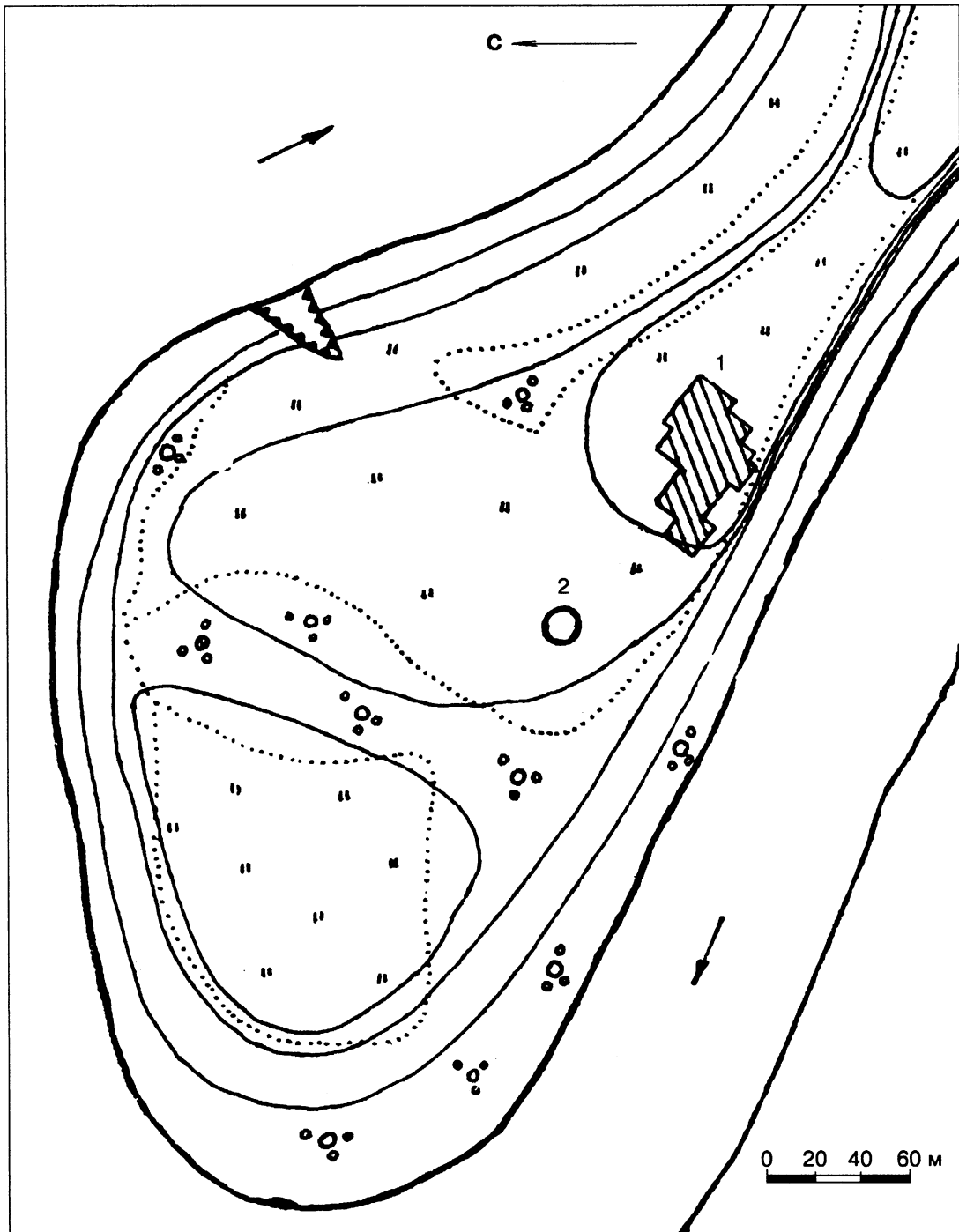

Figure 12

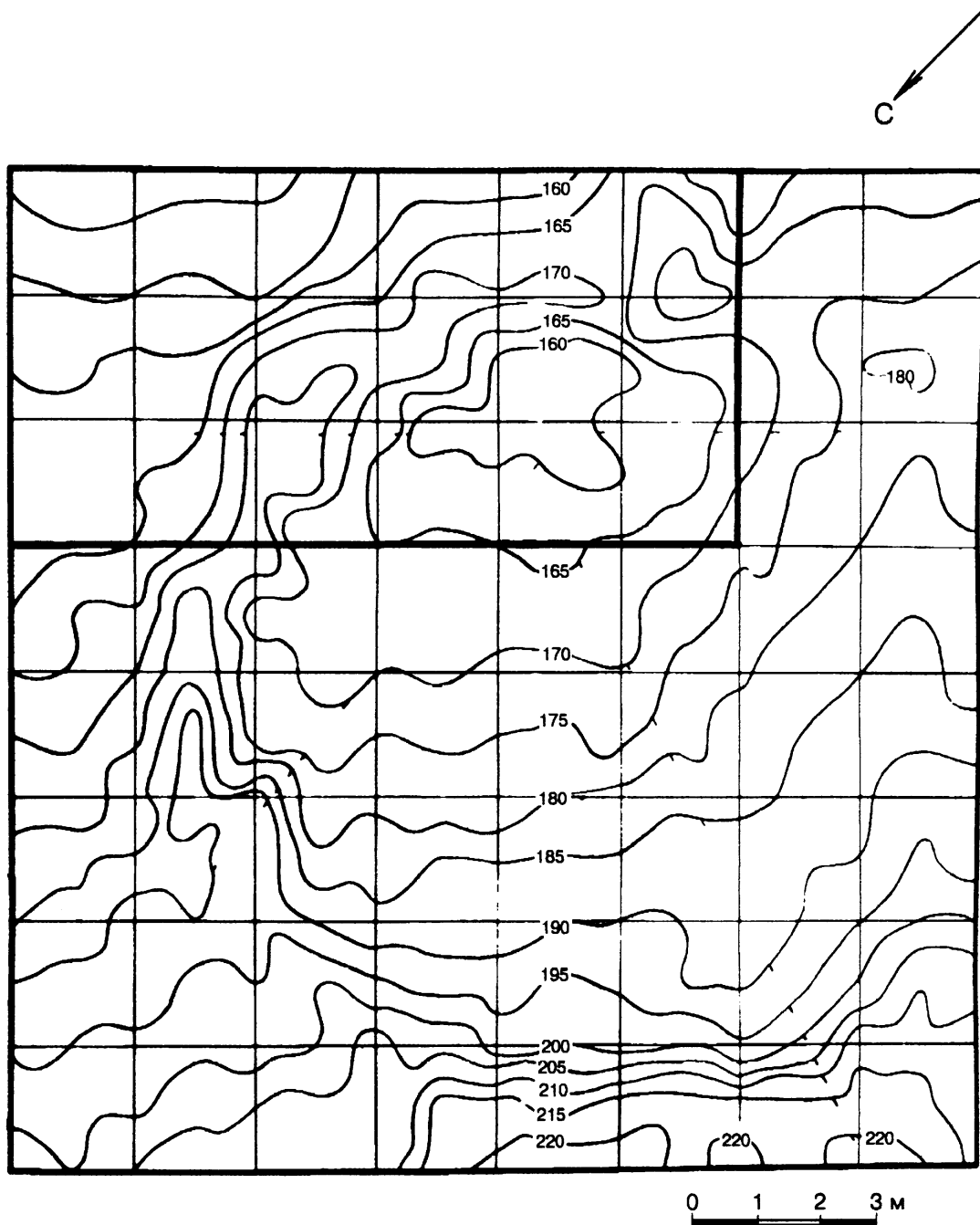
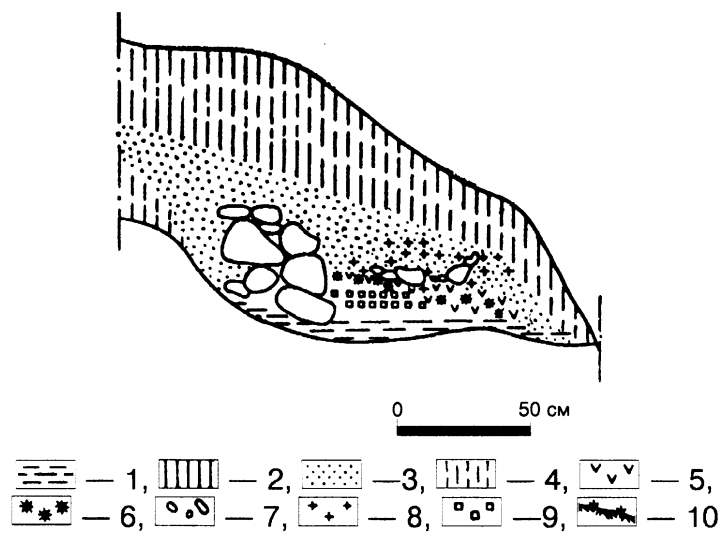
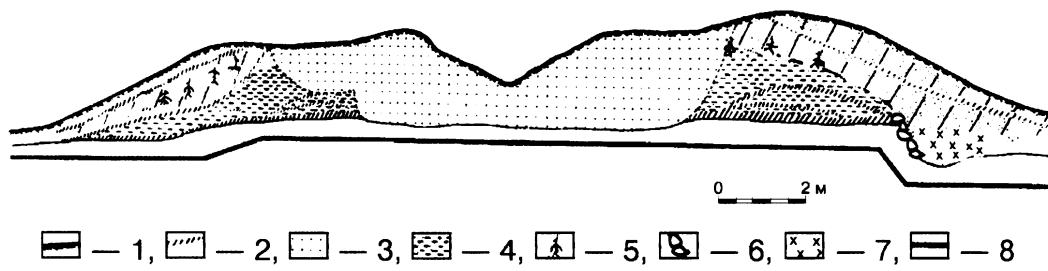

Figure 13

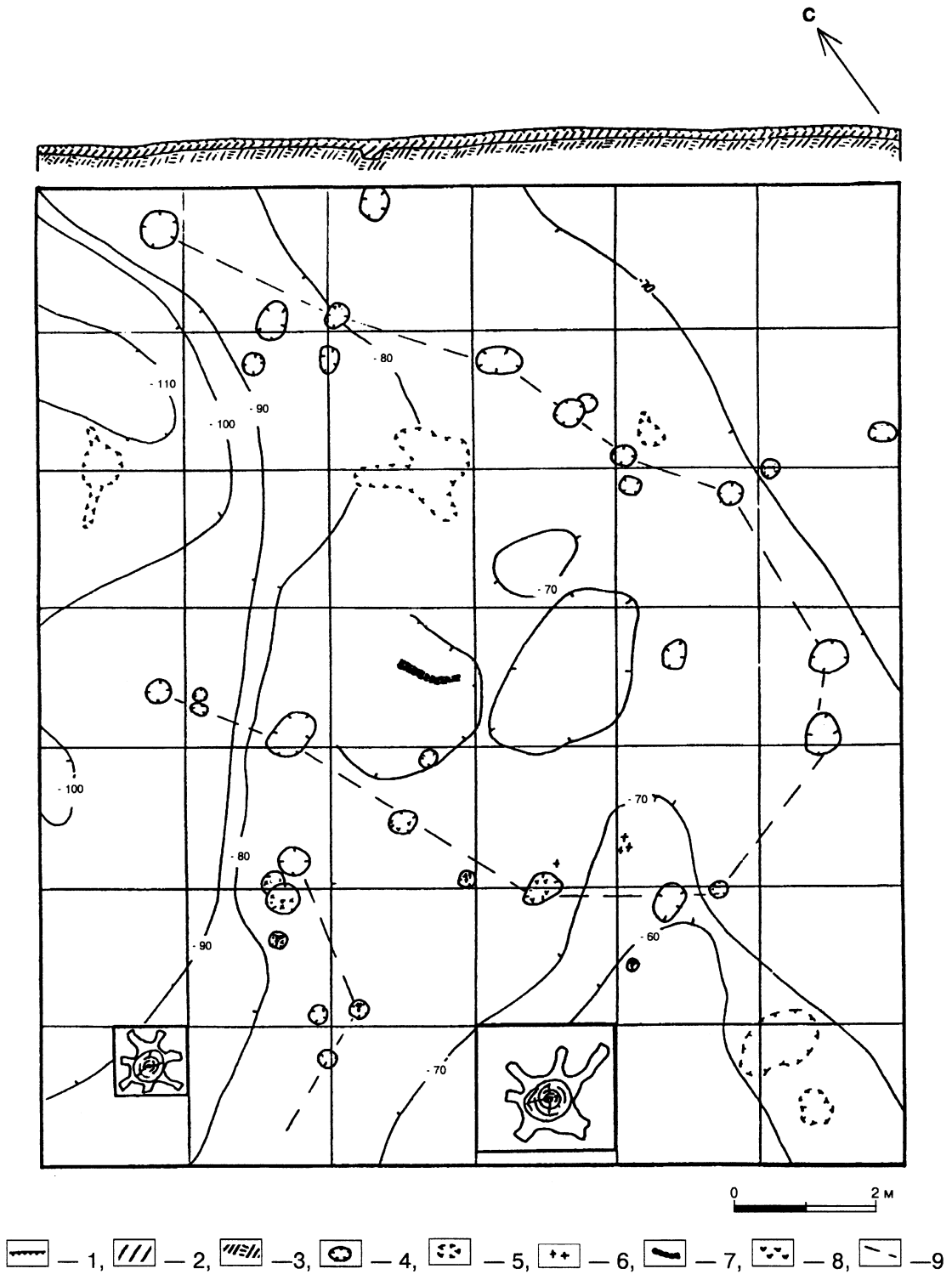

13.1

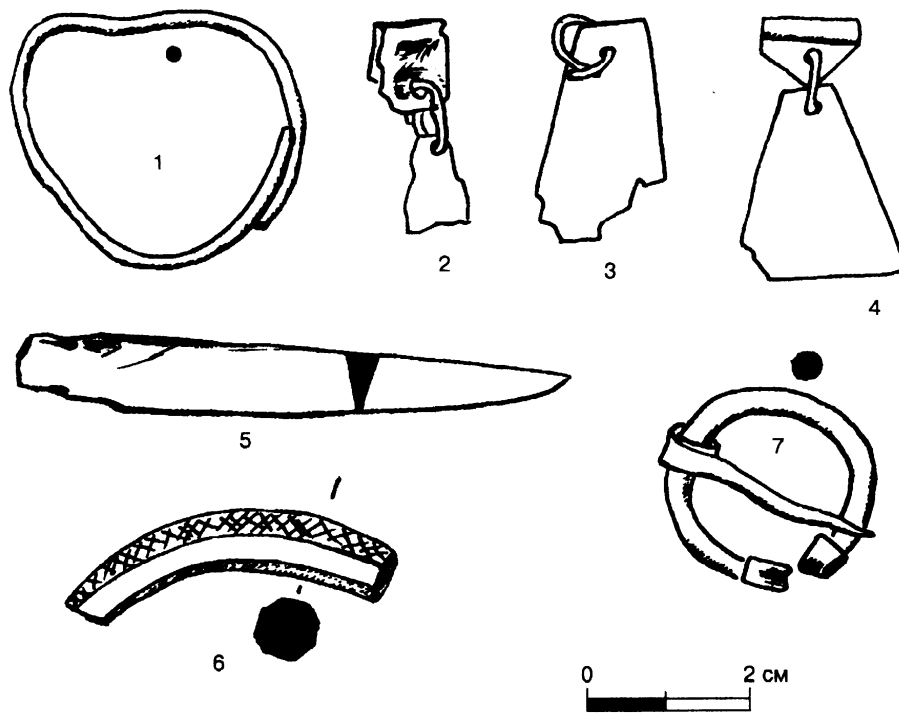
13.2

Figure 14

14.1

Figure 14

14.2

Figure 15

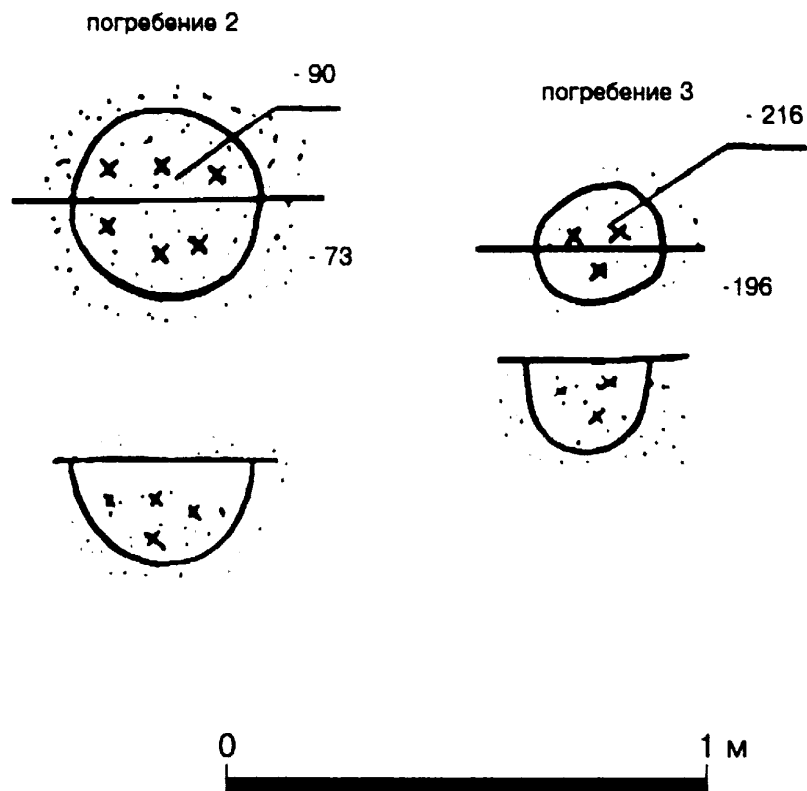

Figure 16

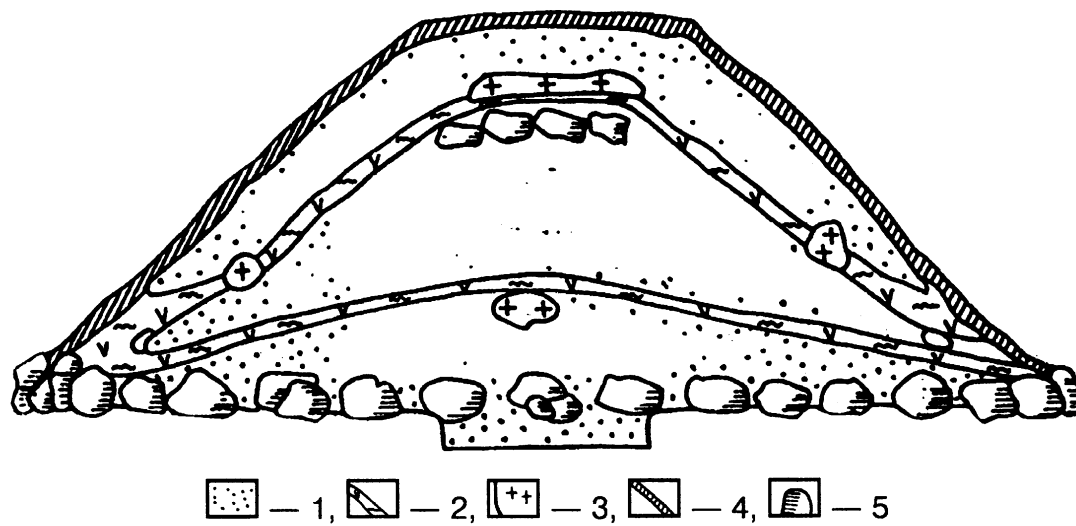

Figure 17

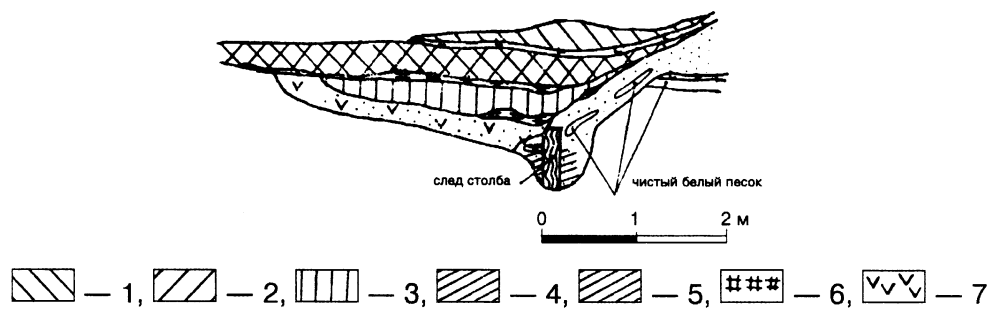

Figure 19

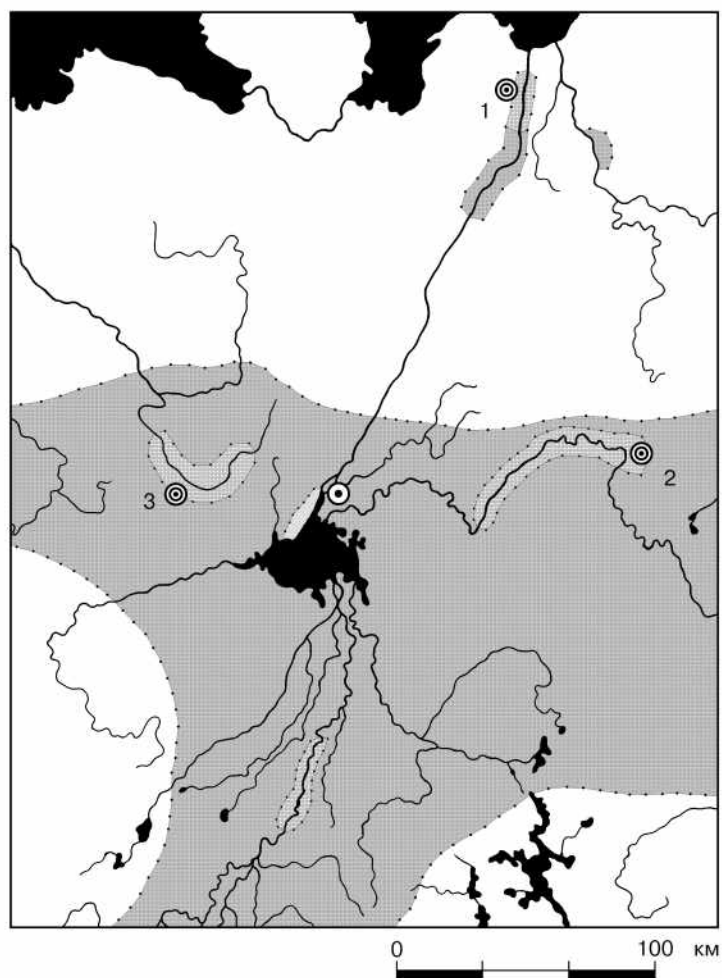
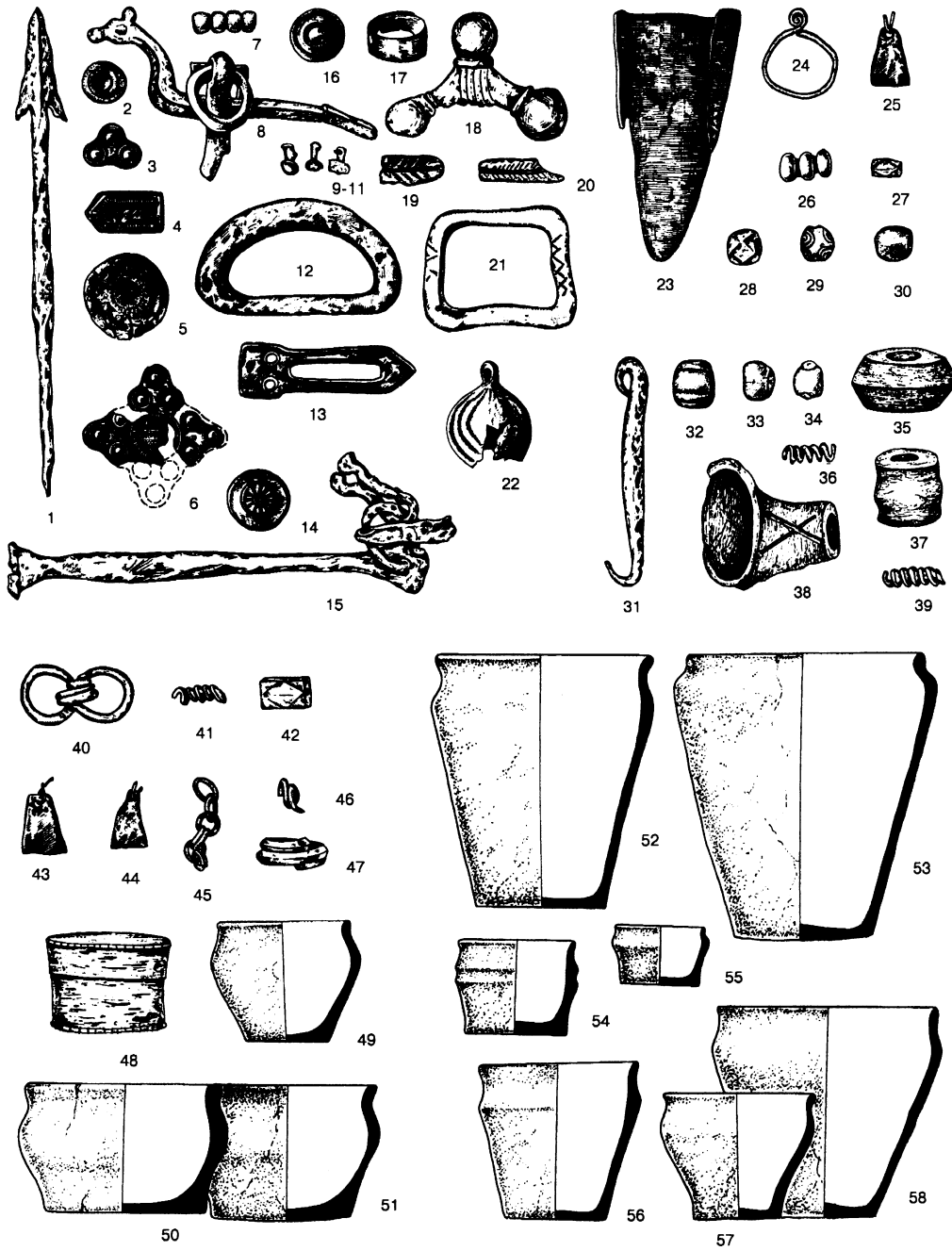

Рис. 19. Зоны концентрации сопок.

Figure 20

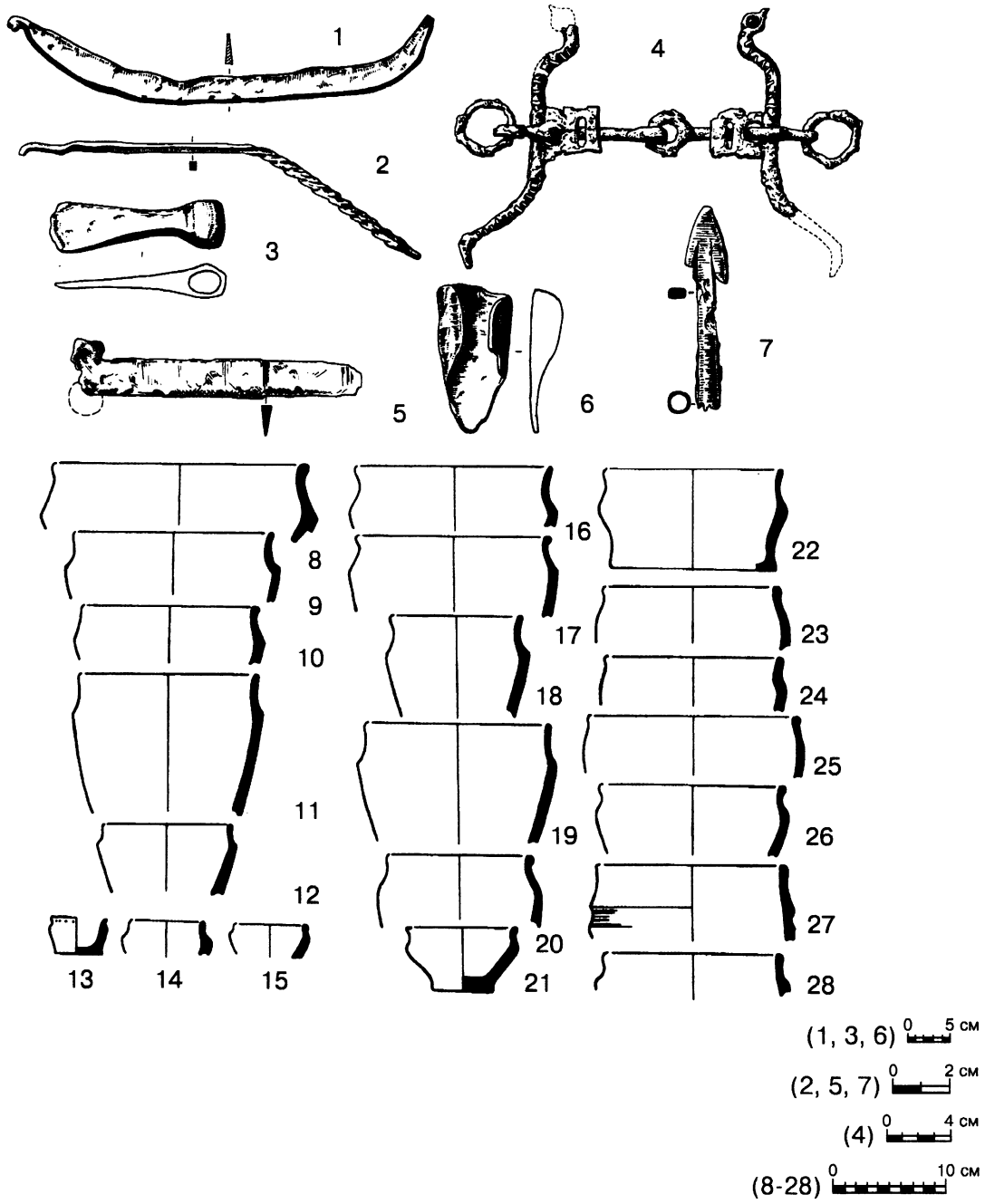
(2-7, 9-14, 16-21, 24-47) 0 1 CM

(48, 52-58) 0 4 CM

(8, 23, 49-51) 0 2 CM

(1, 15, 22) 0 2 CM

Figure 20

20.2

Figure 20.3a

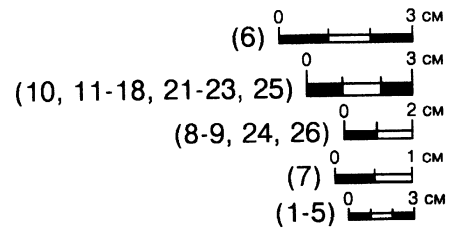
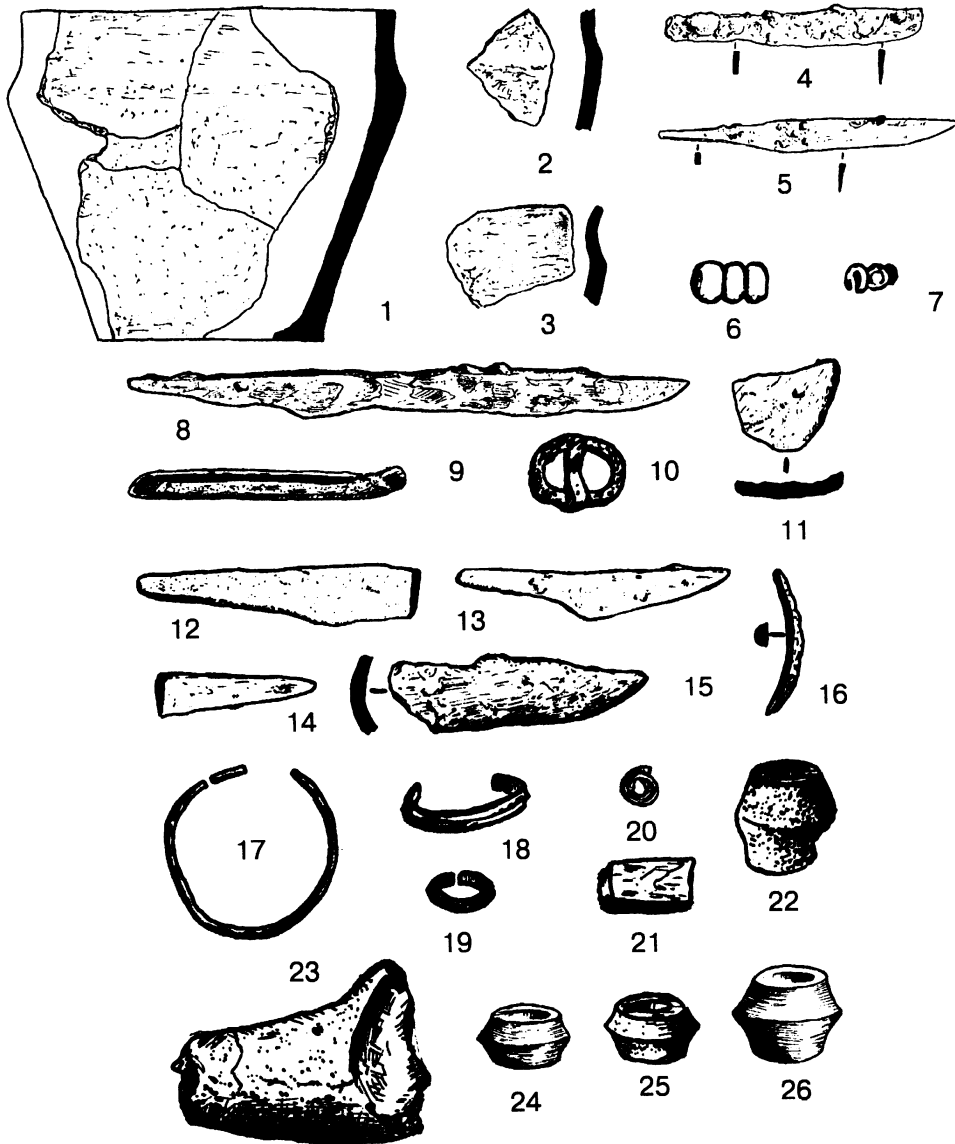
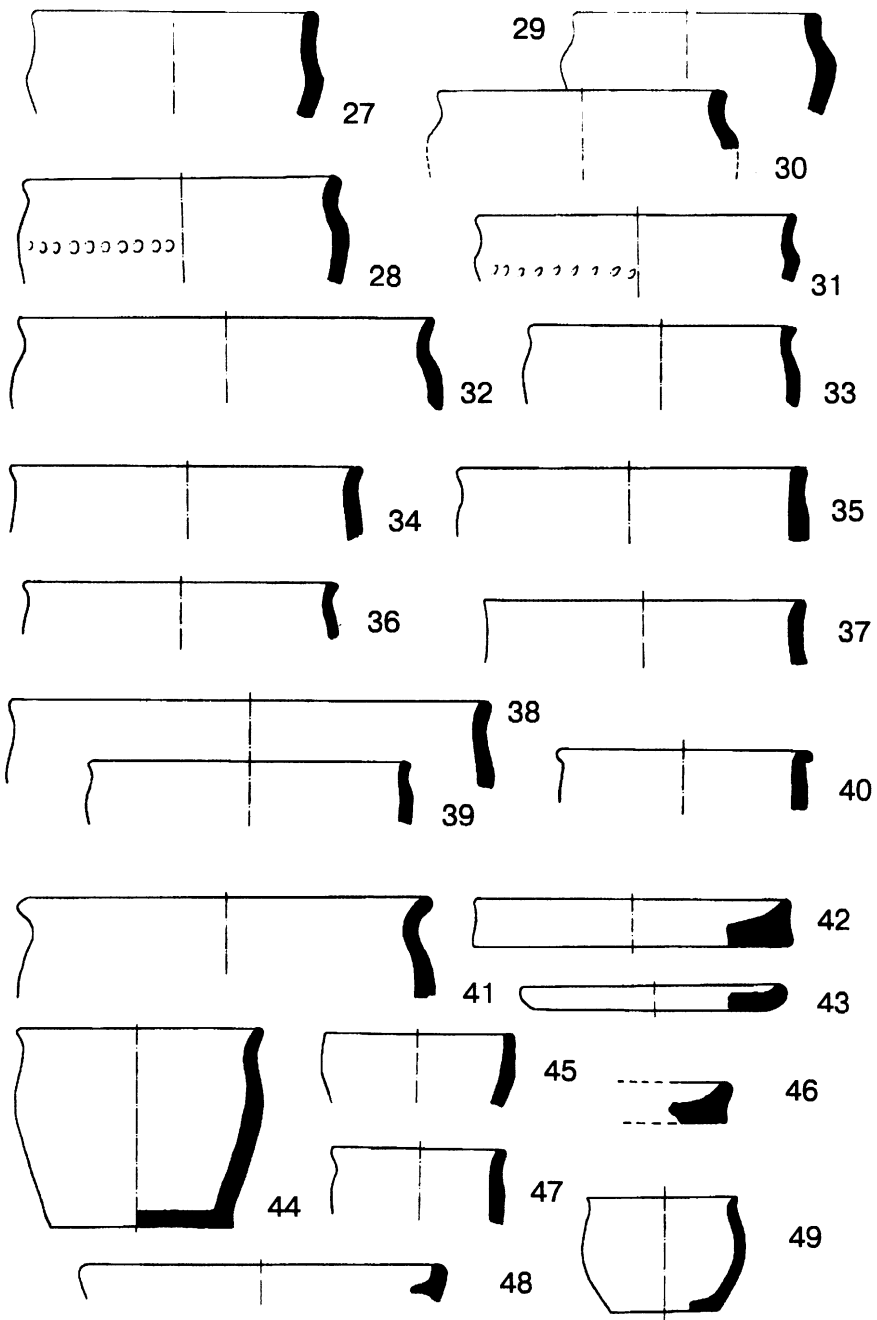

Figure 20.3b

0 5 CM

Figure 20.4a

Figure 20.4b

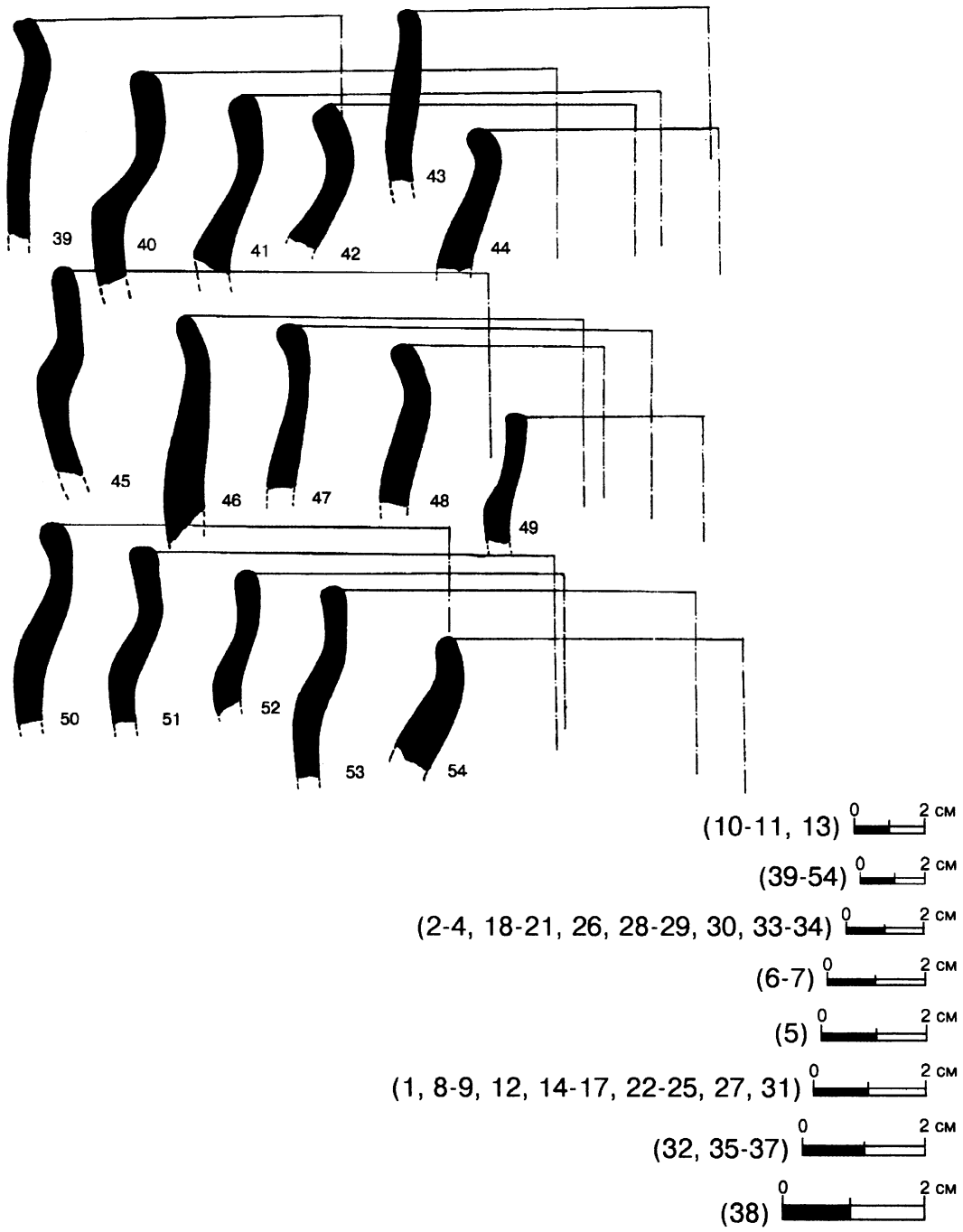

Figure 20.5

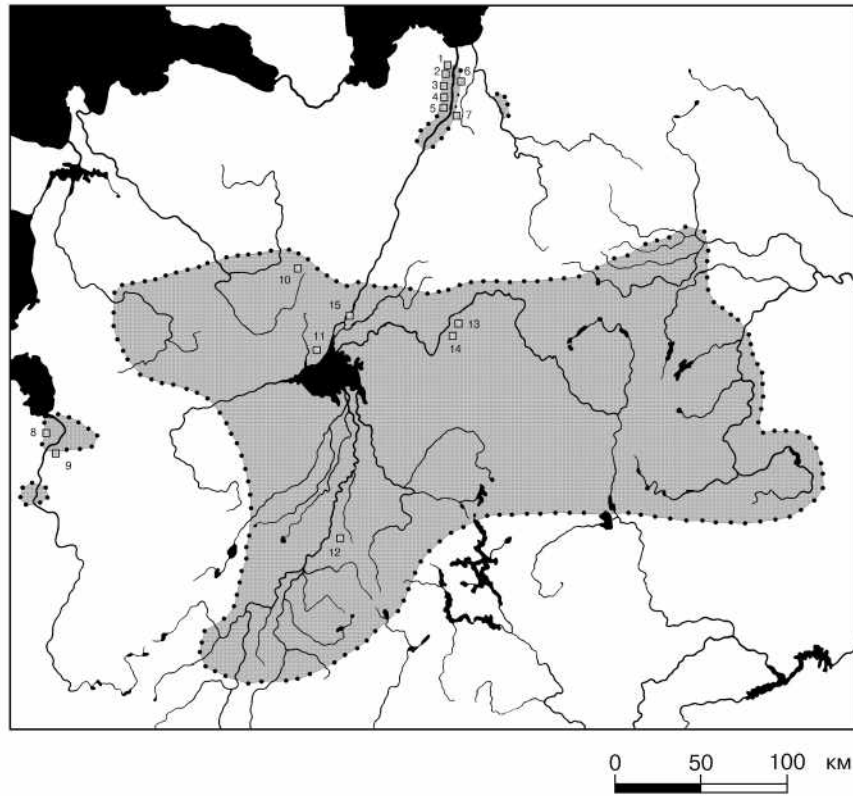

Figure 21

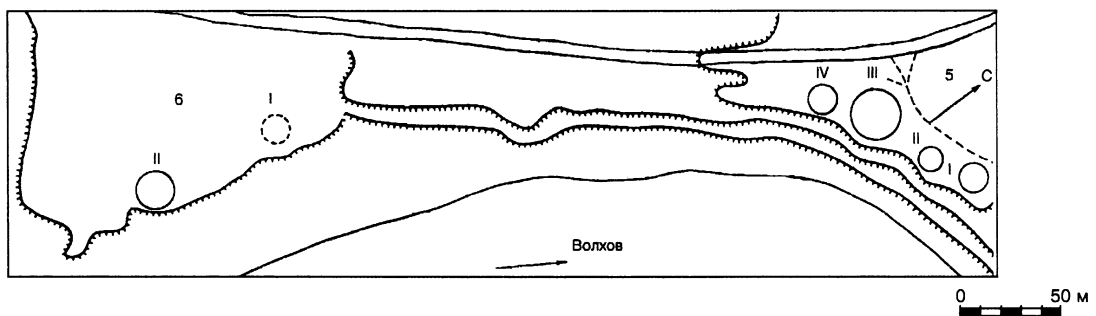

Figure 22

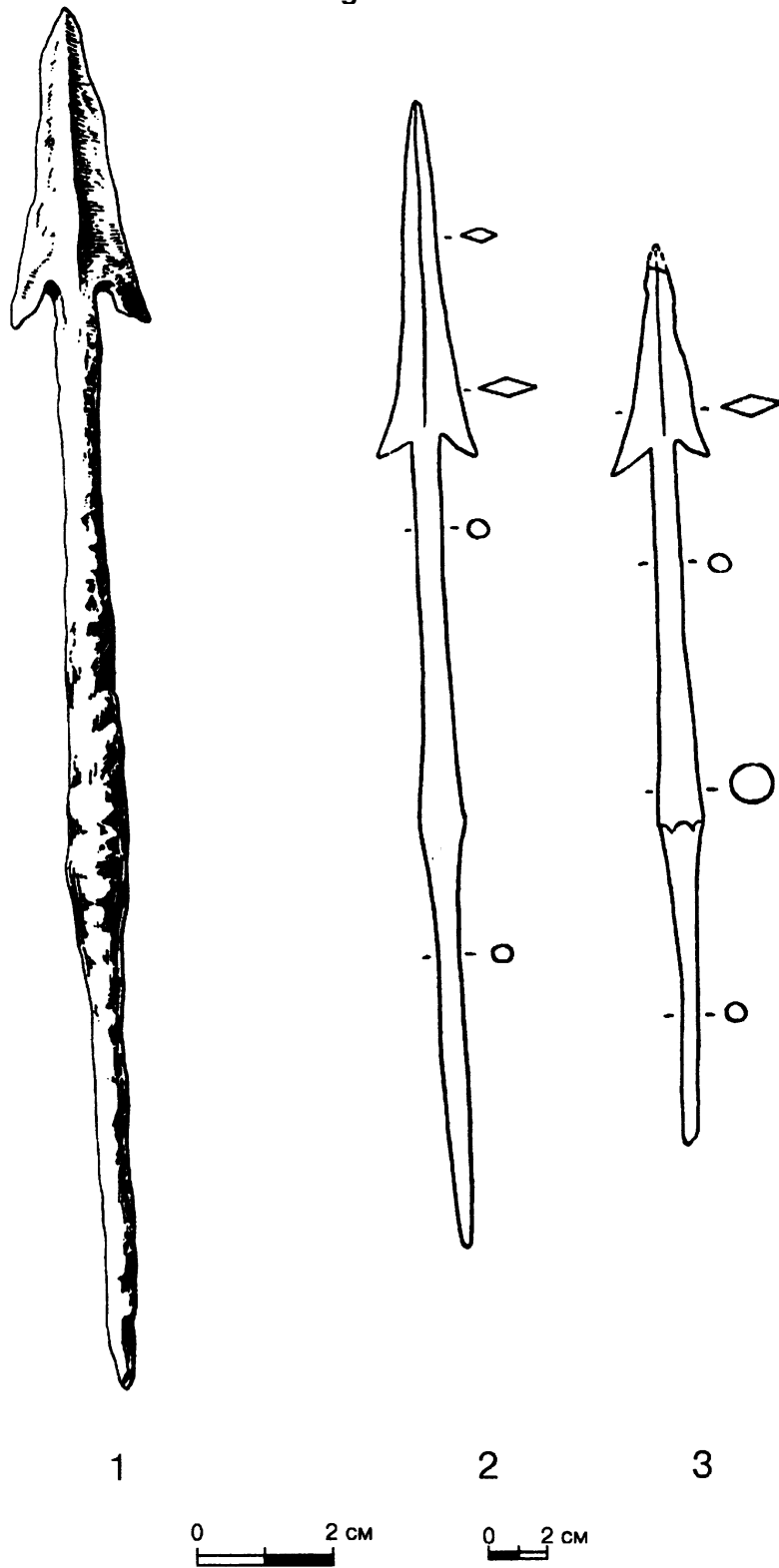

Figure 23

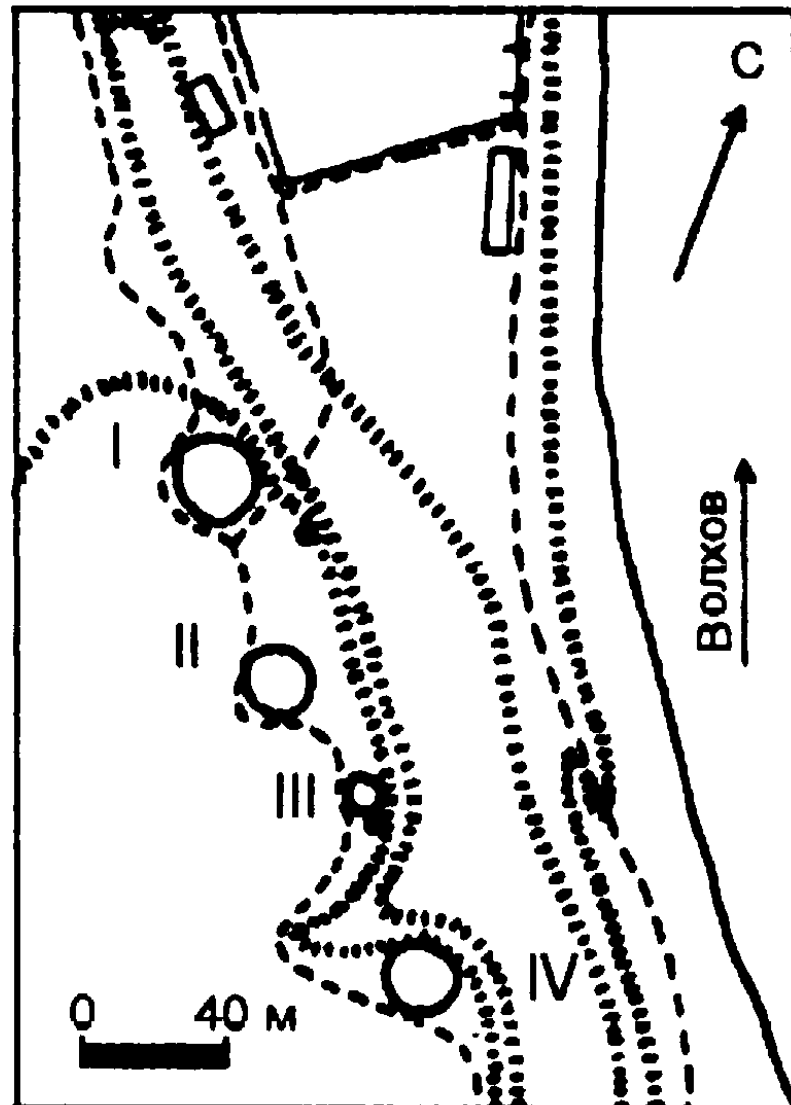
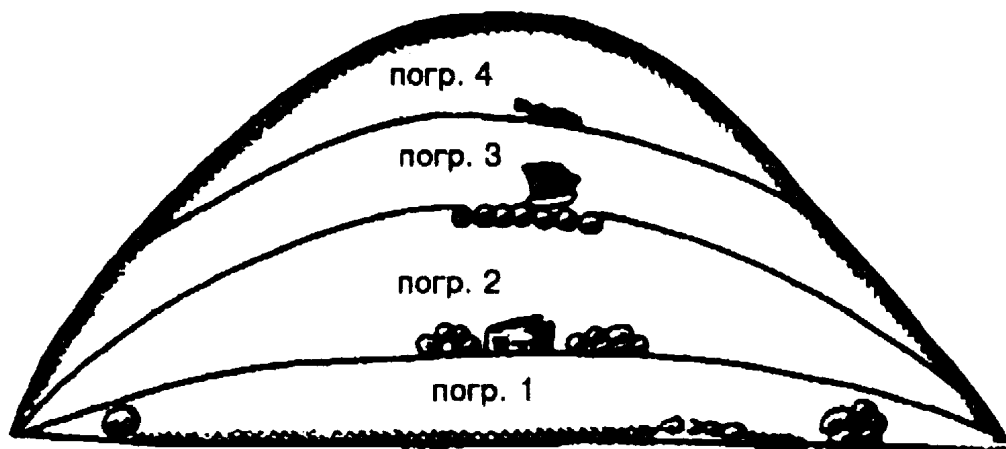
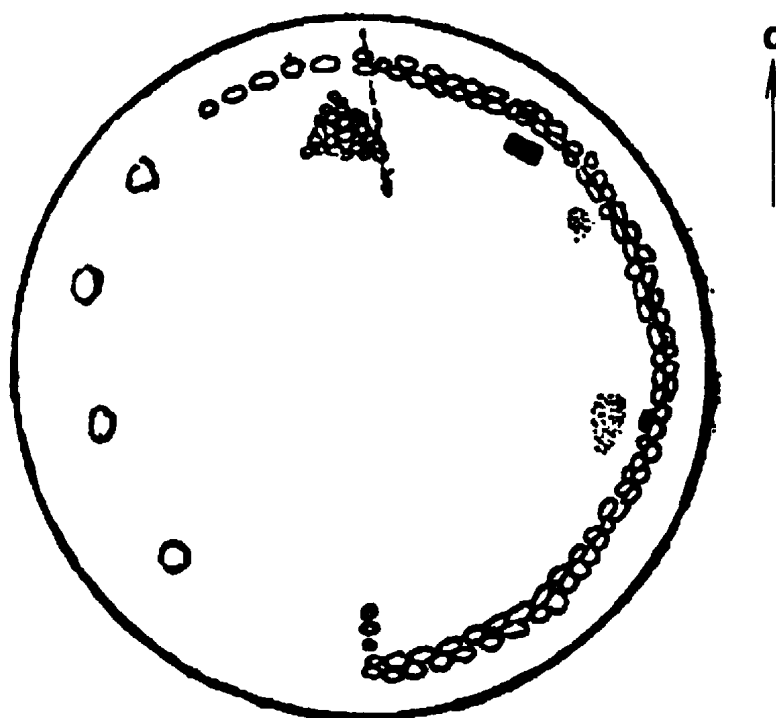

Figure 24

1

2

Figure 25

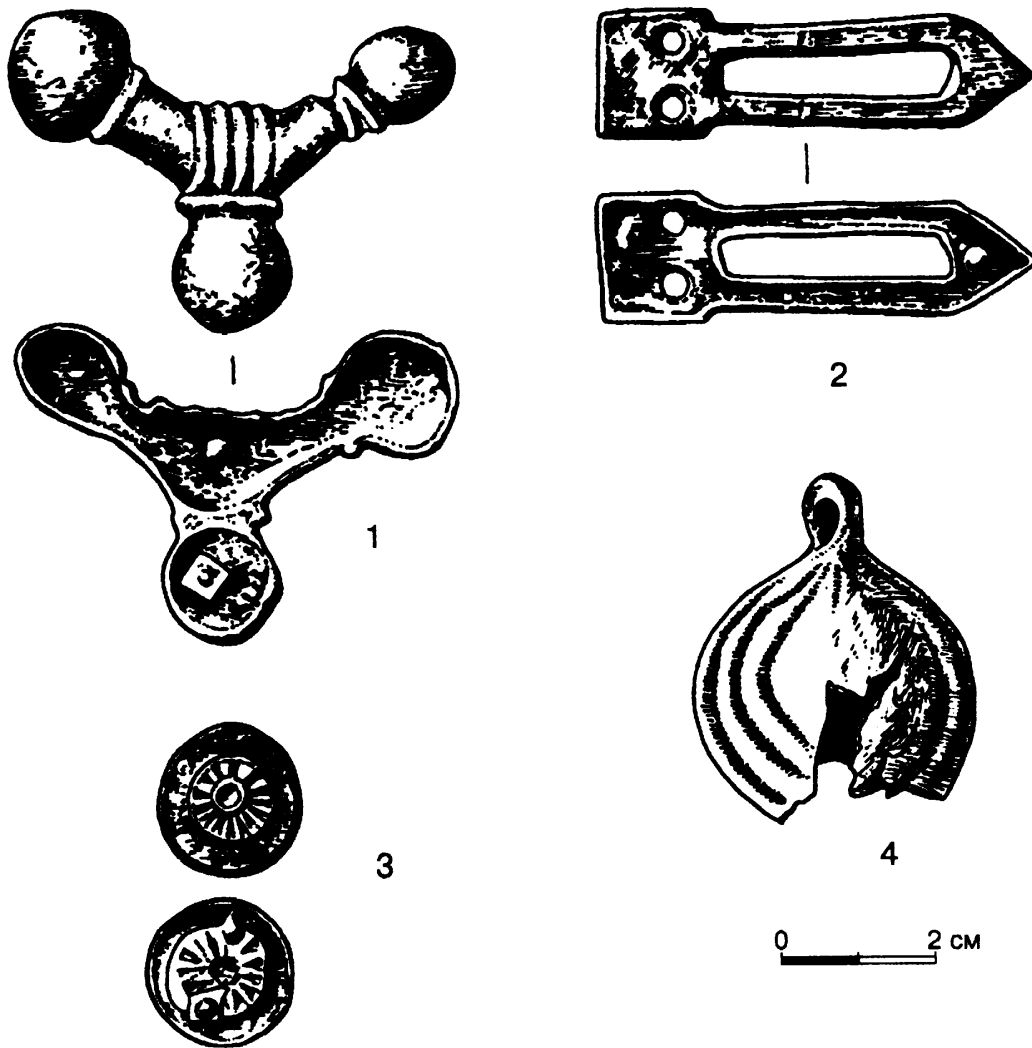
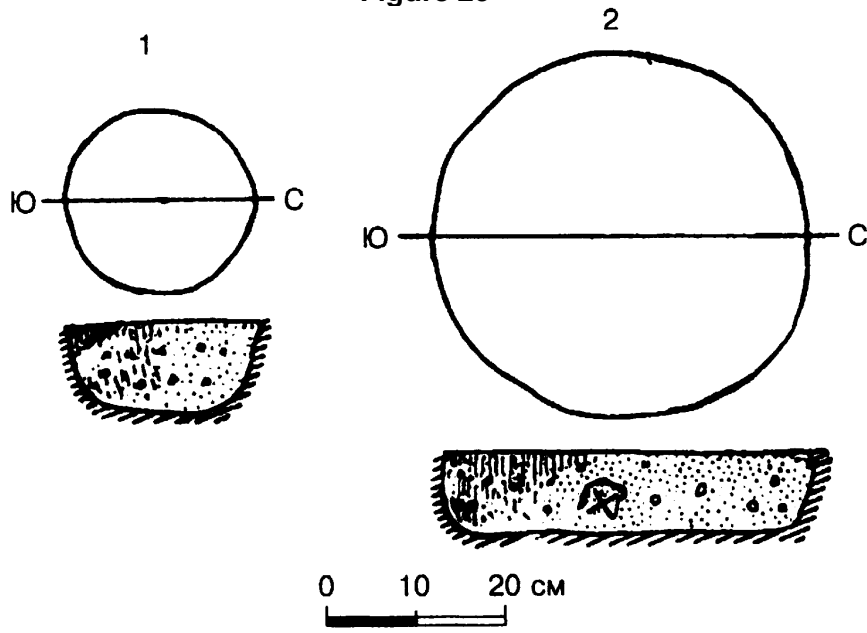
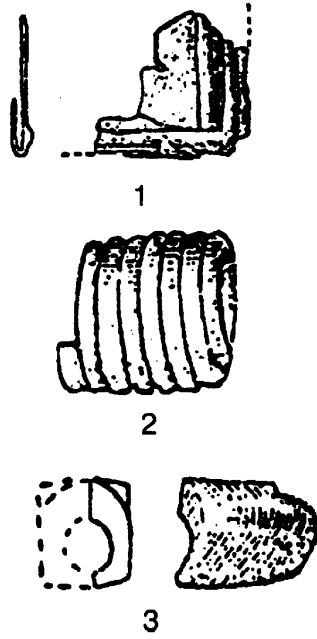

Figure 26

26.1

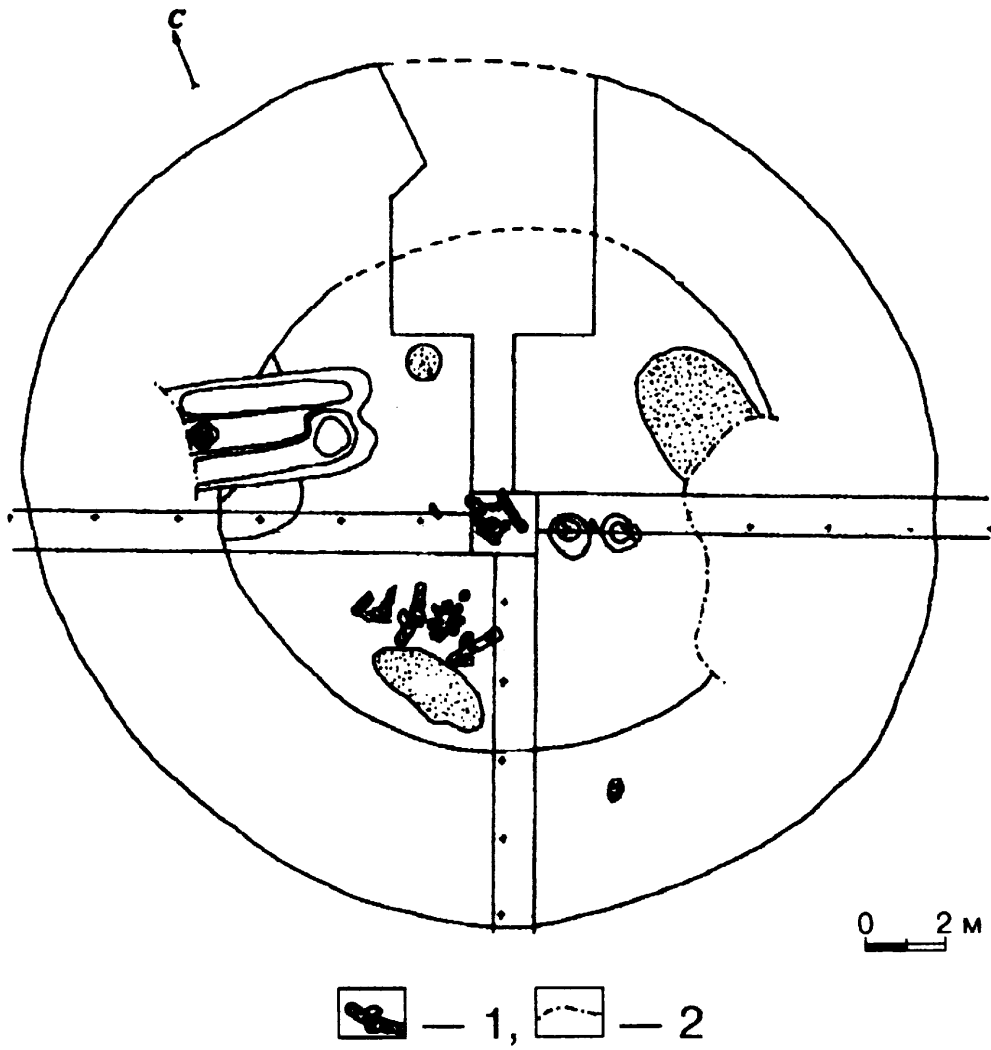
26.2

Figure 27 - Table

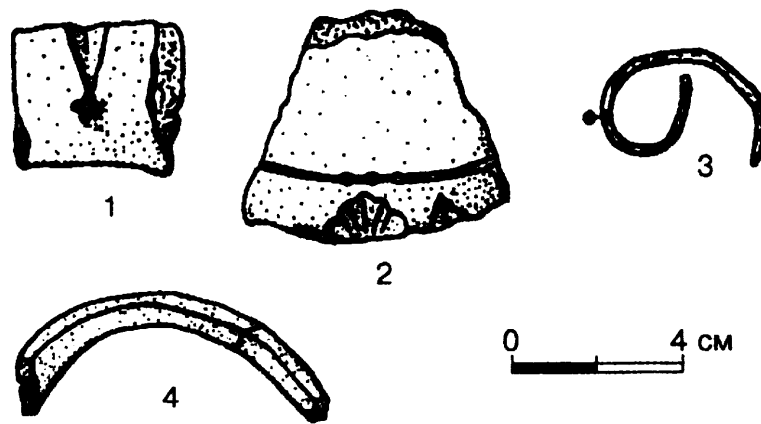
В.И.Равдоникас [1949:10-12, рис. 2-3; 1950: 7-8, 35-38]	Д		Е ₁		Е ₂		Е ₃					
О.И.Давидан [1976:101-107, рис. 1-6, 9]	Д		Е ₁		Е ₂		Е _{3/1}		Е _{3/2}		Е _{3/3}	
Е.А.Рябинин [1985:36-37, 48, табл. 1; см. также-Черных 1985:76-78]	Д верхнее		Д нижнее		Е ₁		Е ₂		Е ₃ бурый бурий гумус I II		Е ₃ черный гумус	Е ₃ гумус
С.Л.Кузьмин, А.Д.Мачинская	XI	X	IX	VII I	VII	VI	V	IV	III	II	I	
Г о д ы	990 - 1000	97 0 - 99 0	950 - 970	920-е - 950	890-е - 920-е	860- е - 890- е	840 - 860- е	810 - 840	780 - 810	760 - 780	750 - 760	

Примечание: черной полосой в таблице обозначены границы между строительными ярусами, маркированные следами тотальных пожаров на поселении

Figure 28

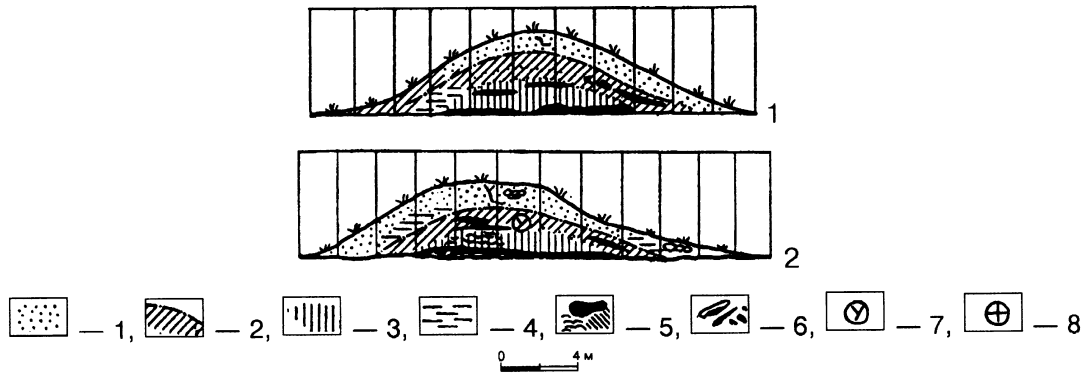

28.1

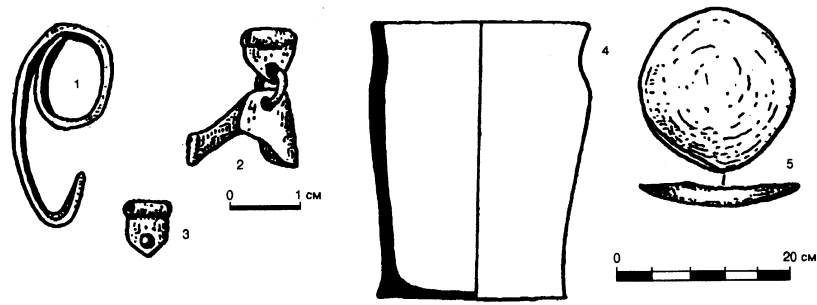

28.2

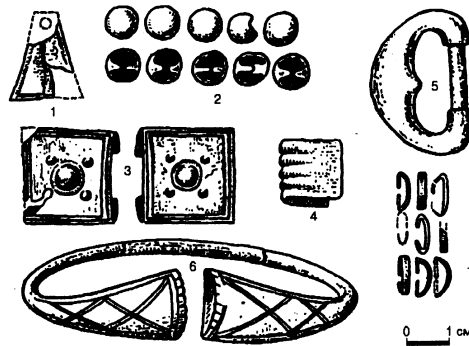
Figure 29

29.1

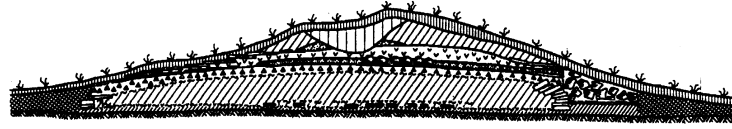

29.2.1

29.2.2

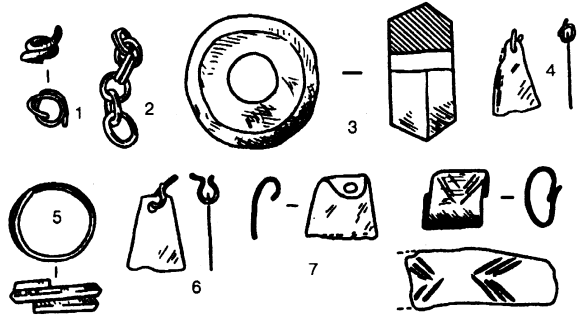
Figure 30

— 1, — 2, — 3, — 4, — 5, — 6, — 7, — 8, — 9, — 10, — 11, — 12, — 13, — 14, — 15, — 16.

0 2 M

30.1

0 3 CM

30.2

Figure 31

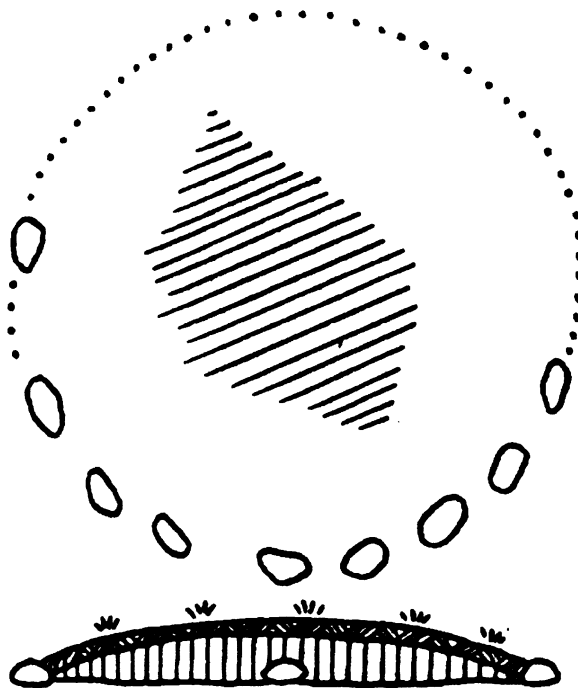

Figure 32

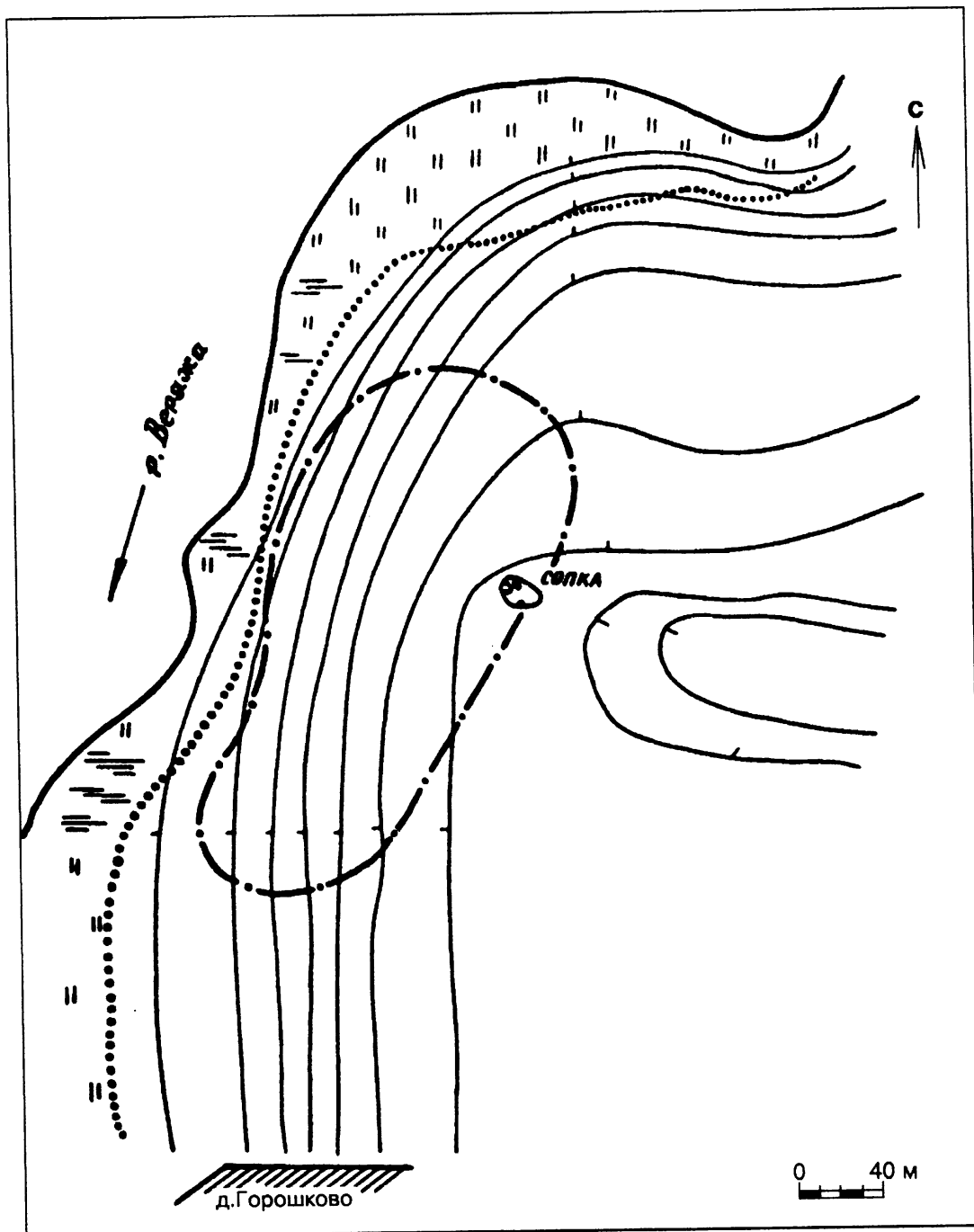

Figure 33

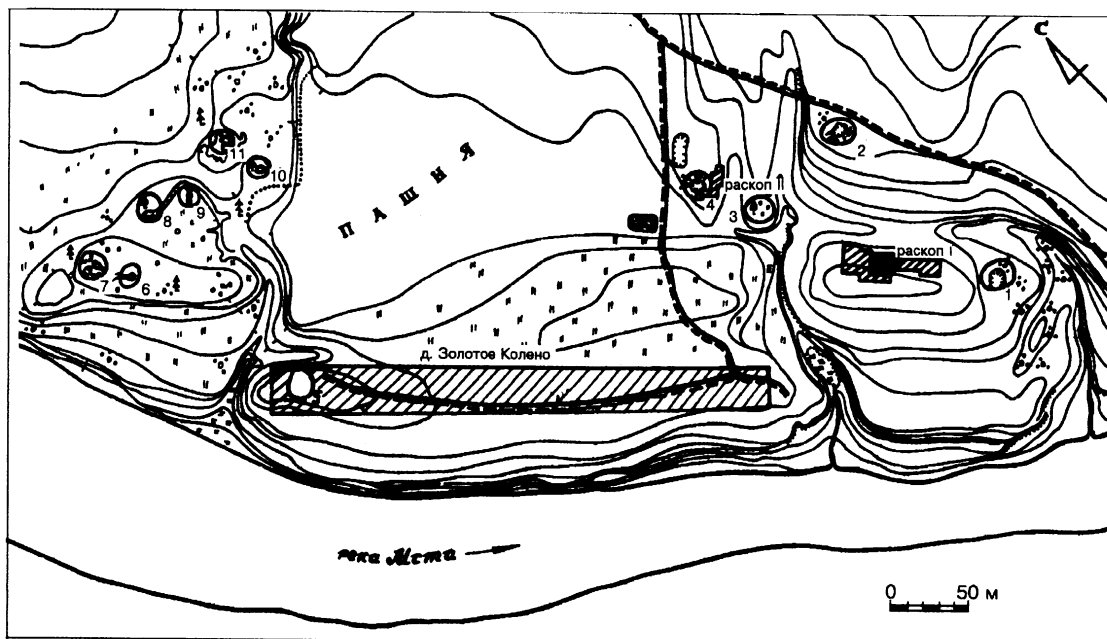

Figure 34

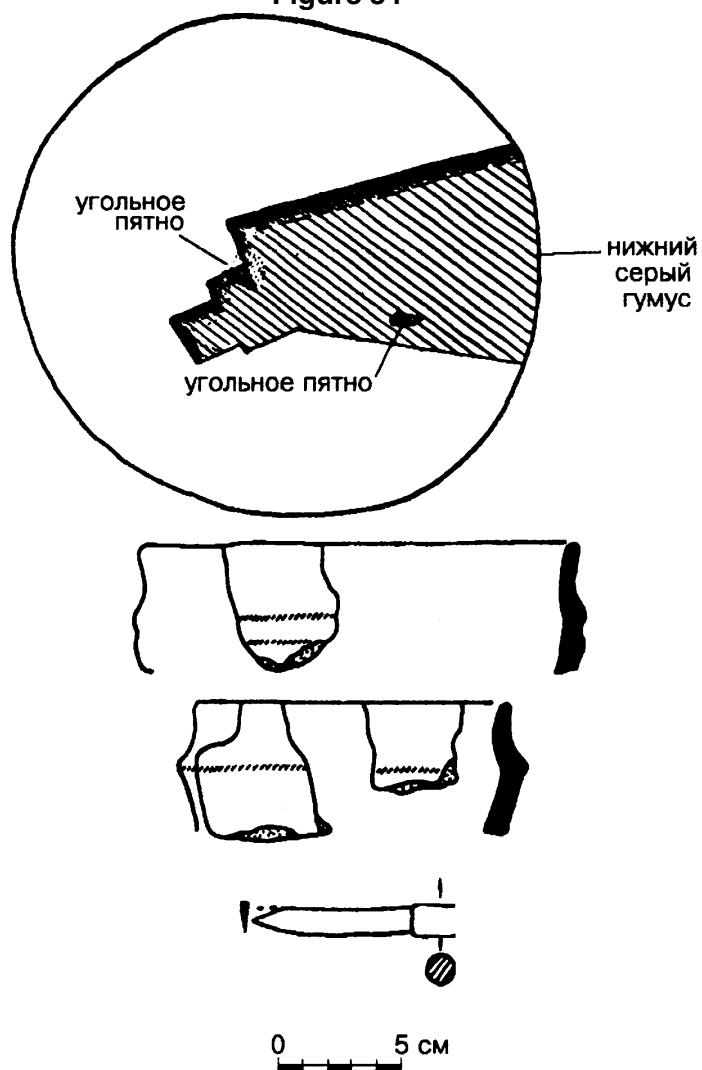
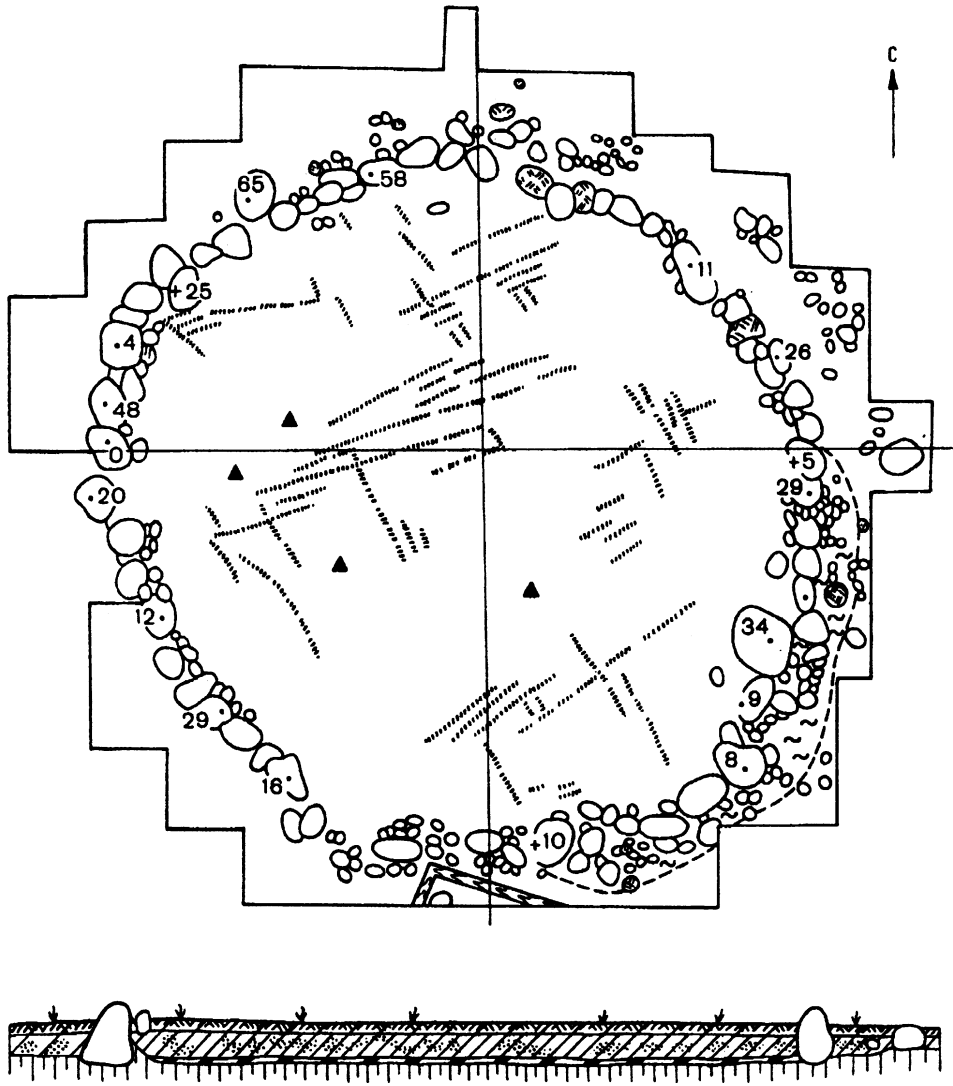

Figure 35

	— 1,		— 2,		— 3,		— 4,		— 5,
	— 6,		— 7,		— 8,		— 9,		— 10

0 2 M

Figure 36

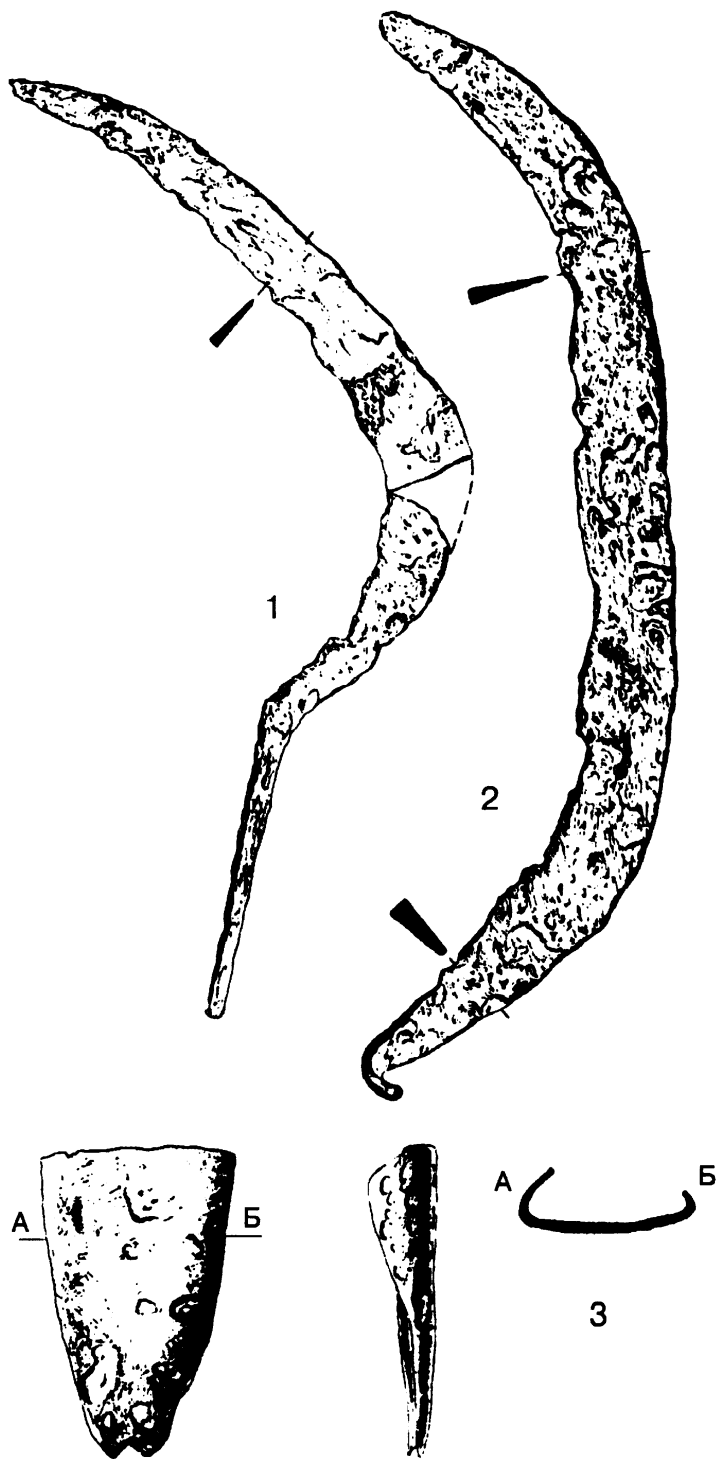

Figure 37

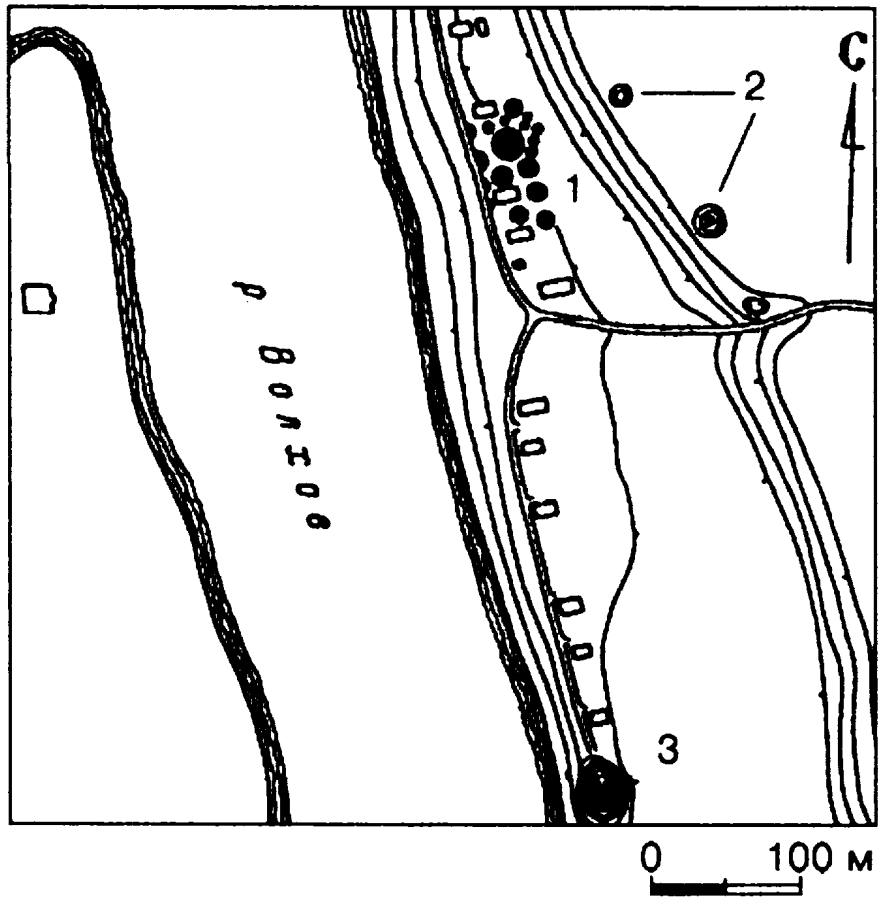
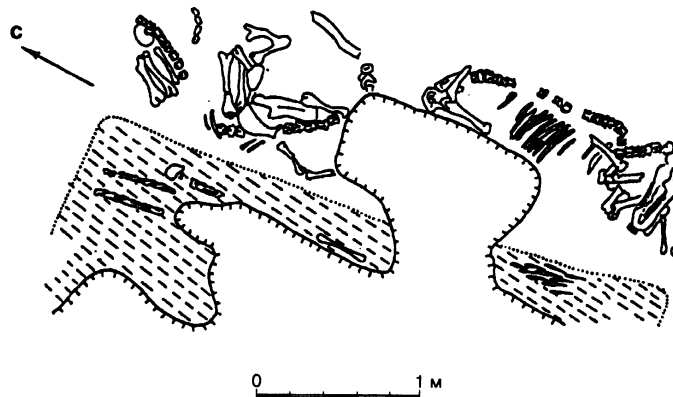
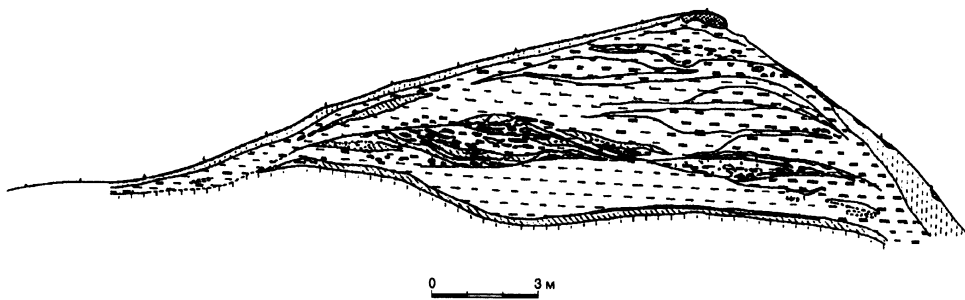
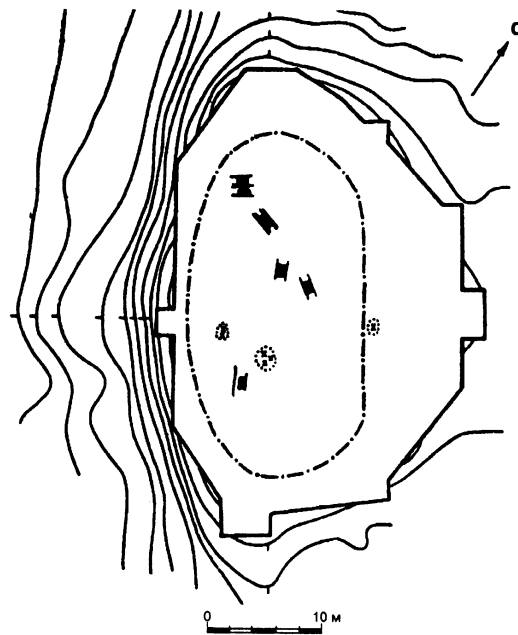

Figure 38

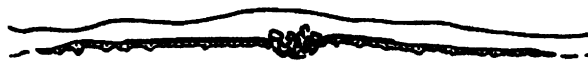
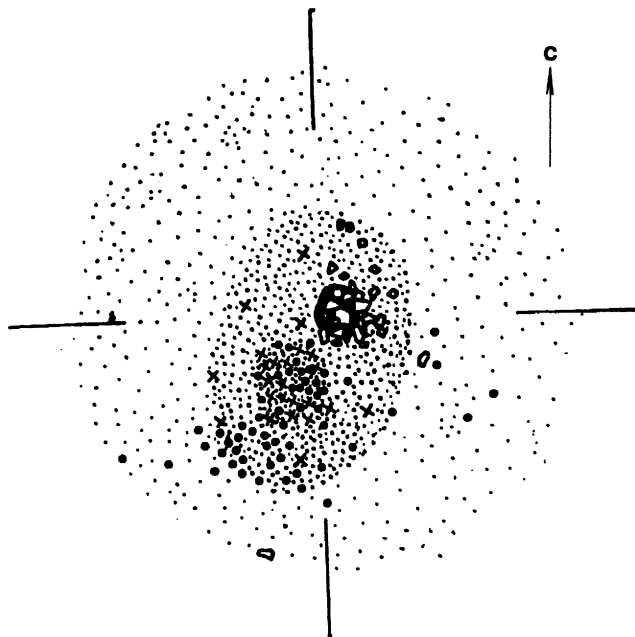
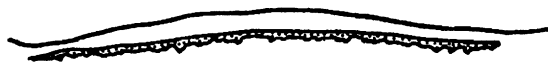
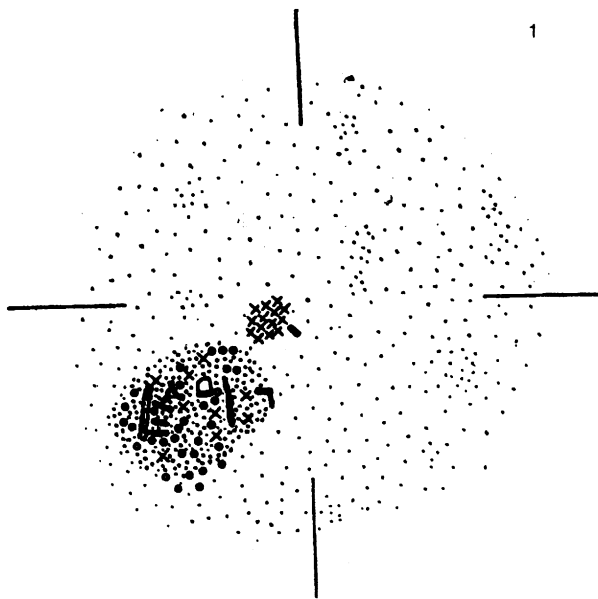
- — 1, — 2, — 3, — 4, — 5, — 6, — 7, — 8, — 9, — 10,
 — 11, — 12, — 13, — 14, — 15, — 16, — 17, — 18, — 19,
 — 20, — 21

Figure 39

1

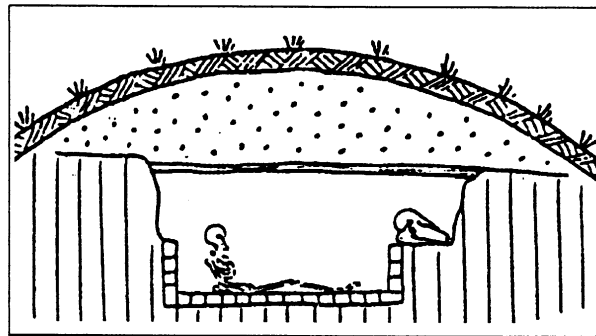

2

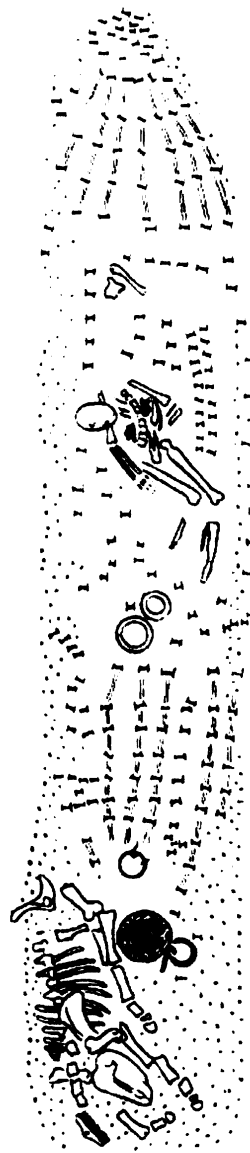
- ☒ — 1, ☐ — 2, ☐ — 3, ☐ — 4, ☐ — 5, ☐ — 6

Figure 40

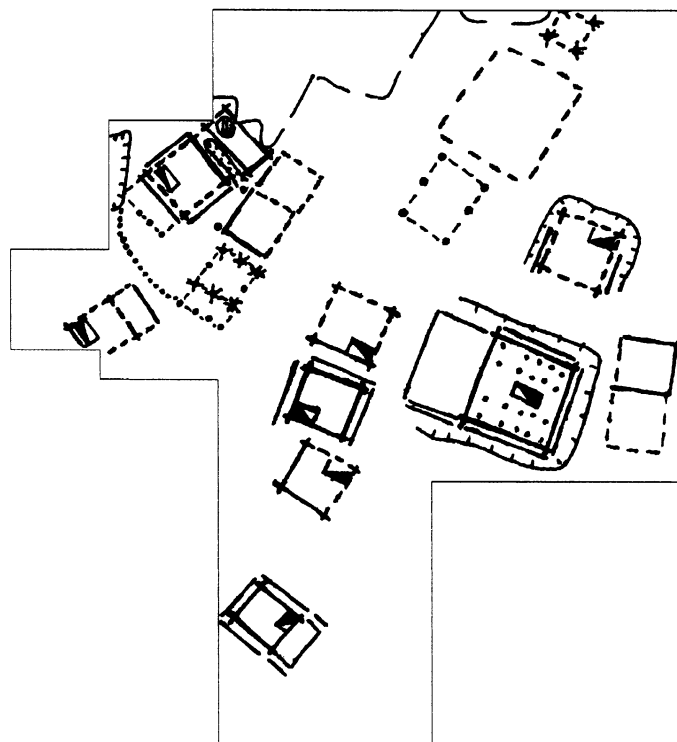

F

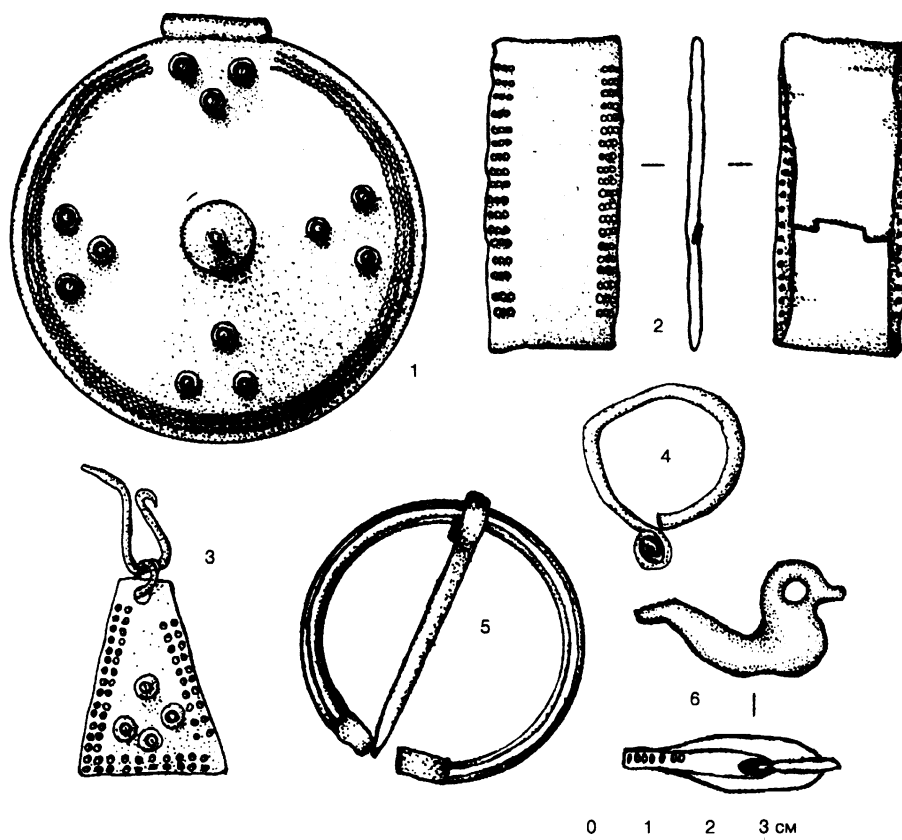

Bg

Figure 41

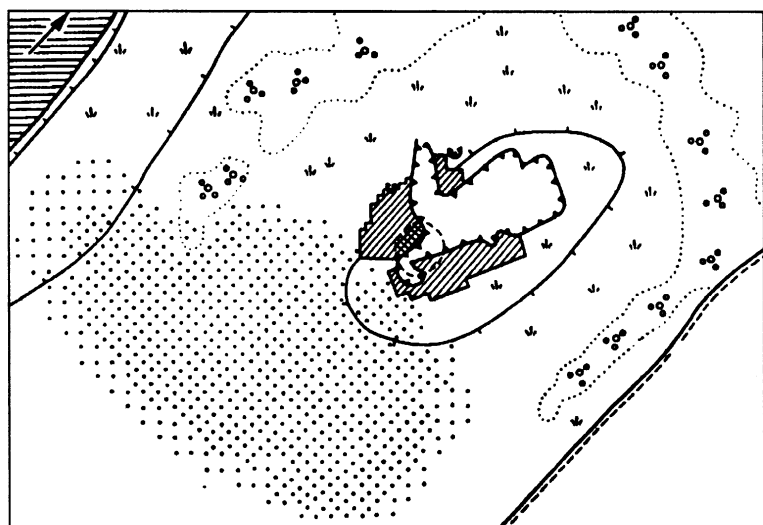

41.1

41.2

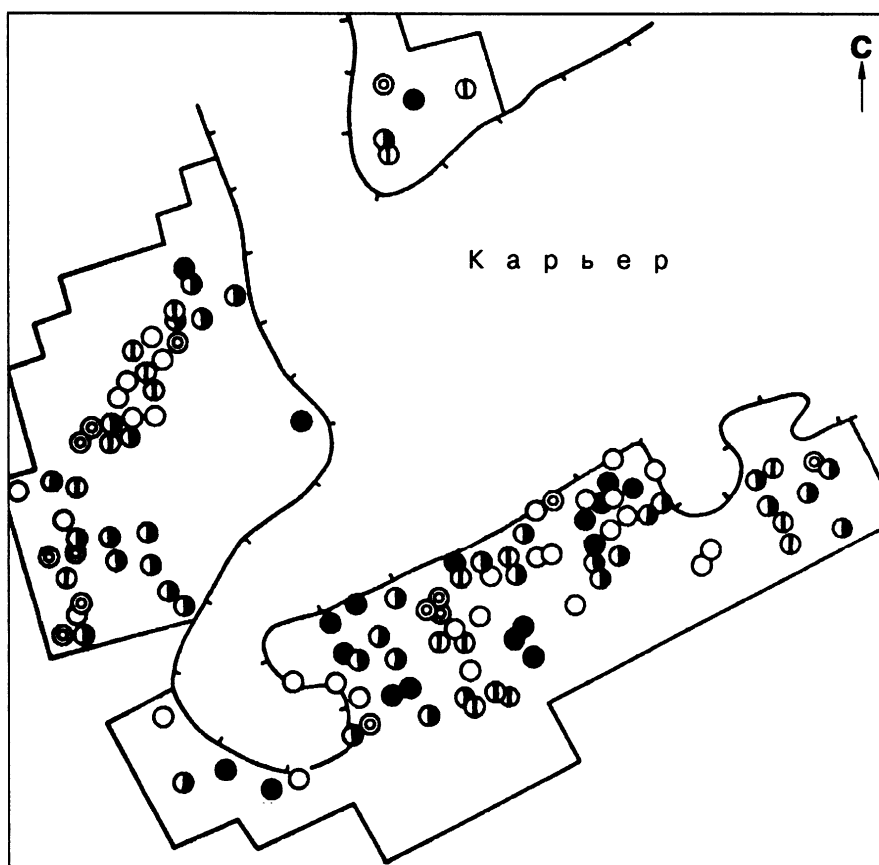
Figure 42

0 30 М

▨ — 1, ▣ — 2, ▩ — 3, ▤ — 4

42.1.1

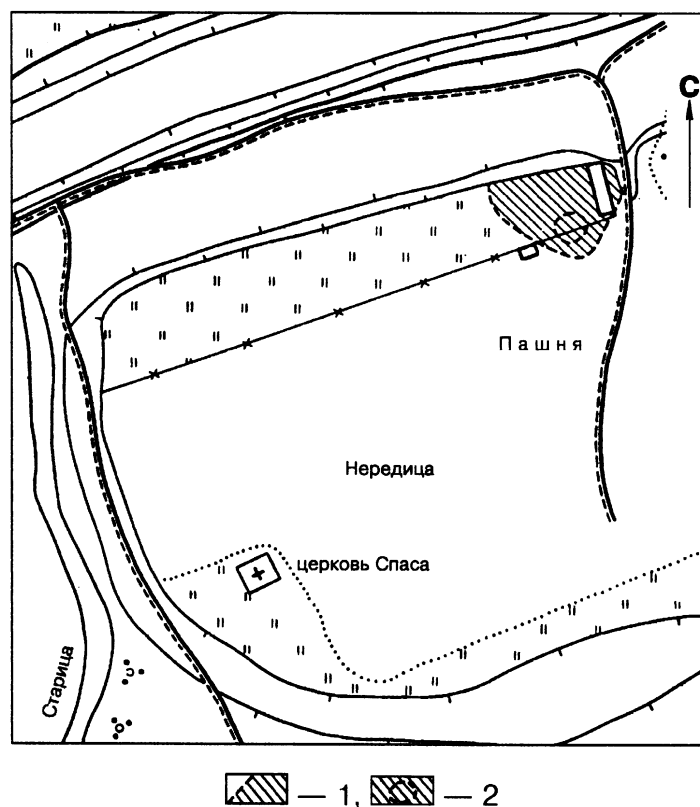

0 4 М

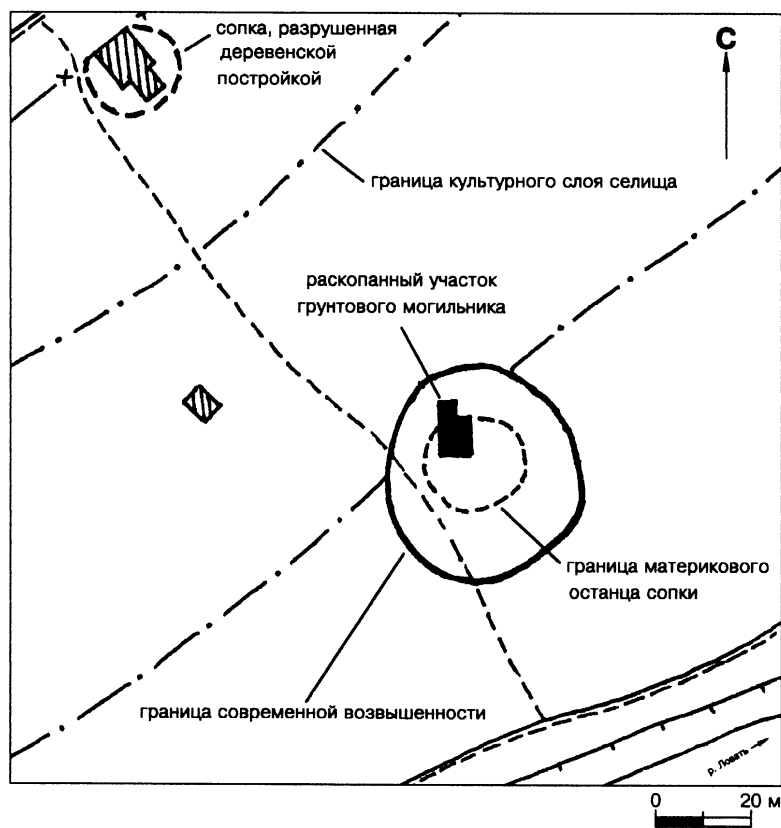
● — 1, ○ — 2, ⊙ — 3, ⊕ — 4, ○ — 5

42.1.2

Figure 42

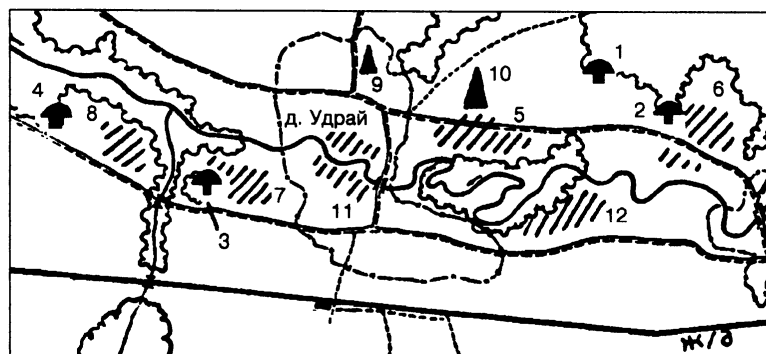

42.2

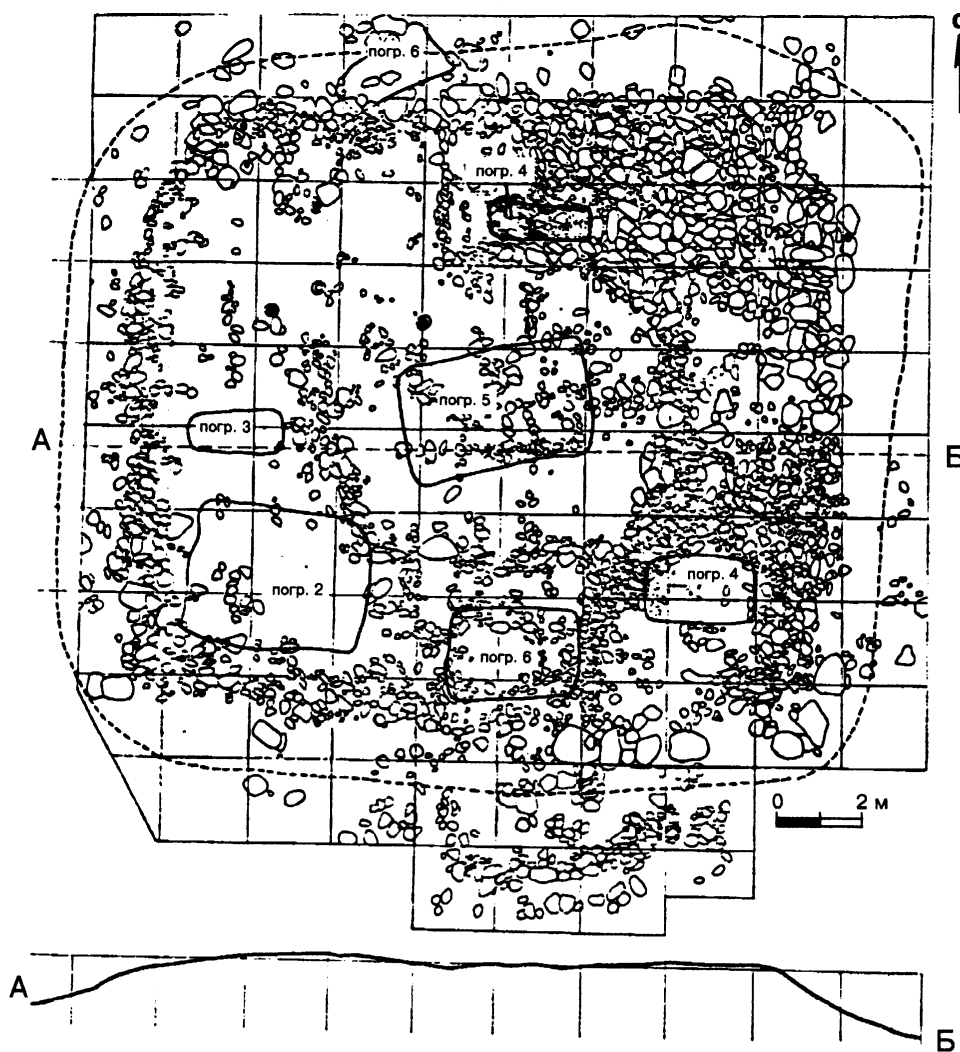
42.3

Figure 43

▲ — 1, ▲ — 2, ▲ — 3, // — 4

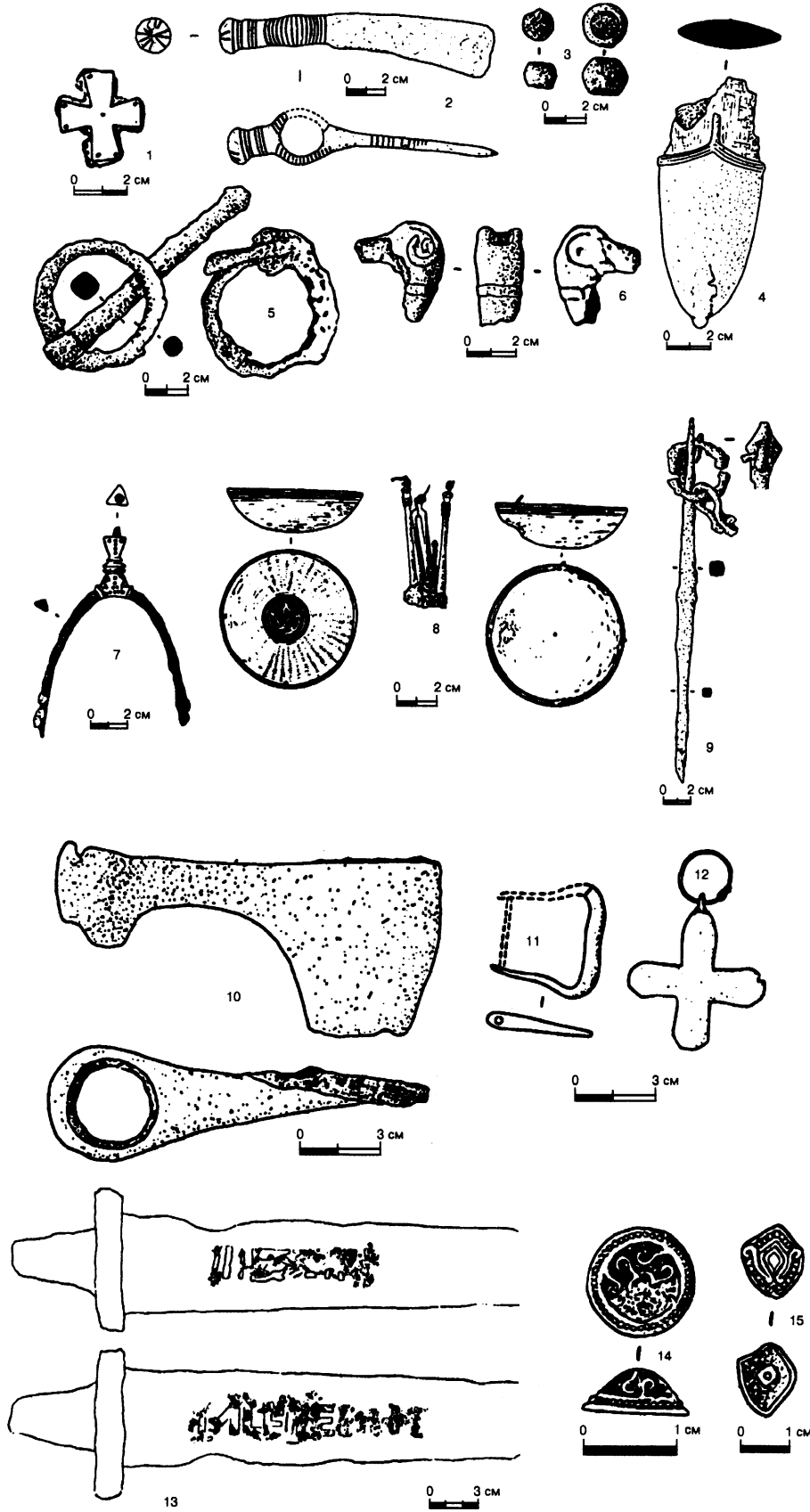
43.1

● — 1

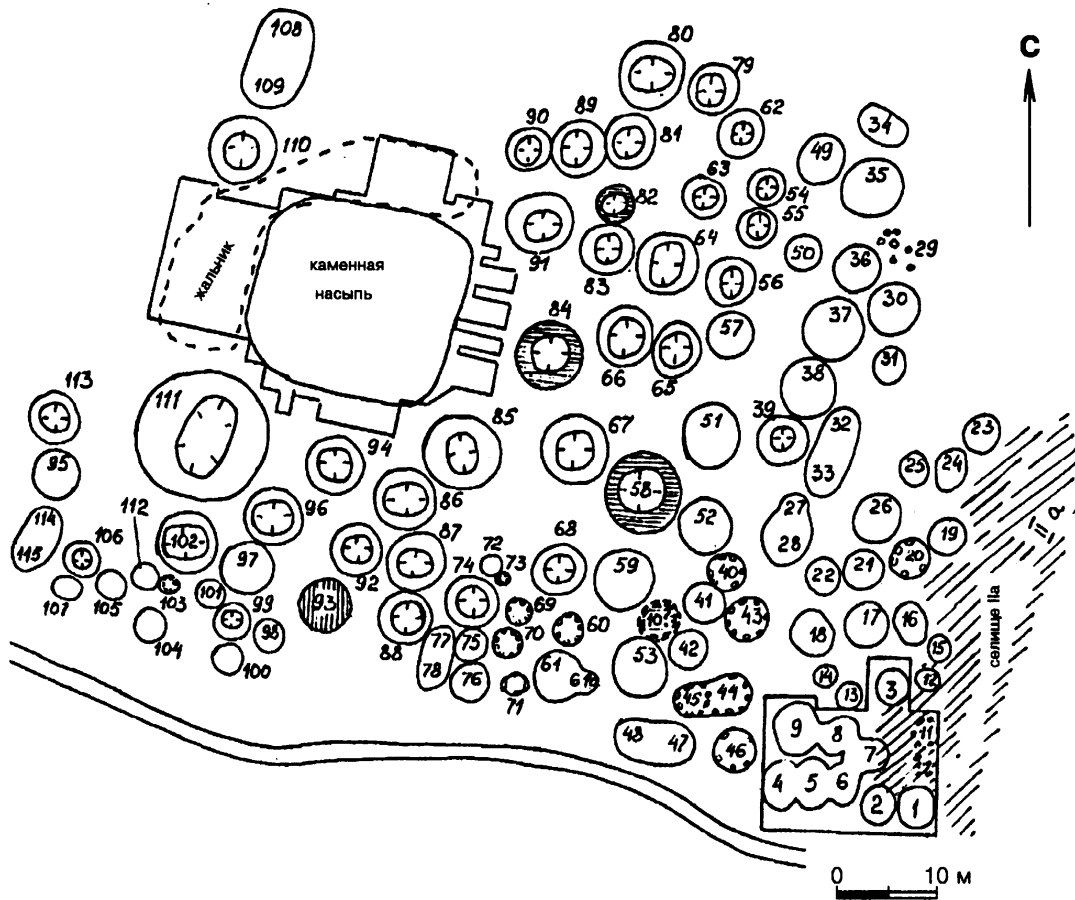
43.2.1

Figure 43

43.2.2

Figure 43

- — 1,
- — 2,
- — 3,
- — 4

43.3

Table 43.4

о б ъ е к т ы	№ к о м п л е к с а	XIV	XIII	XII	XI	X
		в.	в.	в.	в.	в.
к у р г а н ы	8 Пл	■	■	■	■	■
	10 Сп		■	■	■	■
	8 Сп		■	■	■	
	Т		■	■	■	
	34 Пр			■	■	■
ж а л ь н и к и н г р у н т о в ы е п о г р - я	14		■	■	■	
	16			■	■	■
	13			■	■	■
	10			■	■	
	15			■	■	■
	96			■	■	■
	86			■	■	■
	7			■	■	
	11			■	■	■
	к а м е н н а я н а с ы п ь	п. 3			■	■
п. 6				■	■	
п. 1				■	■	
п. 2				■	■	■
п. 4					■	■
п. 5				■	■	

Figure 44

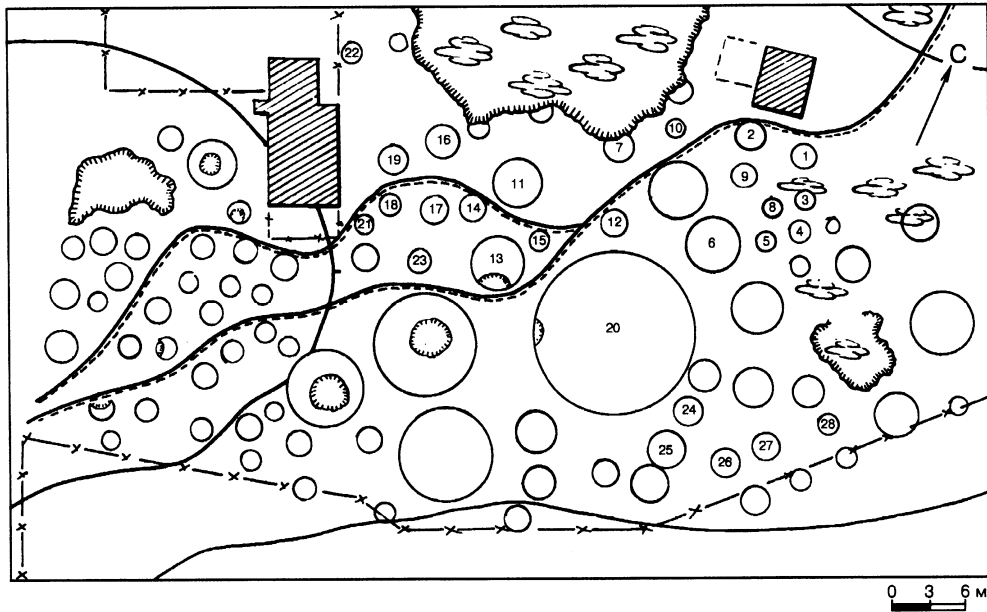
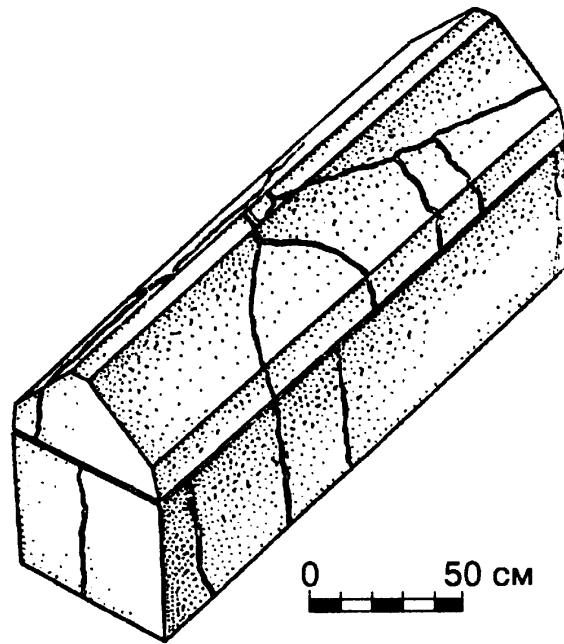

Table 44

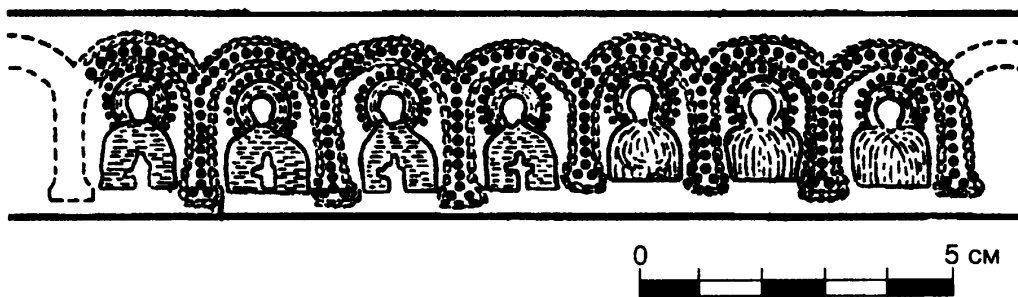
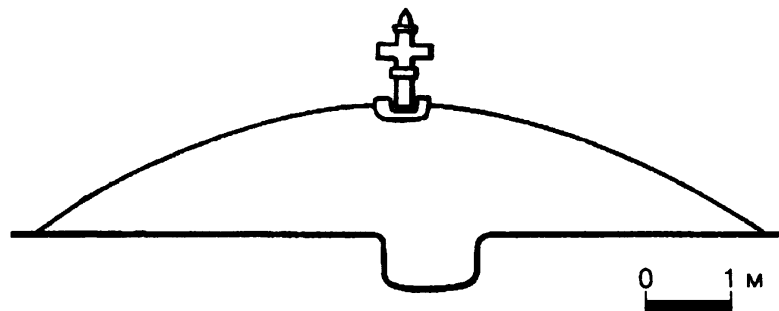
	33 п.2	20 п.2	20 п.1	29	33 п.1	17 п.1	35	17 п.2	37	38	14	2 п.1	39	15	8	42	6 п.1	21	46	4	31	
XIV в.																						
XIII в.																						
XII в.																						
XI в.																						
X в.																						

Примечание: в верхней строке таблицы указаны номера курганов и погребений (п.) в них.

Figure 45

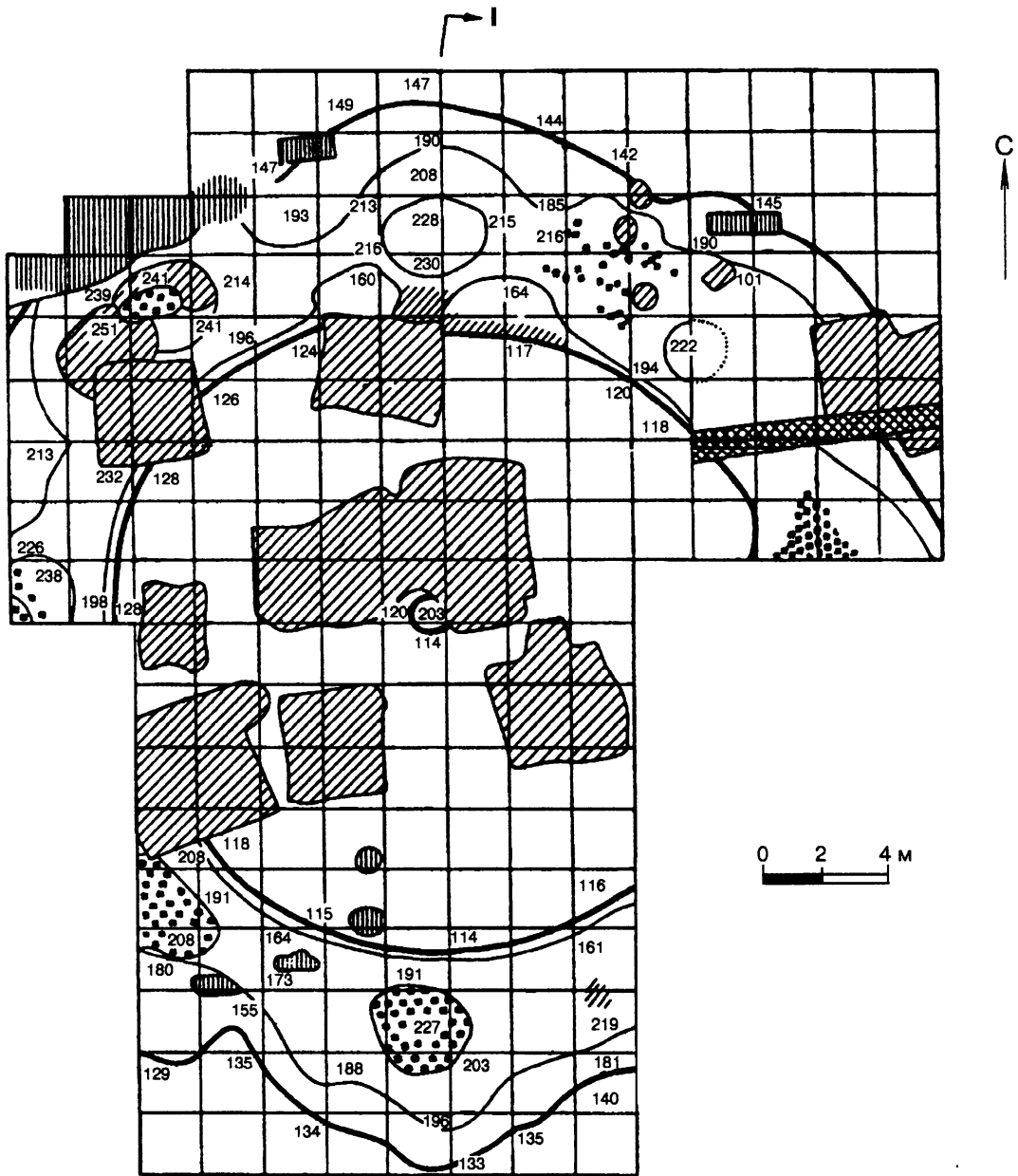

45.1

45.2

Figure 47

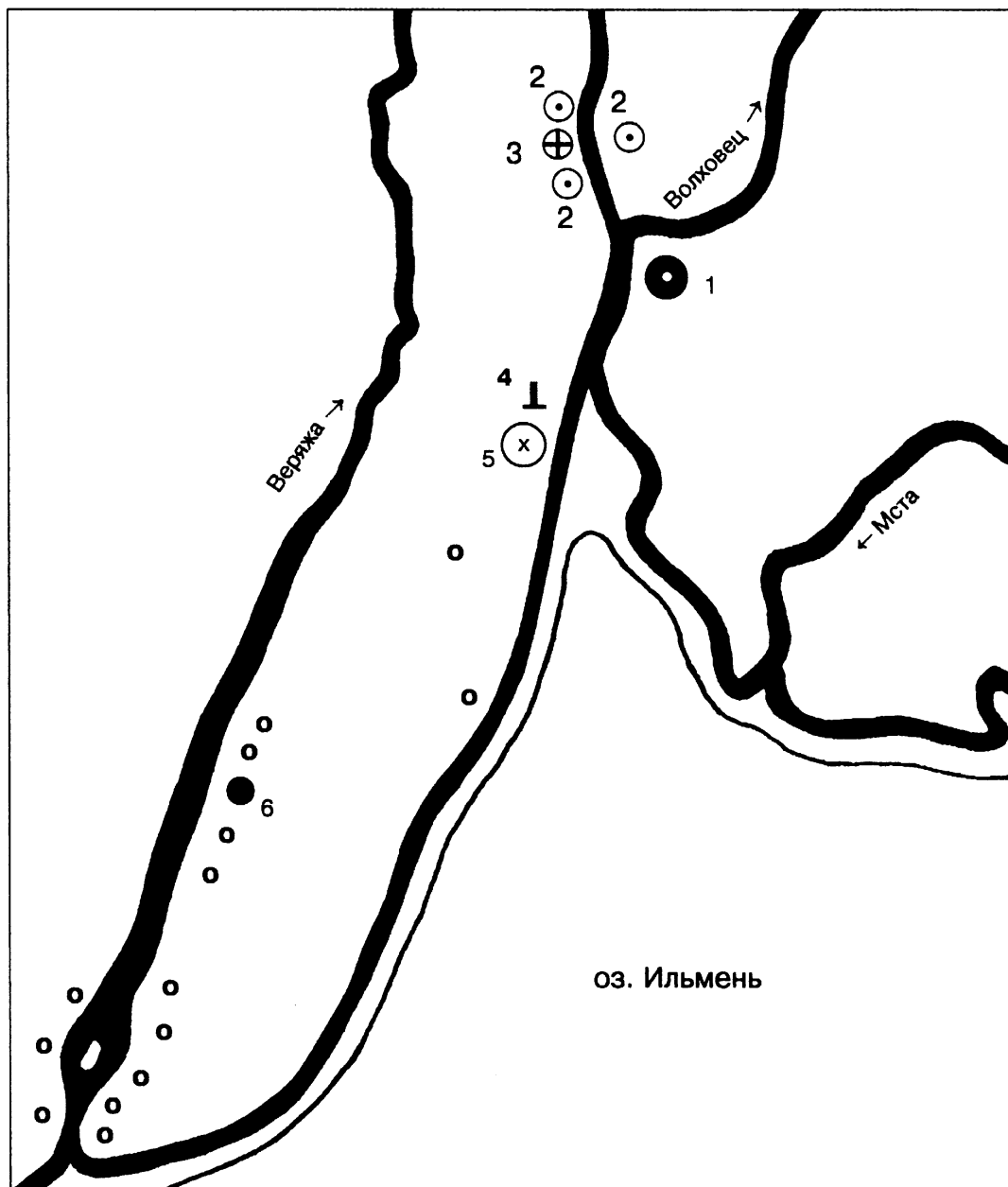
47.1

47.2

- — 1, ▨ — 2, ▤ — 3, ▩ — 4, ▧ — 5

Figure 48

0 3 км

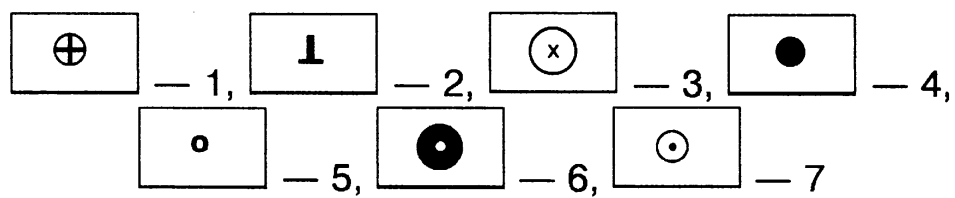

Figure 49

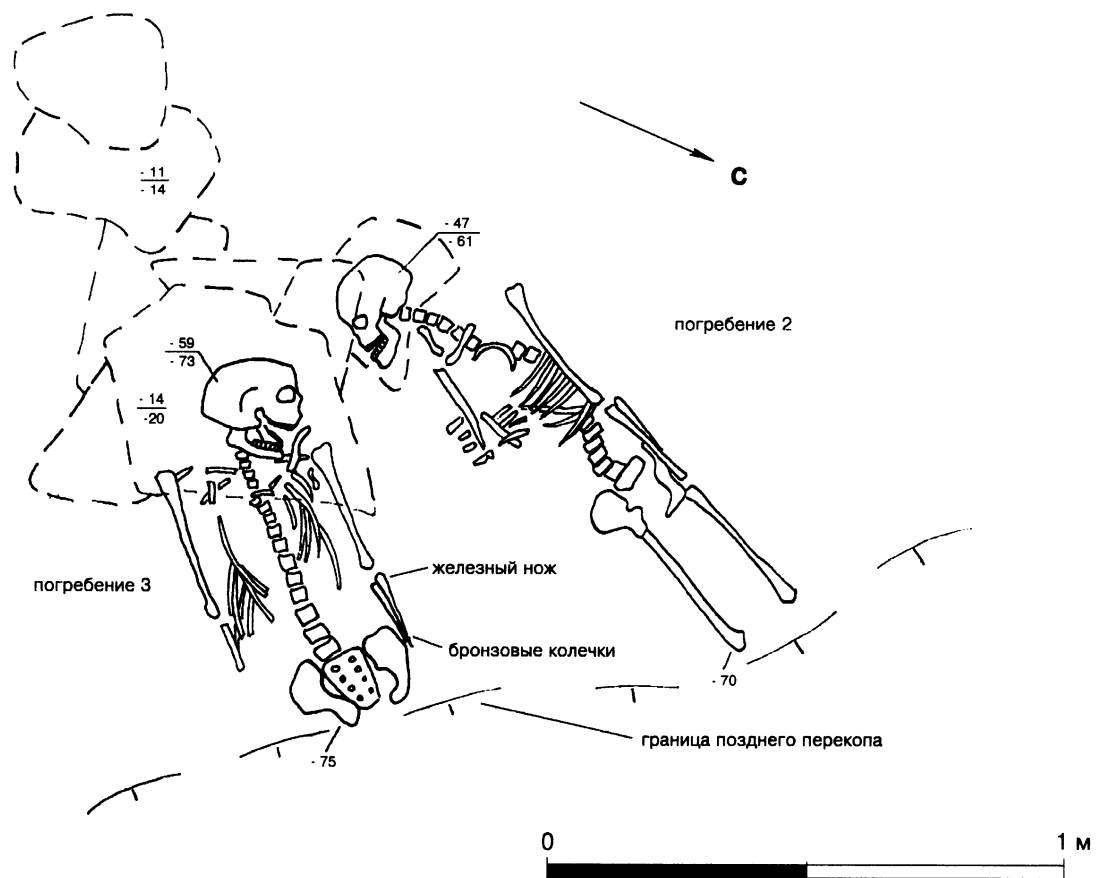

Figure 50

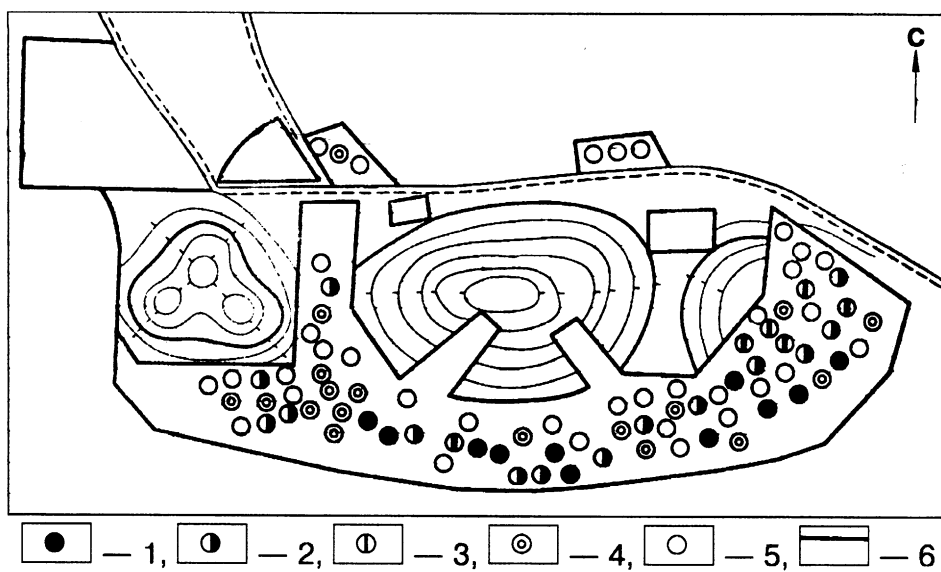
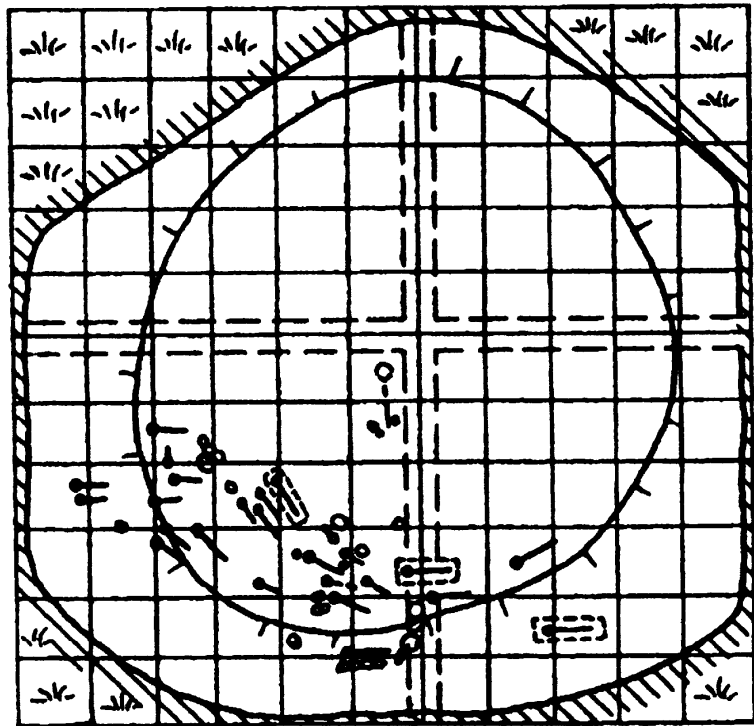
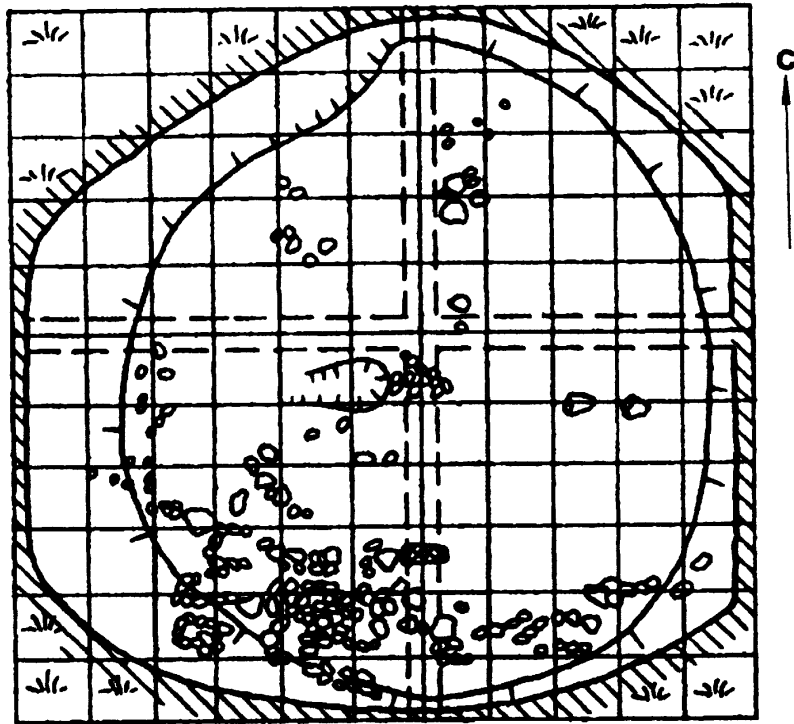

Figure 51

- — 1,
- — 2,
- — 3

Figure 52

